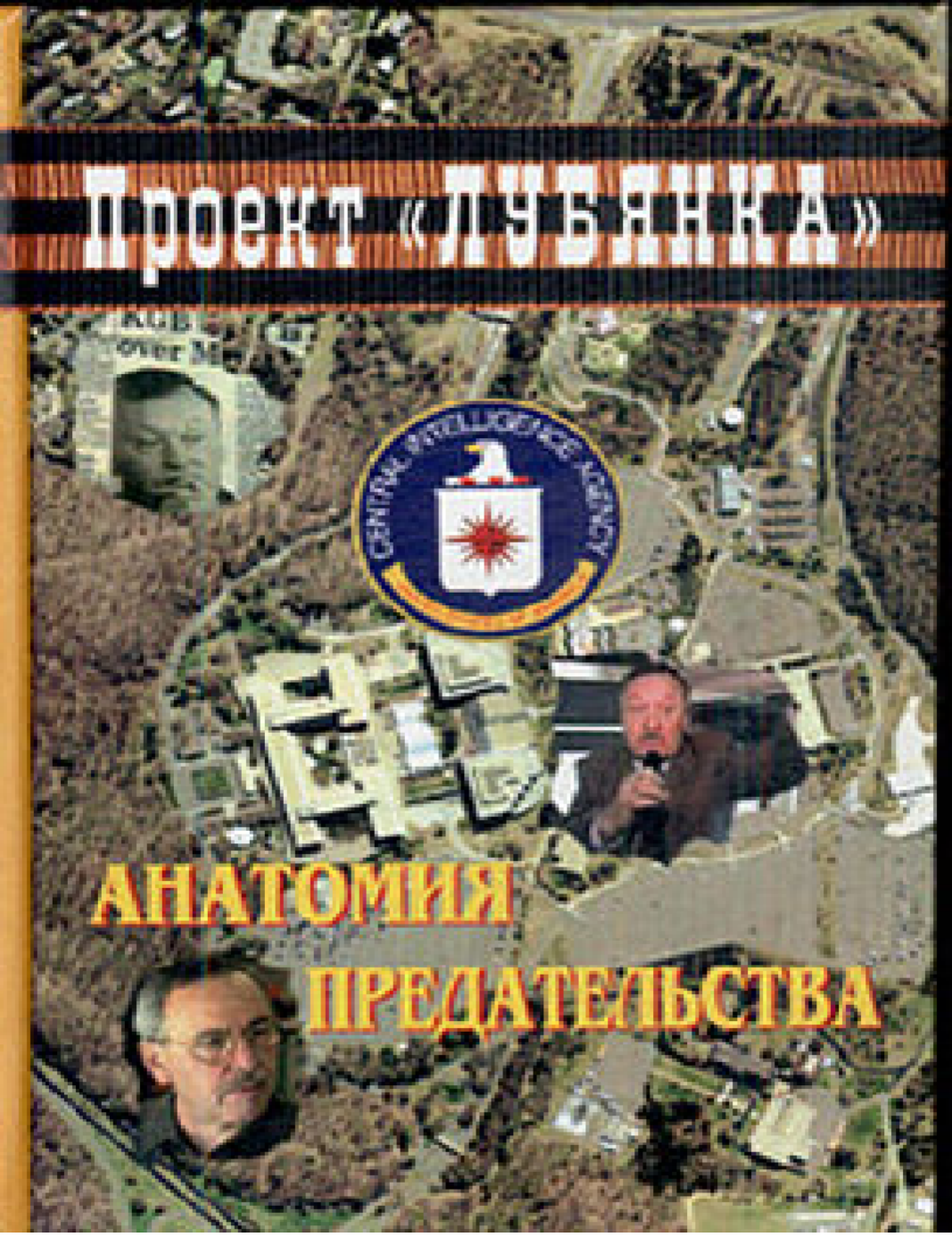
Проект «Лубянка»



АНАТОМИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге впервые дается анализ ряда агентурных дел, ставших позднее всемирно известными, к которым автор имел непосредственное отношение во время его оперативной работы в вашингтонской резидентуре КГБ. Проводится психологическое исследование феномена «предательства» на примере бывшего ответственного работника советской разведки О.Калугина, которого автор хорошо знал по совместной работе. Автором выдвинута версия его вербовки американскими спецслужбами в 1958 г. в Нью-Йорке. Приводятся новые факты его шпионажа и работы на спецслужбы США вплоть до нашего времени.

Книга изобилует сенсационными подробностями турниров «рыцарей плаща и кинжала», и читается на едином дыхании. Хотя в книге используется оперативная терминология, она читается с большим интересом как простыми читателями, так и работниками спецслужб. Для широкого круга читателей.

- ○ А.А.СОКОЛОВ
  - ■ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - ■ ПРОЛОГ
  - ■ ПУТЬ В РАЗВЕДКУ
  - ■ ПЕРВЫЕ ГОДЫ В КГБ
  - ■ НЕМНОГО О СЕБЕ
  - ■ КАК Я СТАЛ «БОГАТЫМ ШВЕДОМ» С ОДНИМ ДОЛЛАРОМ
  - ■ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ АМЕРИКИ
  - ■ ДЕЛО АРТАМОНОВА (ЛАРКА)
  - ■ ЛАРК НЕ ВЫЗЫВАЕТ ПОДОЗРЕНИЙ
  - ■ НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВЕРБОВКА
  - ■ АГЕНТ XX ВЕКА. ВЕРБОВКА ДЖОНА УОКЕРА
  - ■ ФБР ДЕЛАЕТ МНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ
  - ■ ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕДОВЕРИЯ К ЛАРКУ
  - ■ ПРОВЕРКА: ЛАРК — ДВОЙНИК ЦРУ
  - ■ ПРЕДАТЕЛИ И «КРОТЫ»
  - ■ ЛОВЛЯ СОВЕТСКОГО «КРОТА»
  - ■ АНАТОЛИЙ ГОЛИЦЫН
  - ■ ОЛЕГ ПЕНЬКОВСКИЙ
  - ■ ЮРИЙ НОСЕНКО
  - ■ ИГОРЬ ОРЛОВ
  - ■ БУДНИ ДИПЛОМАТА
  - ■ КОЛЛЕКТИВ ПОСОЛЬСТВА
  - ■ ДЖОН БАКЕР

- 100-ЛЕТИЕ В.И.ЛЕНИНА
- ДЕЛЕГАЦИИ
- КАТАСТРОФЫ
- НАША РЕЗИДЕНТУРА
- УБИЙСТВО ЛАРКА
- КАЛУГИН ПОДКЛЮЧАЕТСЯ К ДЕЛУ
- ПОИСКИ ШАДРИНА
- ДЕЛО КУКА
- УГОЛ ПАДЕНИЯ
- Ленинградская ссылка
- В «Большом доме»
- Вызов в Москву
- Смерть Андропова
- Старые друзья
- Новые подруги
- ОЛЕГ КАЛУГИН. «ПЕРВОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»
-
- “Борец” за реформу КГБ
- Перестройка
- Осторожно! Депутат!
- «Ликвидаторы»
- Большая ложь
- Дела агента ЦРУ
- Цена предательства
- Личность предателя и истоки измены
- Молодость Калугина

А.А.СОКОЛОВ
Анатомия предательства: «Суперкрот» ЦРУ в КГБ: 35 лет шпионажа генерала Олега Калугина

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Российским разведчикам и
памяти ушедших боевых друзей

посвящается.

… С точки зрения законов США Калугин подлежит преследованию по подозрению в умышленном убийстве американского гражданина Николаса Джорджа Шадрина.

В России же — по подозрению в умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах (с целью сокрытия еще одного преступления — государственной измены) советского гражданина Николая Федоровича Артамонова.

Следствие обеих сторон должно исследовать, имеется ли в его действиях состав преступления, пока еще живы свидетели в США и РФ.

ПРОЛОГ

В начале сентября 1991 года Олег Калугин, бывший советский разведчик, лишенный Президентом СССР Михаилом Горбачевым звания генерал-майора запаса, вошел в кабинет на днях назначенного председателем Комитета государственной безопасности СССР Вадима Бакатина.

— Что Вас заставило встретиться со мной, предателем и тайным агентом ЦРУ? — спросил вошедший.

— Не говорите чепухи. Я знаю Вас как честного человека, иначе не пригласил бы сюда, — приветливо ответил Бакатин и предложил перейти к делу.

Калугин стал бакатинским советником по «избавлению от КГБ» и пробыл на Лубянке немногим более трех месяцев, почти столько, сколько сумел удержаться в Кремле и сам председатель.

В том памятном ему по прежним посещениям большом кабинете, отделанном деревянными панелями, разжалованный

генерал заново оказался по рекомендации своего старого друга Александра Яковлева, ближайшего сподвижника Горбачева, «прораба перестройки». Эта дружба зародилась еще в молодые годы в Нью-Йорке, когда оба стажировались в Колумбийском университете. Один — от КГБ под видом выпускника Ленинградского университета, другой — от ЦК КПСС. Калугин — впоследствии стал руководителем внешней контрразведки ПГУ, а Яковлев — партийным функционером, одним из идеологов коммунизма, и при Горбачеве членом всесильного Политбюро ЦК КПСС.

Калугин оказался «самым молодым руководителем в советской внешней разведке, самым молодым за послевоенные годы генералом в КГБ», как он сам о себе говорит. Произошло ли это благодаря высокопоставленным друзьям или же только в силу своих способностей? Раскрыть истину может только он. Мы же попытаемся дать ответ на другой вопрос. Предатель ли Калугин и агент ЦРУ? Или он тогда попросту артистично сыграл в кабинете Бакатина?

Анализ развития событий вокруг ряда громких «шпионских дел», о которых подробно пишет Калугин в своей книге «Первое главное управление. Мои 32 года в разведке и шпионаже против Запада», изданной в Нью-Йорке в 1994 году, позволил мне получить ответ на эти вопросы. Ведь я был непосредственным участником некоторых из этих дел.

В книге, предлагаемой читателю, излагаются ранее никому не известные и абсолютно достоверные факты. Все действующие лица, события и время действия — реальные. Но поскольку сбор необходимых материалов я вел исключительно собственными силами, то и содержащиеся в книге выводы отражают лишь мою точку зрения. Некоторые события, к которым в силу своей служебной деятельности я отношения не имел, описаны по свидетельствам ветеранов советской внешней разведки, занимавших самые различные должности, и в какой-то части уточнены по мемуарной литературе.

Заранее хотелось бы предупредить читателя, что эта книга не относится к жанру воспоминаний. Лишь в нескольких главах, не связанных с основным сюжетом, рассказывается о моей жизни и работе в органах госбезопасности. Делаю это, чтобы читатель смог сам понять — могу ли я ставить в этой книге сложные вопросы и давать на них столь же непростые ответы, касающиеся судеб людей, по-разному связанных с разведкой.

Во время моей разведывательной работы в США в вашингтонской резидентуре КГБ с 1966 по 1971 год у меня на связи находился ценный агент под псевдонимом «Ларк»,

подлинная история которого до сих пор засекречена и американской, и нашей разведками. Дело это по сей день вызывает интерес у журналистов и исследователей истории спецслужб. Я долгое время внимательно следил за немногочисленными публикациями на эту тему, выходящими как на Западе, так и в России.

Калугина я хорошо знаю по работе в вашингтонской резидентуре. Мы были довольно близкими приятелями, если не сказать друзьями. После опубликования его книги в США Калугина обвиняют в преднамеренной расшифровке некоторых иностранцев, причем не только американцев, работавших, по его словам, на советскую разведку. Как бы в подтверждение этому в мае 1997 года в США за шпионаж в пользу СССР к длительному сроку заключения был приговорен Роберт Липка, бывший рядовой военнослужащий Агентства национальной безопасности (АНБ). Это сверхсекретное учреждение занимается радиоэлектронной разведкой, раскрытием шифров иностранных разведок и обеспечением надежности всех линий связи американских ведомств. Основанием для разработки и привлечения к суду Липки, как заявляло в прессе контрразведывательное подразделение ФБР, послужили в том числе материалы, взятые непосредственно из книги Калугина.

Сам Калугин пытается отрицать выдачу им агентов КГБ. Хотя в своей книге откровенно рассказывает, что он, являясь руководителем Управления внешней контрразведки ПГУ, был заподозрен в шпионаже в пользу США. После прочтения этой книги я испытал шок. Я не предполагал ранее, по какой причине Калугина в свое время убрали из разведки. Да еще и стали разрабатывать как агента ЦРУ. Естественно, он отвергает все подозрения, обвиняет КГБ в фальсификации материалов, возрождении сталинско-бериевских методов, всюду заявляет о грязных интригах против него, затеянных его недругами. Многие страницы калугинских мемуаров отведены описанию ряда оперативных дел, известных и мне по работе в США. Но в большинстве сюжетов факты им преднамеренно искажены. Анализируя более углубленно содержание книги, сравнивая изложенную в ней информацию с известными мне деталями, я пришел к конкретным выводам в отношении Калугина и решил изложить все это на бумаге. Получилась целая книга…

Олег Данилович Калугин — личность не совсем ординарная. Действительно, заняв в 1970 году в возрасте тридцати пяти лет должность заместителя начальника Службы внешней контрразведки ПГУ, а в 1973 году став уже ее начальником, он оказался «самым молодым руководителем в советской внешней

разведке». В сорок лет ему было присвоено звание генерал-майора.

До этого около десяти лет Калугин довольно активно работал в США по линии ПР — политической разведки. Свободное владение английским языком и другие личные качества позволяли ему легко налаживать контакты в журналистских кругах, среди дипломатов третьих стран, американцев различного социального положения, подчас не брезгуя и сомнительными личностями, в том числе женского пола. Несомненно, он хорошо знал Америку, обладал способностью вживания в незнакомую среду. Все это позволяло получать интересующую советскую разведку информацию. Такое мнение о нем сложилось у многих знавших его сотрудников линии ПР.

Однако назначение Калугина, офицера политической разведки, на руководящую работу во внешнюю контрразведку (КР) было воспринято коллегами неоднозначно. Некоторые расценивали этот взлет как результат гипертрофированных честолюбивых устремлений, умения выслужиться перед руководством разведки, близкими отношениями с некоторыми из них. Другие вообще не могли понять такой шаг работника ПР. И только сейчас стало ясно, почему Калугин усиленно рвался именно в контрразведку ПГУ. Для этого у него были веские причины.

К тому времени внешняя контрразведка прошла свое становление и сформировалась как самостоятельное направление работы разведки по выявлению и пресечению деятельности иностранных спецслужб против Советского Союза, его учреждений и граждан за рубежом. Линия КР была призвана предотвращать вербовку за границей советских людей и проникать в разведывательные и контрразведывательные службы наших противников. Для ЦРУ внешняя контрразведка ПГУ стала одним из основных объектов проникновения.

Калугин же, занимаясь политической разведкой, не имел опыта контрразведывательной работы ни на территории Союза, ни за границей. В силу этого для многих профессионалов было очевидно, что он вряд ли сможет успешно руководить такой специфической службой, понимать и видеть особую важность и необходимость глубокой и тщательной проработки оперативных вопросов, не всегда дающих мгновенный результат, правильно оценивать профессиональные качества оперативных работников, чтобы выбирать оптимальный вариант их служебного использования.

Реальная жизнь подтвердила справедливость подобного мнения. В период работы Калугина начальником Управления «К»

не было вскрыто ни одного агента американских спецслужб, зато имели место провалы ценной агентуры, неоправданные срывы вербовок сотрудников ЦРУ, предательства некоторых оперативных работников КГБ, ряд разработок по шпионажу велись по ложному пути.

После отстранения в конце 1979 года Калугина от работы во внешней контрразведке и в ПГУ уже с начала 80-х годов стала постепенно вскрываться обширная агентурная сеть иностранных разведок в Советском Союзе. Были разоблачены многие десятки западных агентов, в том числе и среди сотрудников наших спецслужб, завербованных от года и до тридцати лет назад. Многие из них продолжали действовать, некоторые находились на пенсии, другие полностью деградировали или ушли из жизни.

Конечно, нельзя было возлагать на Калугина всю ответственность за столь печальные результаты работы внешней контрразведки в 70-х годах, поскольку на это влияли и другие весомые факторы. Но большая доля вины за ложилась на него, как на непосредственного руководителя этого направления деятельности ПГУ. Читателю в дальнейшем станет понятно, почему под руководством Калугина контрразведывательная работа за границей являлась в целом малорезультативной.

В конце 1978 года Калугин был заподозрен в шпионаже, и в 1979 году по соображениям безопасности переведен на должность первого заместителя начальника Ленинградского управления КГБ. В 1987 году он возвращен в Москву, выведен в действующий резерв КГБ. Работал по обеспечению безопасности в Академии наук СССР, и затем два года в министерстве электронной промышленности. В 1990 году по достижении «пенсионного возраста» в пятьдесят пять лет уволен в запас.

Получив пенсионное удостоверение генерала КГБ, Калугин в тот же день посетил находившийся близ Лубянки кабинет директора Историко-архивного института Юрия Афанасьева и с его легкой руки в одночасье стал «демократом».

В начале 90-х годов — он уже популярный в стране активный критик советской системы госбезопасности. В июне 1990 года указом президента СССР Горбачева и постановлением правительства по представлению председателя КГБ СССР Калугин был лишен генеральского звания и государственных наград за нарушение служебных норм и дискредитацию органов госбезопасности. Как он сам признается, в отношении него возбуждалось уголовное дело за разглашение государственной тайны. С сентября 1990 по декабрь 1991 года — народный депутат СССР. В 1992 году после развала СССР попытался стать депутатом парламента России, но собрал на выборах менее 5 %

голосов. В 1994 году выехал в США. В 1995 году заявил, что намерен выставлять свою кандидатуру на очередных выборах в Государственную Думу России в 1999 году. Но уже в конце 1997 года в одном из интервью сказал, что «при существующем режиме» в Россию не вернется «из-за опасений за свою жизнь».

В звании генерал-майора запаса он был восстановлен тем же Горбачевым по представлению Бакатина, помощником которого Калугин после августовских событий 1991 года. Тогда же было прекращено и уголовное дело против него.

Вторым главным персонажем в исследуемых мною «шпионских делах» является агент советской внешней разведки Ларк — капитан 3 ранга Николай Федорович Артамонов, некогда перспективный тридцатитрехлетний командир эсминца Балтийского военно-морского флота СССР. В 1959 году он бежал из порта Гдыня на служебном катере со своей польской подругой Евой в Швецию, оттуда американской разведкой переправлен в США, где получил политическое убежище, а затем и гражданство. Выдачей государственной тайны Артамонов нанес значительный ущерб обороноспособности СССР. Стал сотрудником Разведывательного управления министерства обороны США (РУМО), одновременно использовался ЦРУ. В 1966 году завербован советской разведкой в Вашингтоне. В 1970 году разоблачен нами как двойной агент. В 1975 году выведен в Вену, захвачен оперативной группой ПГУ, но при нелегальной переброске через австрийскую границу в соседнюю Чехословакию умер «из-за передозировки усыпляющих препаратов», как гласит медицинское заключение. В операции принимал участие Калугин. Он был одним из ее разработчиков, руководителей и исполнителей.

Среди действующих лиц — и автор этой книги, сотрудник советской внешней контрразведки, работавший с агентом Ларком в 1966-71 годах в Вашингтоне.

ПУТЬ В РАЗВЕДКУ
ЧТО ПРОИЗОШЛО В СТОКГОЛЬМЕ И НЬЮ-ЙОРКЕ

Два события произошли летом 1959 года в разных частях света — Европе и Америке — с тремя ранее не знакомыми между собой русскими людьми.

Николай Артамонов 7 июля бежал в Швецию с полюбившейся ему двадцатидвухлетней черноволосой полькой Евой Гурой. Попросил политического убежища, передан в руки стокгольмской резидентуры ЦРУ, вывезен в США и завербован американской разведкой.

Анатолий Котлобай, гражданин США, житель Нью-Йорка, якобы по своей инициативе предложил в конце августа того же года начинающему свою карьеру в КГБ двадцатичетырехлетнему Олегу Калугину, стажеру Колумбийского университета, «секреты твердого ракетного топлива».

Судьба всех троих — Артамонова, Котлобая и Калугина — какими-то неведомыми силами на протяжении почти трех десятков лет постепенно сплелась в единый клубок. Лишь недавно обнаружилась правда жизни каждого из них в отдельности. В далеком 1959 году их невидимо соединяло то, что все они, каждый по своему, имели отношение к двум находившимся в состоянии тайной «холодной войны» мощным спецслужбам — КГБ и ЦРУ.

С Котлобаем произошло тогда следующее. Летом 1959 года в Нью-Йорке проводилась советская выставка достижений в области науки, техники и культуры в СССР. Для Калугина, стажера Колумбийского университета, появилась возможность побыть на ней гидом, что вполне его устраивало: можно было дополнительно подзаработать немного денег. Как-то вечером в августе после работы его остановила на улице супружеская пара — Котлобай с женой-китаянкой Селеной. Они сказали, что видели его на выставке и захотели с ним познакомиться. Котлобай представился как инженер-ракетчик, служащий крупной химической компании. Беседа по инициативе Калугина продолжилась в ближайшем кафе. Котлобай рассказал, что родом он с юга России, с Кубани. Во время войны СССР против гитлеровской Германии сотрудничал с немцами на оккупированной территории, бежал с ними и затем эмигрировал в США. Он — сторонник радикальных социалистических взглядов, считает, что Советский Союз является великой страной, должен идти своим путем развития и не копировать Америку.

Договорились встретиться через несколько дней. На второй встрече Котлобай в присутствие своей жены поведал Калугину, что работает над созданием твердого ракетного топлива. Готов передать ему секретные материалы по технологии производства компонентов и образцы самого топлива. Естественно, для любого разведчика, тем более начинающего, как Калугин, знакомство с таким «перспективным источником» ценной информации было крупной удачей. С таким результатом завершить годичную командировку в США, да еще стажеру-студенту, без задания Центра по оперативной работе, удается далеко не всякому. После третьей встречи и передачи Калугину подробной информации и даже образца топлива Котлобай добровольно становится агентом нью-йоркской резидентуры под псевдонимом «Кук».

Материалы Кука получили весьма высокую оценку Центра. Калугин же по возвращении в Москву был впервые удостоен государственной награды — ордена «Знак Почета». В своей книге он много раз говорит, что вербовка Кука несомненно послужила стартом его стремительной карьеры в советской разведке: «Это было мое единственное и самое удачное вербовочное мероприятие за все время работы в ПГУ». Действительно, в книге, являющейся фактически воспоминаниями о тридцати двух годах работы Калугина в КГБ, он не указывает ни одной вербовки агента — их не было у него ни на территории Союза, ни за границей. Здесь нужно иметь в виду, что в 50-х и 60-х годах в советской разведке подход иностранца к сотруднику с предложением своих услуг не рассматривался как вербовка. Конечно, находчивость и смелость оценивались положительно, но под вербовкой понималось вербовочное предложение, сделанное сотрудником разведки своему объекту разработки.

Следующая встреча Калугина с Куком состоялась лишь спустя двадцать лет, но не в Нью-Йорке, а в Лефортовской тюрьме в Москве.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В КГБ

После окончания в 1955 году юридического факультета Московского государственного университета (поступал и учился в Московском юридическом институте, который в 1954 году объединили с МГУ) мне в числе других двадцати пяти выпускников предложили поступить на работу в КГБ. У всех нас имелось воинское звание младших лейтенантов запаса. Оформление прошло быстро, и уже в сентябре мы стали курсантами годичной контрразведывательной школы № 306 КГБ СССР в городе Харькове. На следующий год по возвращении в Москву я был назначен на должность оперуполномоченного в отдел 4 Управления КГБ СССР, занимавшийся контрразведывательной работой в религиозных организациях и различных подпольных сектах.

Работа по Русской православной церкви

Отдел, возглавлявшийся полковником Василием Лутовым, состоял из нескольких отделений: по православной церкви и сектам, католической церкви, иудейским и мусульманским организациям. Он вел самостоятельную агентурно-оперативную работу в Москве по главным религиозным организациям, а также

курировал эту линию в территориальных органах госбезопасности СССР. Меня направили в отделение по Русской православной церкви, поручили заниматься Московской духовной академией и семинарией, расположенными недалеко от Москвы в Троице-Сергиевой лавре в городе Загорске (ныне Сергиев Посад). Ректором был протоиерей Константин Ружицкий, весьма известный церковный деятель.

На первой же ознакомительной беседе начальник управления генерал-лейтенант Харитонов, к моему удивлению, дал указание вербовать всех без исключения слушателей академии и семинаристов. На связь мне передали многочисленную агентуру из числа учащихся, преподавателей, наставников, верующих и других лиц. Все они разнились между собой по интеллекту, культуре, отношению к религии, по социальному положению в обществе…

Мои же знания религии в то время начинались и заканчивались лишь одним: Богово Богу, а кесарю кесарево. Я не знал, как разговаривать с верующими людьми, как находить с ними общий язык, взаимопонимание. Пришлось срочно приобретать знания в области теологии, доставать и штудировать религиозную и атеистическую литературу, чтобы хоть как-то разобраться в терминологии и современной истории церкви. Постепенно все стало на свои места. За малым исключением, слушатели академии и семинаристы соглашались сотрудничать с КГБ, понимая, что в случае отказа их дальнейшее продвижение в церковной иерархии столкнется со значительными трудностями.

В семинарию поступала разная молодежь. Некоторые стремились туда только по материальным соображениям. Приемом и отбором «органы» не занимались — все находилось в руках ректората. Ну и, конечно, сотрудники госбезопасности там не обучались, хотя обратное мнение и сейчас можно услышать от иных недобросовестных сказителей.

Слушателями духовной академии являлись молодые священнослужители и богословы, уже получившие семинарское образование. Большинство из них направлялись на учебу епархиями. Среди них находилась также агентура местных органов госбезопасности, которая бралась мною на связь до конца обучения. Марксизм-ленинизм, как иногда ошибочно утверждается в зарубежной и российской прессе, ни в академии, ни в семинарии не преподавался.

Разумеется, я добросовестно выполнял свою работу, никаких сомнений в целесообразности вербовок будущих священнослужителей у меня не возникало. Через год был повышен в должности и звании, стал лейтенантом. После прихода

в 4 Управление нового начальника генерала Евгения Петровича Питовранова — умного, интеллигентного человека и высокого класса профессионала — изменились и мои задачи. Вербовались только те слушатели, которые рассматривались как перспективные для контрразведывательной работы по церковной линии.

Вскоре мне поручили заниматься Московской патриархией и епископатами на территории СССР и за границей. Получил на связь и новую агентуру.

Патриарх Алексий (Симанский) и митрополит Коломенский и Крутицкий Николай (Ярошевич), а также их ближайшее окружение находились под агентурным наблюдением. Мне рассказывали старожилы-чекисты, что Сталин запретил устанавливать с этими иерархами агентурные отношения, когда еще во время войны призвал их возглавить Русскую православную церковь и поднимать патриотический дух народа. При восстановлении церкви в военные годы органы госбезопасности срочно разыскивали священнослужителей по лагерям ГУЛАГа. Кто из них был жив и где тогда находился, толком не знали.

Приходилось встречаться и с агентурой из числа почтенного возраста архиереев, прошедших тюрьмы и лагеря по несколько раз, с напрочь подорванным здоровьем, в итоге принявших советскую власть как историческую неизбежность. Всегда поражался той духовной силе, которую придавало им религиозное убеждение. Их любовь к своему народу, патриотизм вызывали глубокое уважение.

Но не все иерархи, особенно из молодых, были честны перед церковью. Находились и такие, которые, возложив на себя монашеский обет, в миру имели семью и детей, содержали молодых любовниц, вовсю наслаждались светской жизнью.

Одной из задач отделения был негласный контроль за назначением на высшие церковные должности, недопущение лиц, негативно настроенных к советской власти. Особые хлопоты создавал нам секретарь Патриарха Алексия, самый близкий к нему человек, руководитель Хозяйственного управления Московской патриархии Данила Остапов. Он пользовался безграничным доверием Патриарха и, фактически подменяя его, управлял всеми текущими делами: распоряжался деньгами церкви, через Патриарха назначал и снимал священнослужителей. Остапов стремился к тому, чтобы на руководящих церковных должностях находились преданные ему люди, создавал трудности в продвижении нашей агентуры, хотя в прошлом сам был агентом КГБ. Многие лица из высшего духовенства постоянно высказывали Патриарху недовольство

Остаповым, но все оставалось по-прежнему. Передо мной встала задача — каким-либо законным путем скомпрометировать Остапова перед духовенством и самим Патриархом, и тем ограничить деятельность секретаря кругом его обязанностей.

От агентуры нам постоянно поступали данные о незаконных операциях с цветными металлами, которые покупались у разного рода дельцов, крутившихся возле хозяйственных организаций в Новодевичьем монастыре в Москве и Троице-Сергиевой лавре в Загорске. Для производства церковной утвари, крестиков, окладов для икон и прочих изделий церковь нуждалась в золоте, серебре, бронзе, меди и алюминии, но фонды на это государство не выделяло. Пластины сусального золота еще можно было купить в небольших количествах в ювелирных магазинах. Остальное же дельцами приобреталось на «черном рынке» и, конечно, похищалось у государства. Мы иногда передавали оперативные материалы о хищениях в милицию, но та серьезно этим не занималась, и подпольная торговля расцветала.

Решили провести свою проверку. Вскоре агентура сообщила, что в Новодевичьем монастыре на базе мелкого кустарного производства действует целый подпольный цех, в котором работают около ста человек — по производству крестиков, цепочек, небольших окладов для икон и других изделий из бронзы, меди и алюминия, приобретенных за наличные деньги у дельцов. Основным организатором и финансовым распорядителем там был Остапов. Однако все оказалось серьезнее, чем мы предполагали — налицо были признаки преступной деятельности. Пришлось провести дополнительную вербовку агентуры из лиц, имевших отношение к хозяйственным структурам патриархии и близко стоявших к Остапову.

Для проведения официальной проверки руководство отдела получило санкции у заместителей генерального прокурора СССР и председателя КГБ. В мою задачу входило ввести в курс дела Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) ГУВД г. Москвы и Московскую городскую прокуратуру. В результате были получены первичные материалы о скупках краденного металла, подделке отчетных документов, присвоении денег и других нарушениях закона. Прокуратура возбудила уголовное дело. Но когда его передали для производства двум лучшим в то время следователям Московской городской прокуратуры, то через пару месяцев дело развалилось. От агентуры поступили сообщения, что следователи получили крупную взятку. Однако прямых доказательств ее получения не имелось.

Спустя короткое время этих двух следователей неожиданно

все же поймали с поличным при получении взятки по другому крупному хозяйственному делу и осудили на длительные сроки наказания. Процесс имел большой резонанс в Москве, выяснилось много пикантных подробностей их личной жизни, были публикации в центральной прессе. Иногда даже самый простой случай говорит о многом. Еще до их ареста я находился в командировке в Сочи в связи с вербовкой одного американца. Как-то вечером, находясь с моим объектом в ресторане гостиницы «Приморская», вдруг увидел этих двух следователей в окружении веселой компании. Им, конечно, эта встреча была не нужна, и они заверяли меня, что находятся тут по какому-то следственному делу. Потом на судебном заседании выяснилось, что каждое воскресенье они вылетали в Сочи для кутежа.

Во время судебного заседания возникла возможность вскрыть получение ими взятки от высокопоставленного работника Московской патриархии, но суд посчитал эпизоды по основному делу достаточными для обвинительного приговора и решил не направлять дело на дополнительное расследование. Свою роль сыграло также «телефонное право» в московской прокуратуре — слишком неприглядно для нее смотрелось мздоимство следователей.

Дело по Остапову до суда не дошло, но наша цель была достигнута: положение его заметно пошатнулось. Через агентуру мы довели до его сведения, что нам известно о даче взятки, и если он не прекратит незаконные операции с металлами, то расследование возобновится. Проблем с ним больше не возникало.

Много внимания уделялось работе Иностранного отдела Московской патриархии. Устанавливались связи с экуменическим движением, священнослужители стали чаще выезжать в заграничные приходы, принимать зарубежное духовенство в Союзе. В отдел приходила светская молодежь со знанием языков. Требовалась надежная агентура, способная работать по иностранцам и выполнять контрразведывательные, а иногда и разведывательные задачи. Ее нужно было готовить. У меня возникли деловые контакты с опытными работниками ПГУ Василием Ивановичем Вирюкиным и Иваном Ивановичем Михеевым, занимавшимися использованием церковной линии в целях разведки.

Вспоминается случай, когда по просьбе ПГУ в Иностранный отдел патриархии мне пришлось устроить на работу переводчиком князя Александра Львовича Казем-бека, известного деятеля белой эмиграции, неистового вождя русской националистической партии «младороссов» в фашистской

Германии. Хотя его партия насчитывала всего около двух тысяч членов, он принимался Гитлером и Муссолини. Было передано нам и дело его агентурной разработки по шпионажу в пользу США. Но разработку князя примерно через год я прекратил, так стало очевидным, что шпионажем он не занимается. Наоборот, является патриотом своей родины и к советской власти относится вполне лояльно. Несколько месяцев я общался с ним под видом работника Советского комитета защиты мира

Завершая краткий рассказ о работе по церковной линии, хочется подчеркнуть, что и в мое время — в конце 50-х и начале 60-х годов — органы госбезопасности не вмешивались в религиозную деятельность церкви, не принуждали церковнослужителей нарушать церковные заповеди и выполнять какую-либо антицерковную работу. Периодически появляющиеся в прессе сообщения о «связях» отдельных служителей церкви с органами госбезопасности в прошлые годы, с моей точки зрения, ни в коем случае никого не компрометируют. Они не наносили вреда ни церкви, ни своей пастве. Совесть их чиста. В своей работе также не вижу греха. Вся моя деятельность на этом участке работы была подчинена главной задаче — обеспечению безопасности государства. Конечно, в то время я относил себя к стойким атеистам, но спустя много лет все-таки отвел двух своих сыновей в церковь для крещения.

Постепенно в 4 Управлении, как и во всем КГБ, происходила смена оперативного состава. На работу брались только лица с высшим образованием. В центральном аппарате еще после бериевских времен увольняли работников грузинской и еврейской национальности. На многие руководящие должности среднего уровня назначались комсомольские аппаратчики, которые зачастую вызывали неприязнь у оперативного состава своим, мягко говоря, «вольным» поведением, пьянством, причем за государственный счет, использованием служебного положения в личных интересах. Они в доверительных разговорах сетовали, что перспективы их работы в органах госбезопасности ограничены временем пребывания у власти Никиты Хрущева. Я близко знал начальника Ростовского управления КГБ Юрия Тупченко, бывшего ранее секретарем обкома ВЛКСМ в Ростове-на-Дону. Он хотя и положительно отличался от многих других комсомольских выдвиженцев, но все-таки свою работу в органах рассматривал как временную. Интересными были его рассказы о жизни Михаила Шолохова, любимцем которого он являлся. По его словам, Шолохов написал много литературных произведений, но при жизни публиковать их все не хотел и складывал рукописи в специальную комнату. До сих пор не знаю, так ли было на самом

деле.

Дело Кулик-Симонич

В конце 50-х и начале 60-х годов в центральном аппарате КГБ «чистились» архивы. Как стало известно десятки лет спустя из многочисленной мемуарной литературы, чистка проводилась по указанию Хрущева и других партийных деятелей того времени, пытавшихся уничтожить свои кровавые следы годов сталинских репрессий, в которых они принимали активное участие.

Многим сотрудникам давали архивные дела для заключений, представляют ли документы историческую или оперативную ценность или подлежат уничтожению. В подавляющем большинстве те дела уничтожались.

Одно из таких дел — оперативно-розыскное на Кулик-Симонич, жену будущего маршала Советского Союза Григория Ивановича Кулика, тогда заместителя наркома обороны Климента Ворошилова и начальника Главного артиллерийского управления РККА, — дали мне. По материалам, эта женщина в июле 1939 года вышла из дома, чтобы поехать на служебной машине мужа в Кремлевскую поликлинику, и домой не вернулась. В связи с этим по ней был объявлен всесоюзный розыск.

Дело состояло из двенадцати томов. В нем находились циркулярные и отдельные телеграммы во все территориальные и транспортные органы НКВД с приметами пропавшей, кратким изложением факта — «вышла из дома и не вернулась» — и указанием о розыске. Сообщения, в том числе на имя наркома Берии, о проведенных агентурно-оперативных мероприятиях и их результатах. Заявления самого Кулика об исчезновении жены не было. В томах были подшиты многочисленные агентурные сообщения о Кулике, начиная со времени его обучения в Военной академии имени М.В. Фрунзе, об оценках им других военачальников. Сам Кулик характеризовался как военный со средними способностями, прямолинейный и недостаточно образованный человек. Приводились его высказывания в узком кругу знакомых, что назначенный наркомом обороны в 1940 году вместо Ворошилова Семен Тимошенко не обладает необходимыми качествами, чтобы занимать такую должность, и он, Кулик, должен быть наркомом. В служебных академических характеристиках о его военных способностях говорилось как об ординарных. В некоторых агентурных донесениях кратко описывались рассказы Кулика о его участии в боях против Белой армии вместе с Ворошиловым.

Большинство материалов дела относилось к Кулик-Симонич и двум ее сестрам, с которыми она проживала в 20-30-х годах в Ленинграде. В частности, сведения об их весьма свободном образе жизни, кутежах и близких связях с иностранцами. В отдельном томе находились справки о содержании периодически прослушиваемых телефонных разговоров Кулик-Симонич, а также ее разговоров на квартире одного из известных деятелей советской культуры, с которым она находилась в весьма близких отношениях. В отдельных конвертах было много фотографий ее и сестер в разные годы. По всеобщему признанию, она была красавицей, привлекала внимание мужчин, и ее исчезновение вскоре стало известно семьям членов правительства и вполголоса обсуждалось в их кругу.

Правды никто не узнал. Поиск результатов не дал, но постановление о прекращении розыска не выносилось. С 1941 года дело находилось в архиве. Хотя по делу проводились розыскные мероприятия, у меня сложилось твердое мнение, что поиск велся формально, и никого не интересовал. По своему содержанию розыскное дело фактически являлось делом агентурной разработки Кулик-Симонич. Его уничтожили.

Правда о трагедии жены будущего маршала вроде бы прояснилась после ареста Берии в 1953 году и стала известна общественности после рассекречивания материалов следствия на него и его ближайших подручных. Выдержки из них опубликованы в книге Кирилла Столярова «Палачи и жертвы» (1998).

Так, на допросе у Генерального прокурора СССР 26 августа 1953 года Берия на вопрос: «Тайное похищение и убийство Кулик-Симонич было совершено по вашему личному приказанию?», ответил: «Я не могу вспомнить, кому я дал распоряжение о тайном изъятии и уничтожении Кулик-Симонич, но мне помнится, что ее допрашивали. Было ли решение Особого совещания по ее делу, я не помню. Не помню также, обращался ли Кулик ко мне с заявлением о том, что исчезла его жена. Не помню, объявлялся ли всесоюзный розыск Кулик-Симонич…». В ходе судебного заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР 18–23 декабря 1953 года на вопрос судьи: «Вы отдали Меркулову распоряжение о похищении, а затем убийстве Кулик-Симонич?», Берия, уже вспомнив, показал: «Я получил небольшую сводку о Кулик. Вернее, я попросил, чтобы мне дали о ней сводку. Получив сводку, я показал ее (Сталину — *примечание автора*). Мне было приказано изъять Кулик-Симонич и так, чтобы никто об этом не знал. Получив такое указание, я вызвал Меркулова и Влодзимирского, и поручил произвести

операцию. Они выполнили мое поручение».

Меркулов являлся заместителем Берии, Влодзимирский — начальником Следственной части по особо важным делам НКВД. Его, уже как подсудимого, тогда же в декабре допрашивал маршал Советского Союза Иван Конев:

Вопрос: По указанию Берии вы принимали участие в пытках, похищениях и убийствах советских людей?

Ответ: В 1939 году, в июне или июле, меня вызвали в кабинет Берии. Там находился Меркулов и еще кто-то. Берия дал указание Меркулову создать группу из 3–4 человек и произвести арест жены Кулика. Я был участником этой группы. Меркулов разработал план, как устроить засаду, и предложил жену Кулика снять секретно. Ордера на арест не было.

Вопрос: Значит вы тайно похитили человека ни в чем не виновного… то есть без всяких оснований?

Ответ: Была ли она виновата или нет, не знаю. Я считал, что ее снимают незаметно, так как не хотят компрометировать ее мужа.

Вопрос: Вы похитили жену Кулика, а что вы с ней сделали?

Ответ: Мы привезли ее в здание НКВД и сдали. Через полтора месяца меня вызвал Кобулов, приказал выехать в Сухановскую тюрьму, получить там жену Кулика и передать ее Блохину. Я понял, что если она передается коменданту НКВД (лично исполнявшему расстрелы — ***А.С.***) Блохину, то значит для исполнения приговора, то есть расстрелять. Я только теперь узнал, что ее допрашивали Берия и Меркулов.

Другой обвиняемый на том же судебном процессе Меркулов на вопрос: «Вы допрашивали Кулик-Симонич?», ответил: «Кулик-Симонич я допрашивал вместе с Берия, правильнее сказать, допрашивал ее Берия, а я вел запись протокола. Никаких показаний о своей шпионской работе она не дала и была нами завербована в качестве агента. На следующий вопрос: «За что же была убита Кулик-Симонич?», Меркулов ответил: «Я ее не убивал. Берия сказал мне, что о ее расстреле есть указание свыше. У меня не было никаких сомнений в том, что такое указание действительно было получено».

И еще один исполнитель — безграмотный, но сообразительный сотрудник, потомок грузинских князей, занимавший высокие должности в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД, Шалва Церетели, пенсионер на момент его ареста по делу Берии, показал: «Вместе с Влодзимирским и Гульстом я участвовал в тайном изъятии жены маршала Советского Союза Кулика. Выполнялось это задание по указанию Берии. Для чего была изъята эта женщина и что с ней случилось потом — мне

неизвестно».

Гульст — заместитель начальника отдела охраны, затем заместитель наркома внутренних дел Эстонии, во время следствия по делу Берии находился на пенсии. На допросе он показал: «В 1940 году (Гульст ошибается, был 1939 год — ***А.С.***) меня вызвал к себе Берия. Когда я явился к нему, он задал мне вопрос, знаю ли я жену Кулика. На мой утвердительный ответ Берия заявил: «Кишки выну, кожу сдеру, язык отрежу, если кому-то скажешь то, о чем услышишь!». Затем Берия сказал: «Надо украсть жену Кулика, в помощь даю Церетели и Влодзимирского, но надо украсть так, чтобы она была одна». В районе улицы Воровского в течение двух недель мы держали засаду, но жена Кулика одна не выходила. Каждую ночь к нам приезжал Меркулов проверять пост, он поторапливал нас и ругал, почему мы медлим. Слышал, что Кулик объявлял розыск своей жены, но найти ее не мог».

Из всего сказанного этими лицами делается справедливый вывод — для Берии «свыше» мог быть только Сталин. Если исходить из показаний Берии, жена Кулика была «изъята» и расстреляна по указанию Сталина на основании «сводки», доложенной ему наркомом по личной инициативе. Тайные «изъятия» и бесследные убийства, хотя и редко, но имели место в кровавой практике Сталина. Аналогичным образом исчезли в том же 1939 году посол СССР в Китае Иван Бовкун-Луганец с женой и водителем машины, убитые сотрудниками НКВД по приказанию «сверху» и захороненные с почестями. Сводка на Кулик-Симонич или, если исходить из чекистской терминологии, скорее всего, справка по материалам подслушивания, о которой говорит Берия, была составлена, вероятно, на основании данных разработки, позднее превратившейся в розыскное дело. Цель указания «сверху» не совсем ясна. Избавить преданного человека от неверной жены? Вряд ли. Были другие пути решить этот вопрос.

В розыскном деле не было материалов о каких-либо антисоветских высказываниях или подозрениях о «работе на капиталистические разведки» самого Кулика или его жены. Хотя позднее в одной из челобитных Сталину он упоминает: с 1937 года на основании лжесвидетельства его подозревали, что он «вовсе не Кулик, а засланный агент германской разведки». Негативный материал дела касался лишь жены Кулика и ее сестер и, если бы у Берии было намерение скомпрометировать будущего маршала, то были бы использованы именно эти данные. Меркулов на следствии указывает, что показаний о шпионской работе она не дала. Но как выбивались нужные показания, известно сегодня всем, исключение не составила бы и жена

заместителя наркома. Вероятно, не ставилась такая цель или по каким-то причинам нельзя было применять силу.

Примечательно, что Берия на первом допросе почти ничего не помнил о Кулик-Симонич. Память у него, как отмечали его современники, была хорошая и здесь налицо явный обман. Скорее всего, он выяснял, известно ли следствию об объявлении розыска. Как видно из смысла задаваемых вопросов, следствие этого не знало и в спешке по делу Берии такие «мелочи», когда приговор ему был предрешен, никто не учитывал. Закономерен вопрос — Зачем велся всесоюзный розыск вами же расстрелянного человека? — который прокурор Руденко не задал. Берия этим воспользовался и на следующем допросе переложил вину за убийство на мертвого властителя — Сталина. Такой вывод можно подтвердить, если поставить еще один вопрос: зачем и для кого был объявлен и велся розыск жены Кулика? Кому надо было показать и кого убедить, что она действительно разыскивается и НКВД к исчезновению не причастен? Чекистов, которые и так знали о произволе, или Кулика, не имевшего доступа к делам госбезопасности? Нелепо и бессмысленно.

Вырисовывается другая, более вероятная, версия: Берия без ведома Сталина «изъял» красивую и легкого нрава жену Кулика, поместил ее на служебную дачу «в надежде на взаимопонимание», но та неожиданно отвергла его притязания. На это, как свидетельствуют множество других документальных фактов, он был способен. Выход из крайне опасного положения оставался один: убрать ее навсегда. Объявлением всесоюзного розыска он подстраховал себя на случай, если Сталин вдруг, как это не раз бывало, поинтересуется розыском непосредственно у оперативного подразделения. Возможно, как говорит Берия, он давал Сталину «сводку», но уже после похищения Кулик-Симонич. Другие подручные исполняли только указания Берии, не ведая, что он прикрывается приказом «сверху», который для них казался вполне вероятным. Вся эта трагичная история с Кулик-Симонич позволяет сделать вывод, что Берия обманывал Сталина уже в начале своей работы во главе НКВД. Не исключено, что в архивах имеются и другие подобные факты.

Судьба Кулика, как и его жены, также сложилась весьма трагично. В 1940 году ему, Тимошенко и Шапошникову присвоены маршальские звания, он стал и Героем Советского Союза, а в 1942 году разжалован из маршала Советского Союза в генерал-майоры, через полгода произведен в генерал-лейтенанты, затем вновь в генерал-майоры, в этом звании в 1950 году расстрелян и в 1957 году посмертно реабилитирован маршалом.

* * *

За время работы в 4 Управлении приходилось просматривать дела Особого архива 20-30-х годов, которые поражали своим содержанием. Иногда в деле было всего пять-шесть листов: первый — бланк на половинке страницы, постановление об аресте, затем два-три листа — протокол единственного допроса с признанием в шпионаже в пользу немецкой, польской и других разведок и выдаче государственных секретов без указания конкретных фактов, две другие половинки — приговор органа госбезопасности к расстрелу и справка о приведении его в исполнение. Две картонные корочки с надписью «Хранить вечно».

На нас, молодых сотрудников, знавших о беззакониях в стране только из письма ЦК КПСС к членам партии о культе личности Сталина, зачитанного на партийно-комсомольском собрании в 1956 году в харьковской школе, увиденное и услышанное в стенах Лубянки производило тягостное впечатление.

Следует сказать несколько слов о политических настроениях сотрудников в то время. Оно ничем не отличалось от настроений в стране. Хрущева приветствовали за разоблачение культа личности Сталина и арест Берии с его подручными, реабилитацию жертв репрессий, за выселение из бараков и строительство пятиэтажек. Но осуждали за произвол в экономике, кукурузу, волюнтаризм в политике, насаждение своего культа, смеялись над демагогией и безграмотной болтовней. На партийном активе КГБ в 1958 году при выборе Хрущева делегатом на XXI съезд КПСС один голос был подан против. В 1964 году, когда рано утром, до объявления по стране о его смещении, портреты Хрущева в здании КГБ на Лубянке были сняты, все вздохнули облегченно.

Думаю, что работа в центральном аппарате КГБ по линии внутренней контрразведки с необычной агентурой из числа духовенства позволила мне приобрести неплохой опыт агентурно-оперативной работы.

Внешняя контрразведка

С 1961 года начинается новый этап в моей жизни — работа в советской внешней разведке. После двух лет обучения в Высшей разведывательной школе, которая в оперативной переписке и в обиходе именовалась школой № 101, я в 1964 году начал работать в американском направлении Службы внешней

контрразведки ПГУ, занимаясь проникновением в спецслужбы США с территорий третьих стран.

Службу внешней контрразведки возглавлял заслуженный генерал Алексей Алексеевич Крохин, до этого весьма успешно руководивший резидентурой во Франции, но в силу своего характера не сумевший наладить нормальные отношения с оперативным составом. Несмотря на авторитет и опыт, сотрудники недолюбливали его за формализм и явное высокомерие.

Его вскоре заменил Григорий Федорович Григоренко, который сразу пришелся «ко двору» и внес существенные изменения в работу. С него, по моему убеждению, началось становление самостоятельного направления в разведке — внешней контрразведки, укрепление ее кадрами, увеличение числа заграничных точек, повышение требовательности к работе линии КР в резидентурах, определение целей и задач — всего того, что касалось деятельности по противодействию иностранным спецслужбам, и в первую очередь главного противника — США.

НЕМНОГО О СЕБЕ

В начале 1966 года решился вопрос о моей долгосрочной командировке в вашингтонскую резидентуру. Сама по себе поездка за границу, тем более в США, в те годы являлась для советского человека значительным событием в жизни. Процедура оформления выезда была длительной и довольно бюрократической — прохождение разного рода собеседований и комиссий, от служебных до партийных, занимало много времени и приносило немало беспокойства. Моими родными и близкими предстоящий отъезд воспринимался как неординарное, но необходимое событие. Сам я понимал, что должен трудиться с полной отдачей и надеялся на успех. Хотя я свои знания США, и в какой-то мере американцев, по опыту своей работы в Союзе оценивал как недостаточные, но все-таки считал себя вполне способным выполнять поставленные задачи. Что же касается моих взглядов на страну и оценок американских реалий, то они определялись, как и у большинства советских людей, идеологическими концепциями, господствовавшими тогда в Советском Союзе.

При подготовке к работе в США мне было известно несравненно больше, чем писалось в советских газетах, но все-таки истинного положения, как оказалось, я не знал. Многое позднее изменилось в моем восприятии Америки, но и по сей

день глубоко убежден, что людям нашей страны всегда будет чужд образ жизни американцев — высокий материальный уровень одних и поразительная бедность других, отсутствие «чувства локтя», национальный эгоизм. Считал, что советские люди своим трудом и постоянными лишениями заслуживают лучшей жизни и единственное, чего я еще хотел для Советской России, так это быть такой же богатой страной, какими являются США.

Итак, настал день отлета. 5 июня 1966 года в аэропорту «Шереметьево» меня, жену Раису и дочку Катю провожали родные и друзья. Вылет самолета Аэрофлота, на котором мы должны были лететь до Брюсселя, как часто бывало с этой единственной в Советском Союзе авиакомпанией, задерживался по необъясненным причинам. Чтобы скоротать время, все пошли в ресторан и распечатали бутылку армянского коньяка «за удачный взлет и мягкую посадку». Наконец вылет состоялся. Из Брюсселя мы должны были рейсом авиакомпании «Сабена» отправиться в Нью-Йорк. В то время самолеты Аэрофлота не совершали прямые рейсы на США.

На душе было немного грустно. Впереди много тревожного. Я впервые на столь продолжительное время расставался с родителями. Да и они не скрывали своих эмоций. Отец и братья, провожая меня, держались по-мужски, мама осталась дома.

Делаю небольшое отступление от событий того дня.

Отец

Я гордился своим отцом, Соколовым Александром Петровичем, за его честный, справедливый, мужской характер, по-настоящему любил его. Он был по профессии военным инженером-строителем. Трудовой путь начал на Смоленщине в четырнадцать лет. В коммунистическую партию вступил в 1927 году. В 1936 после окончания Военно-строительной академии им. Куйбышева в Москве был направлен на работу на Дальний Восток. Вскоре возглавил Военно-строительное управление Тихоокеанского флота во Владивостоке. Отечественную войну закончил в звании инженер-полковника, долгие годы восстанавливал Белоруссию, работал на Целине с Леонидом Брежневым. Среди советских строителей занимал видное место.

Будучи в действующей армии, он брал меня на фронт зимой 1943 года. Голодные военные годы многочисленные родственники по маминой линии прожили с нами в эвакуации в Сибири и остались живы лишь благодаря заботам отца. Он был

абсолютно бескорыстным человеком. Но вся ноша обыденной жизни семьи лежала полностью на плечах мамы — Веры Ивановны. Трудно сейчас себе представить, что ей пришлось пережить за прошедшие годы — бесконечные переезды, тревожные годы репрессий и войну, потери близких, вечную заботу об отце и трех сыновьях, и многое другое, что было обычным для многих в те далекие времена. Умерла она недавно, на 89 году. Жила самостоятельно и всегда сохраняла оптимизм. Во время сталинских репрессий мой отец чудом не пострадал, хотя его тесть, мой дед — простой телефонист, дважды арестовывался за «антисоветскую агитацию» и строил Беломорско-Балтийский канал.

Мои отношения с отцом, как старшего сына, никогда не выходили за определенные рамки. О каких-либо вольностях или грубости по отношению к нему я не мог даже думать. Но одновременно он не подавлял во мне свободы делать и мыслить так, как я хотел. Старался «закалить» мой характер, воспитать человека, способного самостоятельно прожить жизнь. Помнится, как однажды, чтобы научить меня плавать, когда мне было семь лет, он бросил меня в быструю речку — это было на Дальнем Востоке. Я начал тонуть, но, невольно собравшись с силами, стал работать руками и ногами и выплыл. Конечно, он исподволь наблюдал за мной и готов был придти на помощь, но этот случай запомнился на всю жизнь, хотя я никогда не спрашивал о нем отца. Может быть, подобные «воспитательные» меры отложили отпечаток на моем характере. В последующие годы возникавшие проблемы часто приходилось решать по схеме «щенка брошенного в воду». Выплывешь — будешь жить. Нет — пеняй на себя. Иными словами, умей понять новое, выходи из критических ситуаций, не пасуй перед трудностями. В целом, такой подход сыграл свою положительную роль в моей жизни. Во всяком случае, он определил самостоятельность при решении многих важных жизненных проблем.

Двор на Можайке

Мои юношеские и студенческие годы прошли в Москве в свойственной тому времени атмосфере коллективизма среди ребят одного двора. Жили мы на Можайском шоссе в многоэтажном доме, построенном в 1942 году. В трех подъездах проживали артисты кино, в двух остальных — служащие Совета Министров СССР и ученые. В доме жили Марк Бернес, Борис Андреев, Иван Переверзев, Нина Алисова, Сергей Герасимов с Тамарой Макаровой, Иван Пырьев с Мариной Ладыниной, Михаил Калатозов, Марк Донской, Леонид Луков и многие другие известные актеры и режиссеры. Часто в дом приезжал Петр Алейников, друживший с Андреевым и навещавший своего учителя Сергея Герасимова. Они были молодые, веселые, общались с нами, ребятами, на равных, играли вместе в волейбол, в футбол, охотно рассказывали о новых фильмах.

После выхода в годы войны кинофильма «Радуга» мы, двенадцатилетние пацаны, вечерами ждали Нину Алисову, сыгравшую роль жены советского офицера, изменившую ему с немцем. Мы так близко к сердцу восприняли ее «предательство», что каждый зимний вечер с криками «Курт! Это твое последнее слово!» забрасывали ее снежками. Эту фразу произносил в фильме «муж» перед тем, как застрелить предательницу-жену. Тогда кумирами были герои «Двух бойцов» Марк Бернес и Борис Андреев.

Вблизи нашего двора стояли старые деревянные дома бывшей Дорогомиловской заставы, в которых жили разные люди и с уголовным прошлым, и с малым материальным достатком. Но ребячий двор был один, все были вместе. Даже более того, мы, жившие в большом доме, при довольно частых кулачных стычках с другими дворами пользовались покровительством и защитой более взрослых и прошедших уже воспитательные колонии и тюрьмы ребят со старой заставы. Но никто из них никогда не пытался втянуть нас в какие-либо темные дела, хотя мы знали, что некоторые из них и этим занимались.

В совминовском подъезде жили мои друзья Дмитрий и Александр Солоницкие, внуки ленинского соратника и первого народного комиссара юстиции российского правительства Дмитрия Курского. После окончания восьмого класса вместе впервые пошли в ресторан — знаменитый «Арагви», где сидевший с нами за столом мужчина потребовал у нас ученические билеты. Помню, что пили почему-то крепкий ликер «Шартрез». В

студенческие годы бывали в популярном тогда среди молодежи ресторане «Астория», ставшем затем «Будапештом», где играл выдающийся ударник Лаци Олах. Кстати, до этого ходили слушать его, прогуливая уроки в школе, в кинотеатр «Метрополь», где он выступал перед утренними сеансами.

Общим нашим другом был Юрий Корнблюм — сын «врага народа», известного советского драматурга Владимира Киршона. Братья Солоницкие дружили с жившим в соседнем доме Юлианом Ляндресом, ставшим позднее известным писателем Юлианом Семеновым — тоже сыном «врага народа», близкого коллеги Николая Бухарина по работе в газете «Известия». Все это держалось в секрете, имена их отцов произносить было опасно. Говорили об этом редко и только шепотом.

Дмитрий и я поступили в 1951 году в Московский юридический институт (МЮИ), Александр и Юлиан — в Институт востоковедения. Через год Юлиана исключили из института и комсомола за то, что не сообщил в анкете об аресте отца.

Несчастье постигло и Дмитрия Солоницкого с Юрием Корнблюмом — их арестовало МГБ.

Мы знали, что Дмитрию понравилась Марта Ковалева, приемная дочь бывшего министра путей сообщения СССР Ивана Ковалева. Познакомились они случайно. На свою беду эта жизнерадостная красивая девушка попала в поле зрения любвеобильного похотливого Берии. Охранник Берии Саркисов буквально преследовал Марту и Дмитрия, принуждая влюбленных расстаться. В итоге, Дмитрия, а заодно Юрия Корнблюма и их общего друга Бориса Сарылова осудили каждого на двадцать пять лет тюрьмы за «антисоветскую агитацию». А «агитация» выразилась в рассказе ими нескольких политических анекдотов, ходящих в изобилии по Москве, и исполнении Сарыловым на пианино в джазовом ритме гимна Советского Союза на одном из школьных вечеров. Реабилитировали их только в 1956 году, и то по ходатайству бабушки Дмитрия, вдовы наркома Курского, которая хорошо знала «первого маршала» Климента Ворошилова и попросила его о помощи. Дмитрий после случившегося прожил недолго. Марта же, чтобы не стать жертвой Берии, убежала из дома и скрылась в бескрайних просторах Сибири, срочно выйдя замуж за какого-то офицера на Крайнем Севере.

Арест близких друзей произвел на нас тягостное впечатление. В моей памяти воскресли сцены ареста в городе Кингисеппе моего деда. Рано утром пришли красноармейцы с винтовками, двигали скудную мебель, что-то искали и деда увели. Вспомнился Владивосток 1938 года. В шестиквартирном доме, в котором

жили мы и сослуживцы отца, единственным, кто избежал ареста, был он, и скорее всего потому, что лишь недавно был назначен начальником управления. Когда отец задерживался на работе, — а раньше часа ночи он вообще не приходил, — то присылал двух красноармейцев, чтобы предупредить мать. Они стучали в окно. И вот этот тревожный ночной стук я помню до сих пор — не знал, что последует за ним, но всегда ожидал худшего.

Несмотря на все это мы, ребята с Можайки, всем двором в праздники с радостью ходили на демонстрации, чтобы обязательно увидеть Сталина на мавзолее Ленина. В марте 1953 года, будучи студентами, в дни траура в связи со смертью Сталина, мы оказались в людском водовороте на Пушкинской площади, но сумели по чердакам, крышам, через кордоны солдат все-таки попасть в Колонный зал Дома Союзов, чтобы увидеть его, хотя бы и мертвого. Искренне переживали казавшуюся тогда невосполнимой трагедию. Слезы выступали не только у нас. В те дни я ближе познакомился со своей будущей женой однокурсницей Раисой Зверевой и окончательно в нее влюбился. Забегая вперед скажу, что наша свадьба состоялась после моего первого года работы в КГБ и мне очень повезло в жизни, что в ее семье я встретил людей, с которыми у меня сложилось полное взаимопонимание и уважение, и прежде всего с моим тестем Арсением Григорьевичем Зверевым. Он заслуживает отдельной книги, но не сказать главного, хотя бы в нескольких словах, я просто не могу: честность, принципиальность, умение держать слово, удивительная простота в общении с людьми, истинная забота о благе страны и нуждах народа, его острое восприятие растраты финансов и начавшегося развала страны при Хрущеве и многое, многое другое помогли мне укрепить свое мировоззрение.

Институт

Студенческие годы запечатлелись в памяти как наиболее радостные и светлые. Курс был огромным — свыше четырехсот студентов, но все знали друг друга. В группе — немногим более двадцати человек, о которых сейчас вспоминаешь как о родных людях. Институт занимал главное место в нашей жизни. Преподавательский состав МЮИ традиционно состоял из ведущих с мировыми именами специалистов, теоретиков и практиков юриспруденции. Наши учителя — Сергей Александрович Голунский, Иван Сергеевич Перетерский, Арон Ефимович Пашерстник, Сергей Сергеевич Остроумов и другие. Они читали

лекции, принимали экзамены и весьма доброжелательно относились к студентам. Почти тридцать лет спустя, когда мне пришлось снова после работы в органах госбезопасности применять познания в области гражданского, трудового и хозяйственного права, я понял, что научный подход к этим проблемам был заложен преподавателями действительно на всю жизнь. Менее чем за год я сумел справиться с новыми трудностями.

КАК Я СТАЛ «БОГАТЫМ ШВЕДОМ» С ОДНИМ ДОЛЛАРОМ

Перелет через Атлантику подходил к концу. При подлете к Нью-Йорку объявили, что посадка задерживается из-за ожидаемой с полуночи забастовки авиадиспетчеров. Было около одиннадцати ночи. Наш самолет встал в «очередь». Посмотрев в иллюминатор, увидел необычную картину — в воздухе над Нью-Йорком один над другим медленно кружились несколько десятков воздушных лайнеров. Выстроилась, как говорят пилоты, «этажерка», которая постепенно уменьшалась наподобие вращающейся и уходящей в землю спирали. Минут через сорок наш самолет благополучно приземлился в аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди.

В Нью-Йорке стояла необычная жара. Несмотря на обилие машин, около здания аэропорта совсем не пахло бензином, воздух, напротив, как мне казалось, был наполнен приятным ароматом каких-то духов. Чувствовался незнакомый ритм жизни.

Но наши приключения не закончились только «этажеркой», все мытарства были впереди. Получилось так, что рейс на Вашингтон, на который у нас взяты билеты еще в Москве, перемещен на ранний срок и наш самолет давно улетел. И чтобы не застрять в Нью-Йорке из-за предстоящей забастовки и не стать непрошеными «гостями» компании «Сабена», нам настойчиво предложили срочно вылететь рейсом на город Балтимор с посадкой на каком-то военном аэродроме в семидесяти километрах от Вашингтона. Это был последний ночной рейс, самолет вылетал минут через тридцать. Мы оказались в затруднительном положении, поскольку не имели права без разрешения госдепартамента США лететь в другой город и тем более на военный аэродром.

В Москве в МИДе нам выдали на «карманные расходы» десять долларов на всю семью. Других денег у меня не было. Конечно, в Брюсселе купил пачку американских сигарет, дочке Кате порцию мороженого. Осталось немногим больше четырех долларов. Я успевал позвонить в представительство СССР при

ООН в Нью-Йорке, чтобы выяснить, можно ли нам при таких обстоятельствах лететь в Балтимор. Дежурный проявил «завидное понимание» и сходу отфутболил, посоветовав звонить в посольство в Вашингтон. Звоню по телефону-автомату, хотя прекрасно понимаю, что денег может не хватить для получения ответа — вдруг и этот дежурный не успеет сразу его дать. Говорю кратко, быстро объясняя дипломату возникшую ситуацию. И, слава Богу, он предложил лететь в Балтимор, а там взять такси. В посольстве дадут деньги, чтобы расплатиться. На дорогу до Вашингтона остался один доллар.

С посадкой на этот рейс волнений было не меньше. С двумя тяжелейшими чемоданами, в которых было все то, что нам советовали взять бывалые люди и в МИДе, и в ПГУ, — утюг и сковородки, кастрюли, тарелки, вилки, ложки и все прочее — пришлось бежать по длинному коридору. У меня разжимались пальцы, чемоданы вываливались — проклинал всех советчиков и Америку с ее забастовками. Жена с дочкой тоже с какими-то сумками еле поспевали. В самолет вбежал с этими чемоданами, стюард от увиденного обалдел, выхватил их и куда-то унес. В спешке заняли места, наконец-то смог оглядеться. В салоне было полно американских военнослужащих. Около трех часов ночи прилетели под Балтимор на военный аэродром. Часть пассажиров прошли в автобус, следовавший до автовокзала в Вашингтоне.

Диспетчер предложил и нам поехать автобусом. Услышав мой ответ: «Мы поедем только на такси», он не скрывал своего удивления. Такая несуразица была выше понимания прагматичного американца. Он искренне пытался убедить нас не тратить напрасно деньги и взять такси хотя бы в Вашингтоне. Ему, конечно, было не понять, что мы летим лишь с одним «московским» долларом и платить нечем даже за один автобусный билет без багажа, который стоил, как я все-таки выяснил на всякий случай, четыре с половиной доллара. Диспетчер вызвал такси. Водитель, не часто встречавший подобных клиентов, похоже, также попался из числа «несмышленых». Понимая смехотворность ситуации, поинтересовался затем у него, как он думает — из какой мы страны? Угостив меня сигаретой, он без сомнения ответил: «Богатые шведы»!

В посольстве дежурный дал деньги. Таксометр показывал пятнадцать долларов. Довольный наконец-то благополучным прибытием к «новому родному дому», я заплатил таксисту по-московски — двойной счетчик. Он, конечно, ничего не понял, но обрадовался.

Но был однажды случай, когда я вместе с семьей долетел из

Москвы прямо до Вашингтона, заплатив всего по три рубля за каждого из нас — чуть больше шести долларов в пересчете по советскому «твердому» курсу. Дело обстояло так. В начале февраля 1969 года посол Анатолий Федорович Добрынин возвращался из Москвы в Вашингтон. Не помню сейчас по каким причинам, но послу предложили лететь на личном самолете Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина. Посол, в свою очередь, пригласил лететь с ним находившихся в отпуске в Союзе дипломатов — первого секретаря посольства Анатолия Дюжева и меня с семьями. Свои обратные билеты, купленные за доллары, мы сдали и заплатили за полет на спецрейсе всего лишь стоимость страховки — по три рубля с пассажира.

Это был особый полет. Только на завтрак стюарды поставили на стол больше двадцати пяти блюд. К ним уже с утра предлагались отборные советские вина, разные водки и коньяки, причем в любых количествах. Вся пища была по качеству на пару порядков выше обычной магазинной. Наши дети были в восторге от десерта и сладкого. Посол все время работал в отдельном небольшом салоне в хвостовой части самолета и нас не смущал. Мы же с Дюжевым проявили все свои знания в выборе напитков и способности в питие. Особенно понравилась неизвестная нам ленинградская водка «Ладожская» в квадратной бутылке, изготовленная из специально очищенной воды Ладожского озера.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ АМЕРИКИ

Дежурный дипломат отвез нас на своем Фольксвагене-жуке, в который мы с трудом поместили наш опостылевший багаж, в дешевую старую и совсем небольшую гостиницу «Альтурас» на 16 улице, имевшую лишь одно достоинство — она располагалась в нескольких кварталах от посольства. Номер был однокомнатный с кондиционером-ящиком в окне, который вместо прохлады создавал лишь шум. Жена и я, казалось, еле держимся на ногах, а у дочки Кати никакой усталости. Голодные, хочется пить. Горячей воды для чая нет, да и простая только из умывального крана, теплая, не сливается, невкусная. Все-таки решили перекусить. С собой только армянский коньяк и стеклянные баночки черной икры. Хлеба нет. Выпили за прибытие на место, жена пригубила, я чуть побольше, закусили икрой без хлеба и заснули мертвецким сном. Когда проснулись, было уже позднее утро следующего дня.

Спустились в маленький ресторан при гостинице позавтракать. Меня учили в разведке «оксфордскому» английскому и у жены он был таким же. Просмотрев меню, мы,

конечно, выбрали то, что нам показалось понятным. Сосиски по-английски «Sausages», мы и заказали каждому по порции. Вместо привычных для нас сосисок принесли какие-то кружочки печенья типа галет и на них по чайной ложке жареного мясного фарша. Как было не вспомнить нашего прославленного летчика Валерия Чкалова, весьма почитаемого в Америке, когда он, возвращаясь через Атлантику на «буржуазном» теплоходе в Союз, заказал по меню устрицы и музыку вместо ужина. Позднее, освоившись с Америкой, когда я встречался с незнакомым блюдом, которое хотелось попробовать, всегда спрашивал: «Что это такое?» Я знал, что американцы подчас не представляют, что такое укроп или черная икра. Они могут поинтересоваться, увидев в ваших руках полосатый арбуз, какой овощ вы несете, зная, что арбуз всегда без полос. Такой интерес не считается знаком бескультурья. По завтраку в гостинице нам стало понятно, что с нашим английским первое время будут накладки, хотя вроде бы успешно прошли языковое испытание во время аэродромных баталий в Нью-Йорке.

Жена и дочь остались в гостинице, а я пошел пешком в посольство — благо оно рядом, в доме 1125 по 16 улице в северо-восточной части Вашингтона. Четырехэтажный особняк с лифтом, — со временем ставшим самым старинным в стране, — построенный в начале века в трех кварталах от резиденции американских президентов Белого дома вдовой известного промышленника, создателя первого спального железнодорожного вагона Джорджа Пульмана. После гибели в 1912 году ее дочери на «Титанике» особняк был продан царскому правительству и в нем расположилось российское дипломатическое представительство. Позднее здание стало собственностью Советского государства. После восстановления в 1933 году дипломатических отношений в здании работал первый советский посол в США Александр Трояновский.

В то лето в Вашингтоне стояла необычайная жара. Температура воздуха днем поднималась до 40 градусов по Цельсию и выше, что случалось лишь сто лет тому назад. При этом, как и свойственно Вашингтону, сохранялась очень высокая влажность. Погода полностью соответствовала требованиям медицинской комиссии КГБ для работы в условиях «жаркого и влажного климата», которую мы проходили перед выездом в Америку. Я, одетый в модный и не всем советским людям доступный черный финский полушерстяной костюм, в белой нейлоновой рубашке с галстуком, в чешских «дубовых» туфлях, чувствовал себя в лучшем случае как в парнике, но уверенно и с достоинством шагал впервые по земле главного противника.

В посольстве меня встретил Николай Федорович Попов, заместитель резидента по линии КР, мой непосредственный руководитель. Поднялись в резидентуру, поговорили. Он считал, что мне следует поселиться в пригороде Вашингтона в штате Вирджиния. Жить придется в гостинице, пока не подберу подходящую квартиру. Кстати, все расходы за гостиницу, где-то около пятидесяти долларов в день, оплачивались из моей весьма скромной для проживания в США зарплаты — пятьсот двадцать долларов в месяц. Через пару лет всем работникам посольства зарплата была несколько повышена.

После представления меня резиденту Борису Александровичу Соломатину Попов пригласил выпить по чашечке кофе. Мы вышли из посольства и зашли в Drug store, своего рода американскую аптеку с дополнительным набором услуг и товаров, находившуюся рядом с посольством за углом 16 улицы. Заказывая кофе, он произносил английские слова раздельно, четко выговаривая их, и негритянка за стойкой, похоже, мало понимая его, кофе нам все же дала. У Попова основной язык был немецкий, а знание английского было тоже «оксфордское».

Вернувшись в посольство, познакомился с советником Валентином Каменевым, руководителем группы по культуре, в которой я должен был работать по прикрытию. Он представил меня послу Добрынину. Так прошел первый день моей пятилетней командировки в США.

В резидентуре, как было определено в Центре, мне поставили главную задачу — агентурное проникновение в ЦРУ и другие американские спецслужбы. Следует отметить, что хотя мое пребывание в США совпало с началом разговоров о переоценке внешнеполитических установок «холодной войны», американские политические деятели не ставили перед собой стратегических целей изменения советско-американских отношений. Мир полностью находился под влиянием доктрины «холодной войны». Соответственно этому строили свою работу и спецслужбы США и СССР.

Директор ФБР Эдгар Гувер, выступая в конгрессе США летом 1970 года, откровенно заявлял: «Сегодня Советский Союз делает вид, что стремится к улучшению отношений с нашей страной, но мы не можем забывать об истинных целях его шпионских служб. КГБ и ГРУ сегодня так же опасны, как они были пять, десять или двадцать лет тому назад».

С конца 1964 года работа вашингтонской резидентуры советской внешней разведки претерпевала серьезные изменения. Многое строилось по-новому. С приездом резидента Соломатина постепенно заменялся оперативный состав. Сотрудники были

лучше подготовлены в оперативном и языковом отношении. Менялась тактика ведения разведывательной работы — она становилась наступательной, более разнообразной. Новый резидент в принятии решений был самостоятелен, тверд и принципиален, был способен пойти на риск, руководствуясь здравым смыслом. Умел мобилизовывать сотрудников. Полезную инициативу всегда поддерживал. Оперативный состав полностью разделял его устремления.

Американская столица в основном заселена чернокожим населением и районы с белыми — небольшие по численности. В центре города расположены Белый дом, вблизи него мемориальные комплексы «отцам Америки» Джорджу Вашингтону, Томасу Джефферсону и Аврааму Линкольну, правительственные учреждения, иностранные представительства, частные фирмы, гостиницы и магазины. Культурная жизнь города ограничивалась только посещениями музеев и достопримечательных мест, театров не было. К удивлению, единственным постоянно действующим был «театр» стриптиза. Изредка приезжали с концертами знаменитые эстрадные певцы и группы. Осенью 1966 года мне удалось попасть на выступление группы «Битлз» на спортивном стадионе — только видел, но ничего не слышал, так как неистовый крик зрителей, главным образом молодежи, полностью заглушал даже мощные усилители. Лишь в 1971 году открылся концертный зал — Центр искусств имени Джона Кеннеди.

«Городом в городе» можно назвать район Джорджтауна с престижным университетом. В нем изучали английский язык и некоторые наши предатели. На его узких улицах сохранилась старина, столь редкая в Америке, в тени деревьев стоят дома, построенные еще во времена основания столицы. Здесь обосновалась интеллектуальная элита.

Для оперативной работы сам город Вашингтон мало пригоден. Он полон полицейскими разных служб, сотрудниками ФБР — от уголовных подразделений до контрразведывательных, работниками частных сыскных и охранных фирм.

Но самое главное, чем Вашингтон весьма интересен — наличием государственных служащих различных уровней и категорий, которые могли представлять оперативный интерес.

Подавляющее большинство служащих всех рангов, как и дипломатические работники советского посольства, проживали в близлежащих к Вашингтону небольших городах штатов Мэриленд и Вирджиния. В них находятся крупные торговые центры, некоторые секретные правительственные учреждения — например, штаб-квартира ЦРУ расположена в городе, по-русски

скорее местечке, Лэнгли, штат Вирджиния. Знаменитое Арлингтонское кладбище с могилой Неизвестного солдата, впечатляющим памятником морским пехотинцам, со скромными могилами павших воинов и двух братьев — президента Джона Кеннеди с вечным огнем и кандидата в президенты Роберта с простым белым крестом, — на противоположном берегу реки Потомак в городе Арлингтоне. Рядом с ним, в Александрии — музей-имение Джорджа Вашингтона, федеральный суд и специальный суд по разведке, где предъявляют обвинения и судят почти всех арестованных за шпионаж.

Особенностью вашингтонских пригородов является то, что из-за отсутствия тротуаров пешком там никто не ходит кроме как в близлежащие магазины. Советские дипломаты, за малым исключением, проживали тогда в пригородах в арендуемых квартирах, технический состав — в нашем трехэтажном доме недалеко от посольства, посол и шифровальщики — в здании посольства на 16 улице. Из-за больших расстояний от дома до работы и прочих неудобств машина для личного пользования становится безусловной необходимостью.

Для всех работников советского посольства была установлена 25-мильная ограничительная зона в передвижении. Выезд за нее разрешался госдепартаментом по специальному запросу-ноте посольства.

В первые дни я занялся поиском квартиры и одновременно покупкой новой одежды. Мои московские костюмы и рубашки, мягко говоря, были не только не в стиле американских, но и приносили немалый дискомфорт при той неимоверной жаре, которая стояла в Вашингтоне в тот год. Подходящую по цене и удобствам квартиру удалось подобрать в Арлингтоне на автостраде Ли-хайуэй, минутах в двадцати езды на машине до посольства. Место красивое, все в зелени. Дом современный, четырехэтажный, с центральным кондиционером, открытым бассейном, для американцев чуть ниже среднего достатка. При выборе квартиры пришлось общаться с менеджерами нескольких домов, в основном женщинами. Они, конечно, не учитывали, что я иностранец и говорили быстро и непонятно. Оказалось, хорошими переводчиками «с английского на английский» были черные из числа обслуживающего персонала, которые понимали мой «оксфордский», а я их «неинтеллигентный» английский. Потом я узнал, что такие языковые «проколы» имели место у многих впервые приезжавших в Америку, даже у профессиональных лингвистов.

Первые недели пришлось ездить в посольство на автобусе-экспрессе, что требовало определенных навыков при оплате

проезда, остановках по требованию, чтобы не уехать дальше нужного места, и знания других необычных для москвичей правил.

После успешной сдачи мною экзаменов без дополнительного обучения, и затем получения водительских прав, что я расценил как заслугу нашего московского ОРУДа с его требованиями к экзаменуемым, Центр разрешил приобрести машину. В процессе покупки надо было знать цену, зависящую от дипломатической скидки и от того, что хочешь иметь в машине: мощность двигателя, цвет, баллоны, наличие молдингов, часов, аудиосистемы и всего прочего, кстати, в то время для советского человека совсем не известного. Конечно, все это было новым и я поехал к автомобильному дилеру с сотрудником резидентуры Валентином Ревиным. Машину дилер заказал на заводе, и через неделю я ее получил. Удовольствию не было предела — впервые сел за руль американской машины: форсированный двигатель около двухсот «лошадей», усиленные тормоза и руль, автоматическая коробка, мягкие амортизаторы — просто фантастика! А в Москве у меня стояла в гараже старенькая с двумястами тысячами километров пробега, но любимая и преданная мне «Победа».

Ровно через неделю Ревина объявили персоной нон грата за «шпионаж» против США — он работал с подставным агентом ФБР. Спустя несколько лет этот агент написал нашумевшую книгу о том, какой умный был работник КГБ и каким нужно было быть гениальным ему — «честному агенту» ФБР — чтобы выиграть в этой «неравной борьбе с Советами».

Вхождение в вашингтонскую жизнь проходило трудно. Невыносимая жара и высокая влажность угнетали. Выезды на природу были не в радость. Никак не мог привыкнуть ко вкусу американских продуктов — длинные без привычного запаха, даже когда их очистишь, огурцы продаются в какой-то восковой оболочке, помидоры безвкусные, все соки с консервантами. Минеральной воды, кроме французской «Виши», нет, запахи жареной кукурузы и кока-колы надоедливо преследуют повсюду. Хлеба черного нет, белый — как вата, селедки нет, вместо кильки — анчоусы. Везде куры на вертеле. Конфеты есть невозможно. Мороженое хорошее, но наше вкуснее. Яблок типа антоновки они и не видели. Грибов нет, только шампиньоны, клубника красивая, но с нашей не сравнить — не пахнет и безвкусная. Нормальной вареной или сырокопченой колбасы на русский вкус нет, одна салями, пиво с очень уж низким содержанием алкоголя, пьешь как воду, о вобле и настоящем сыре Рокфор можно лишь мечтать. Поздно вечером, особенно в самом Вашингтоне, на улицах

появляться нежелательно, если не убьют, то уж наверняка ограбят. Развлечение — только кинофильмы в «драйв-инах» на открытом воздухе: въезжаешь на машине на большую площадку и смотришь через окно на гигантский экран. Мужчины, собравшись в одну машину, главным образом цедят джин с тоником или виски «on the rocks», а женщины с детьми — в другой, смотрят фильм. Одним словом, было непонятно, что хорошего люди находят в этой Америке?

Квартира, которую мы арендовали, располагалась на последнем этаже. ФБР должно было, конечно, оборудовать ее техникой визуального наблюдения и подслушивания. Может быть по этой причине, а может и нет, почти целый месяц на чердаке над нами все время, особенно по вечерам, что-то скрипело, пищало, падало. От всего этого и американцы в этом доме казались мне неприветливыми и даже враждебно настроенными. Забегая вперед, скажу, что через год я переехал в другой дом, который также находился в Арлингтоне и носил название «Кардинал хауз», и он был более гостеприимным.

Конечно, в действительности не все оказалось так плохо, как представлялось первое время, хотя такая притирка к новой жизни длилась почти год.

Первая поездка на машине в Нью-Йорк оставила двойственное впечатление об этом городе-монстре. Очень понравились Бродвей, особенно вид на него и весь город ночью с высоты небоскреба «Эмпайр Стейт Билдинг», Чайна-Таун с маленькими лавочками и ресторанчиками с полюбившейся мне китайской кухней, молодежный и богемный Гринвич-Виллидж. В те годы жизнь на Бродвее от 42 улицы и выше не замирала до утра. Но спустя пару лет опустел и он. Уже к полуночи редкие туристы попадались навстречу, все чаще мелькали наркоманы, проститутки и какие-то шальные люди. К этому же ночному часу, когда движение на улицах заметно убавлялось, из дешевых домов выползали старые больные люди и садились на складные стульчики у подъездов, чтобы подышать хотя бы немного посвежевшим ночным воздухом. Смотреть на них было печально.

Огромнейший город, поражающие человеческое воображение небоскребы, красивые мосты, неимоверное количество магазинов для людей разного достатка, «Яшкин стрит» для советских приезжих, богатство… и рядом полнейшая нищета и падение. Когда я увидел Бауэри-стрит — улицу хронических алкоголиков, — то не мог поверить, что такое может быть в этой богатой стране.

Нью-Йорк так давил на меня своей чуждой громадой, что и в дальнейшие годы жизни в Америке я не мог без раздражения

пробыть в нем более четырех-пяти дней, а бывать приходилось помногу. В сравнительно спокойный и чистый Вашингтон возвращался всегда с чувством облегчения.

Жаркое лето кончилось. Теплая осень в Вашингтоне длится несколько месяцев, все деревья одеваются в багрянец. Пригороды столицы обретают неописуемую красоту — воистину «золотая осень». Воскресеньями мы, как и многие американские семьи, уезжали на прогулки в горы. Дочь Катя пошла учиться в первый класс в начальную школу при посольстве. Постепенно жизнь входила в привычное русло.

Ближе к октябрю Попов в беседе как-то сказал:

— Надо форсировать знакомство с окрестностями, подобрать несколько мест для личных встреч и тайников. Тебе на связь будет скоро передан ценный агент.

Это явилось для меня полной неожиданностью. Я, конечно, понимал, что передача на постоянную связь агента, тем более ценного, было проявлением большого доверия Центра и резидентуры ко мне как к оперативному работнику. Но доверие следовало оправдать — ведь прошло всего три месяца как я прибыл в Вашингтон и знания оперативной обстановки мне пока не хватало. Надо было срочно восполнять недостающее, но делать так, чтобы не вызвать своей активностью никаких подозрений у контрразведки. Обстановка вокруг меня в целом складывалась вполне обычная, ФБР выставляло наружное наблюдение не чаще чем за другими — один или два раза в месяц. Оно велось за всеми почти открыто, обнаружить его не представляло никакого труда и, скорее всего, ФБР преследовало цели психологического воздействия. Две автомашины одной и той же марки с двумя-тремя сотрудниками — в черных очках, в темных костюмах, белых рубашках с галстуком — на близком расстоянии сопровождали при выезде из дома утром на работу, днем в поездках по городу и при возвращении домой. В субботние и воскресные дни наблюдения не было.

В резидентуре прослушивались частоты, на которых работала служба наружного наблюдения. Можно было прослушивать их и в своей машине. При выставлении наружки в эфире звучали не связанные между собой и не имевшие смыслового значения одни и те же слова и буквы английского алфавита. На слух они воспринимались как какие-то кодированные сообщения. Все это вызывало сильные подозрения относительно того, что ФБР использует кроме открытых и другие, скрытные методы слежки. И что американская контрразведка очень хочет создать у нас впечатление, будто мы находимся под таким «колпаком» и только. Иными словами, если нет сзади машин и эфир чистый, то

якобы нет вообще наружного наблюдения. Поверить в такой метод ведения слежки означало бы допустить провал любой разведывательной операции.

Этот вопрос обсуждался в резидентуре и не давал нам какое-то время покоя. Все-таки, в результате обобщения всех данных, пришли к выводу, что видимая всем наружка ложная и нужно предполагать наличие второго, глубоко законспирированного, эшелона наружного наблюдения, которое ведется скрытно, с опережением и маскировкой, с использованием радиомаяков для определения местонахождения наших машин и техники прослушивания разговоров. Оно прекращается, если зафиксирована его проверка, а затем может возобновляться. Нам же выявление наружного наблюдения следует вести на всем проверочном маршруте, фиксируя каждую подозрительную машину, как бы она внешне ни выглядела. Сделать это было непросто. Требовалась детальная разработка маршрута с выбором надежных мест проверки, с учетом легенды нахождения на нем и расчета точного времени выхода к нужному месту. Маршруты составлялись по карте и поэтому следовало хорошо знать всю зону. Для проверки прикладывались немалые усилия — это была напряженная двух-трехчасовая, а подчас и более длительная физическая и умственная напряженная работа за рулем, особенно в вечернее время.

Такое восприятие наружного наблюдения сыграло свою положительную роль при проведении разведывательных операций не только мною, но и другими работниками — за все пять лет в резидентуре не было провалов агентуры по причине не выявления слежки. Наоборот, как стало известно позднее даже из американской печати, советские разведчики успешно работали в Вашингтоне с агентурой многие годы. Но все-таки имелся один недостаток в таком взгляде — вновь прибывшие в резидентуру сотрудники, особенно те, кто работал прежде в странах с несложной оперативной обстановкой, трудно воспринимали отсутствие привычной маскирующейся слежки и наличие только открытой. Как бы подспудно возникавшее чувство неспособности обнаружить скрытное наблюдение иногда приводило к появлению излишней тревоги и даже нервному напряжению. Но это продолжалось обычно недолго и с помощью коллег по резидентуре все приходило в норму.

Аккуратность и точность, годами выработанные в противоборстве с американской наружкой, вошли у меня в привычку настолько, что в обычной жизни в Москве, поехав куда-то по делам, не рассчитывая никакого графика, обнаруживаешь к своему удивлению: несмотря на транспортные заторы,

приезжаешь на место в условленное время. Но удивительно, что заставить себя проверяться просто ради любопытства было трудно — неизбежно возникало чувство проведения нелегкой работы, но у себя дома она не нужна, и не обоснованное необходимостью желание отвергалось. Все-таки проверку наружного наблюдения ведешь не в силу профессиональной привычки, а только при наличии весомых причин.

ДЕЛО АРТАМОНОВА (ЛАРКА) ВСТРЕЧА С АГЕНТОМ

В ноябре 1966 года меня пригласил резидент:

— Тебе Попов уже говорил о предстоящей работе? Так вот, получишь на связь завербованного весной агента Ларка. Он работает в аналитическом подразделении РУМО. Вербовал его Кочнов, который для этой цели выезжал к нам. Ларк в перспективе ценный агент, его надо проверить и «раскрутить», чтобы он заработал на полную мощь. Будь крайне осторожным и внимательным. Знай — он на контроле у начальника разведки. Все вопросы по нему докладывать будешь мне лично.

С Игорем Кочновым в Москве я работал в американском направлении ПГУ. Он окончил Московский государственный институт международных отношений, блестяще владел английским, имел опыт работы за границей — три года находился в Пакистане под прикрытием атташе посольства. Среди «чистых» дипломатов посольства некоторые были его однокурсниками. Соломатин симпатизировал Кочнову и прилагал немалые усилия, чтобы оставить его в резидентуре для работы с Ларком, но Центр по каким-то причинам не согласился. Я поддерживал с Кочновым только служебные отношения. Он предпочитал знакомства с имеющими «вес» людьми. Был вхож, как сам рассказывал, в дом академика Глушко, создателя жидкостных ракетных двигателей, установленных в то время на всех советских космических ракетах. Всячески добивался расположения Соломатина еще до его выезда резидентом в Вашингтон. Это не было секретом для сотрудников направления.

На первых встречах с Ларком мне нужно было наладить с ним личный контакт, подробнее выяснить, к какой секретной информации он имеет доступ на работе, известно ли ему что-либо новое об американской системе выявления и слежения за нашими подводными лодками Net Fish, которую США или собираются, или уже установили в 150 милях от западного и восточного побережий страны. Он по этому вопросу уже получил задание от Кочнова. Кроме того, надо будет дополнительно

обучить его работе с тайниками, научить вести проверку и выявлять наружное наблюдение. Кочнов при встречах с ним объяснял, как обрабатывать тайники — делать закладки своих материалов и изымать из них наши задания, ставить и читать сигналы о проведении операции. С ним он успешно провел две пробные тайниковые операции. Мне ставилась задача перевести Ларка на безличную связь, личные встречи проводить лишь по мере необходимости не чаще трех-четырех раз в год. Для написания сообщений Кочнов передал ему тайнописную копирку третьей категории надежности.

Центр и резидентура рассматривали Ларка как ценного и перспективного агента по спецслужбам противника и в работе с ним следовало строго соблюдать конспирацию. Попов ознакомил меня с подробной справкой на Ларка.

> *Ларк (Артамонов) родился в 1926 году, гражданин СССР и США, проживает в вашингтонском пригороде Арлингтоне, штат Вирджиния, под фамилией Шадрин Николас Джордж, бывший капитан 3-го ранга. В тридцать лет стал командиром эсминца Балтийского флота, был одним из луч-ших и перспективных офицеров. В воскресенье 7 июля 1959 года изменил Родине, совершив побег в Швецию из польского порта Гдыня, где находился в составе советской эскадры. Под предлогом рыбалки вышел в море на служебном катере со своей любовницей двадцатидвухлетней красавицей полькой Евой Гурой, проживающей в США под фамилией Бланка.*
>
> *Как показал на следствии моторист катера Илья Попов, Артамонов приказал ему следовать в Швецию под угрозой применения оружия. Когда же они прибыли туда, то в присутствии официальных шведских лиц Артамонов настойчиво предложил Попову вернуться в Советский Союз, поскольку «на Западе ему делать нечего». Попов вернулся на родину. Артамонов и Ева Гура обратились к шведским властям с просьбой о политическом убежище. На четвертый день они его получили. В Стокгольме шведские спецслужбы передали их резидентуре ЦРУ — заместителю резидента Полу Гарблеру, работавшему под «крышей» посольства США.*

Забегая вперед скажу, что для Гарблера Артамонов явился значительным толчком в карьере, а позднее и причиной ее стремительного крушения.

Из Швеции ЦРУ переправило Артамонова, как обычно

поступают в таких случаях с предателями из СССР, в ФРГ во Франкфурт-на-Майне на свою базу, где в течение месяца его опрашивали о советском флоте. Он сообщил все, что знал. Затем был доставлен в США, где ему предоставили политическое убежище, а в начале 60-х годов секретным специальным актом конгресса — американское гражданство. После получения им гражданства ЦРУ определило его на работу аналитиком в РУМО, в отдел, обрабатывавший разведывательную информацию по военно-морскому и гражданскому флотам СССР. На контрактной основе он работает также консультантом в советском отделе ЦРУ. Выступает с лекциями перед советологами, в военных и гражданских учебных заведениях по проблемам обороноспособности СССР.

Увлекается охотой на гусей, любит охотничье оружие. Оформил гражданский брак с Бланкой, которая, имея специальность зубного техника, ведет зубоврачебную практику на дому. В деньгах не нуждается. В Ленинграде проживают жена и сын, которым КГБ оказывало моральную и материальную поддержку.

В 1959 году Военная коллегия Верховного суда СССР заочно приговорила его к расстрелу за измену Родине. Гражданства СССР лишен не был. При честной работе с нами предполагается выйти с предложением о помиловании.

После вербовки передал через Кочнова в резидентуру заявление в Президиум Верховного Совета СССР, исполненное красными чернилами, с просьбой о помиловании, где писал: «…Годы, истекшие с момента совершения тягчайшего преступления, послужили мне тяжелым уроком. Сознательным закоренелым врагом своей Родины я никогда не был. Никоим образом не освобождая себя от ответственности за совершенное, прошу дать возможность искупить свою вину и, если я как-то смогу помочь моей Родине, затем вернуться домой».

В середине лета 1966 года во втором письме, адресованном советской разведке и якобы написанном по его инициативе, просил поручить работу с ним в Вашингтоне Кочнову, к которому проникся «особым уважением и доверием».

…Конечно, такое неординарное обращение вызвало у меня определенное сомнение в его правдивости, но каких-либо

комментариев я себе не позволил, тем более и от резидента их не получил — слишком велика была наша нужда в агентуре в спецслужбах США — и выражать «крамольные мысли» счел не ко времени.

На встречах с Кочновым передал некоторые сведения о ЦРУ и РУМО.

20 ноября 1966 года в девять часов вечера я вышел на встречу с Ларком в пригороде Вашингтона Александрии около небольшого бара-ресторана, куда заходили местные жители после работы выпить по кружке пива и поболтать о жизни. Выброску в район встречи осуществлял Попов на своей машине. Наружного наблюдения после интенсивной проверки мы не обнаружили. Все вроде бы шло по плану. Моросил мелкий дождь, стало совсем темно. Кругом ни души. Прошло минут пять, никого не видно. Ждать на одном месте стало небезопасно, можно вызвать подозрение. Делая вид, что хочу зайти в ресторан, подошел к входу, освещаемому тусклым светом, и стал читать меню, которое в таких небольших заведениях обычно вывешивается у входной двери.

В этот момент неожиданно за спиной раздался торопливый мужской голос: «За сколько баксов здесь можно перекусить?». Я, мельком взглянув на стоявшего сзади человека, — одет он был ниже среднего достатка, — ответил, что, мол, где-то пятерки хватит. Он быстро зашел в ресторан. Спустя минуту увидел подходящего к ресторану мужчину в черном плаще, в котором по опознавательному знаку и приметам определил Ларка. Мы, как бы узнав друг друга, пошли навстречу. Обменявшись паролями, не спеша направились вдоль улицы. Завязалась спокойная беседа. Представившись (назвал вымышленное имя), я сказал, что вместо Кочнова работать с ним поручили мне. Поинтересовался, как он добирался до места встречи, проверялся ли, и рассказал, как можно выявить наблюдение за собой. Из разговора мне стало понятно, что проводить тайниковые операции Ларк пока не сумеет. Объяснил ему, что в интересах его безопасности встречаться будем редко и передавать сообщения он должен через тайники в тайнописи. Он с этим согласился.

Ларк рассказал, что сейчас проводит анализ маршрутов плавания и мест постоянного нахождения наших рыболовецких судов вблизи территориальных вод Атлантического побережья США. РУМО, предполагая об их разведывательных целях, стремится определить конкретные задачи. Пока ведется рутинная работа, без привязки к американским военным объектам. От ЦРУ он заданий не получал. Лишь осенью выезжал на охоту на диких гусей с двумя своими друзьями — работниками советского

отдела. Дал на них подробные характеристики. К проекту Net Fish пока его не привлекали, но он надеется принять в нем участие. Самому проявлять инициативу не принято.

Каких-либо вопросов Ларк не задавал. После уточнения нового места встречи мы разошлись. Весь разговор длился около тридцати минут. Подозрительных моментов во время беседы и при возвращении домой я не обнаружил.

Ларк произвел на меня впечатление рассудительного, не очень разговорчивого, волевого человека, внимательного и спокойного собеседника, культурного в общении. Внешне это был красивый мужчина — темноволосый, с правильными чертами лица, высокого роста, крепкого телосложения. Курил трубку, иногда сигареты.

Утром следующего дня я подробно доложил о встрече Соломатину и Попову. Обсудили также неожиданное появление у входа в ресторан неизвестного человека, но сочли это случайным совпадением, так как контрразведке фиксировать меня такими действиями было неразумно. Краткое сообщение о встрече направили начальнику разведки Сахаровскому — о каждой операции с Ларком в течение всего периода работы с ним требовалось информировать руководителя ПГУ.

Так состоялась моя первая в жизни встреча за рубежом с агентом советской разведки. И должен сказать, она принесла мне личное удовлетворение.

За пять лет работы с Ларком в Вашингтоне провел более десяти личных встреч, а также множество тайниковых операций. Нет смысла рассказывать о содержании всех наших бесед или обо всех материалах, передаваемых через тайники. Остановлюсь в дальнейшем только на тех встречах и материалах, которые дали мне основание через несколько лет придти к однозначному выводу: Ларк с первых же дней вел с нами двойную игру по заданию ЦРУ.

Чтобы в дальнейшем не повторяться, отмечу весьма важный аспект в работе с ним. Это — тщательная подготовка к личным встречам. Много раз продумывал задание, отбирал наиболее важные в оперативном плане вопросы и, имея в виду, что встречи ограничены 30–40 минутами, продумывал, как их поставить перед ним, не показывая в отдельных случаях их важность для нас. Как правило, готовил пять-семь вопросов, что было много, если учитывать и его информацию, которая также обсуждалась. Задание давалось на три-четыре месяца вперед, и многое нужно было предусмотреть. Считаю, что скрупулезная подготовка к встречам позволила получить в итоге позитивные результаты. Да и отчеты составлять было легче.

ЛАРК НЕ ВЫЗЫВАЕТ ПОДОЗРЕНИЙ

Вторая встреча с Ларком состоялась в конце 1966 года в один из декабрьских вечеров перед Рождеством. Выброску вновь проводил Попов, но в тот раз не обошлось без приключений. Рождество к большой радости столичных жителей оказалось «белым» — снегопад продолжался всю ночь и весь день и на дорогах, которые никто не убирал, лежало много снега. Ехать без цепей на колесах машины, провести проверку и уложиться в график, чтобы попасть в нужное время к месту встречи, было практически невозможно — снег подтаивал на теплом асфальте, создавая тонкую корочку льда. Машина с автоматической коробкой передач буксовала, не развивала скорость и становилась малоуправляемой. Помучавшись изрядно на дороге, с трудом добрались до ближайшей бензозаправочной станции и купили противоскользящие цепи на задние колеса. Выброска была проведена в намеченное время.

Ларк встретил меня приветливо. Сообщил, что РУМО усиленно интересуется нашим испытательным полигоном морских ракет в Феодосии. Он анализирует всю имеющуюся информацию и готовит новое задание для военной разведки. Подробно обсудили его отношения с сотрудниками ЦРУ, в том числе с работающими там по контракту русскими из числа перебежчиков военных лет. Он рассказал о знакомстве и своих отношениях с бывшими сотрудниками КГБ Голицыным и Носенко. По всем вопросам получил задание. Особое внимание я просил его уделить выявлению объектов интереса американских спецслужб в СССР. Подчеркнул, что нас также интересует подробная характеристика личного состава РУМО и ЦРУ. Детально обсудили вопросы дальнейшей связи, отработали процедуру проведения тайниковых операций. Передал ему новые места расположения тайников и выставления сигналов. Следующую личную встречу наметили провести через три месяца.

Я был удовлетворен его информацией, пониманием наших заданий и готовностью их выполнять.

Работа с Ларком в 1967-68 годах велась активно. Связь осуществлялась ежемесячно. Письменную информацию он передавал через тайники в тайнописи. Вся она имела контрразведывательный характер и давала представление о разведывательном интересе американских спецслужб к конкретным объектам, в том числе и оборонного значения, на территории СССР. По оценке Центра, представляла значительный оперативный интерес. Документальных материалов он не передавал. К программе Net Fish привлечен не был и

информацией по ней не располагал.

Тайниковые операции и встречи с ним проводились в вечернее время в окрестностях Вашингтона. Работал он четко, не допуская опозданий. Лишь раза два заставил меня изрядно поволноваться, когда выставлял сигнал о закладке, а в тайнике контейнера не оказывалось. По его словам, он путал места.

Несколько раз я подбирал тайники в не очень приятных для посещения лесных придорожных массивах, не учитывая, что осенью и зимой после шести вечера быстро наступает полнейшая темнота. Приходилось оставлять машину на обочине и медленно, опасаясь споткнуться, идти метров пятьдесят с вытянутыми вперед руками, чтобы не натолкнуться на что-то или, еще хуже, на кого-то. Ощущения — не из приятных. Ларк закладку по времени проводил раньше, и у него моих проблем не возникало.

Самым трудным оказалось в первые месяцы рассчитать время движения на проверочном маршруте, соблюдая легенду нахождения на нем, предусмотреть свои ложные действия, возможные заторы движения, при необходимости провести дополнительную проверку, чтобы приехать к тайнику точно в назначенное время или с разницей не более пяти минут. Тайники подбирались заранее за несколько месяцев. К месту закладки я никогда не подходил и выбирал его визуально с расстояния в несколько десятков метров. В резидентуре они наносились на карту и схему и передавались Ларку. Приходилось несколько раз испытать сильное нервное напряжение, когда на маршруте мною совершалась ошибка, и мне казалось, что я потерял дорогу и опоздаю сделать выемку. Проводить операцию по запасному варианту мне всегда представлялось весьма нежелательным и опасным для агента. В такие моменты у меня иногда непроизвольно начинала дрожать левая нога, но, заставляя себя думать, что приеду точно ко времени, я успокаивался, находил правильное решение и действительно приезжал в срок.

Применение нестандартных и разнообразных приемов проверки гарантировали в любом случае выявление наружного наблюдения. Мои проверочные маршруты длились не менее трех часов. Наблюдения за собой не обнаруживал, но всегда предполагал, что оно ведется вторым эшелоном с применением оперативной техники в моей машине. Для того, чтобы разбросать бригады возможного наблюдения, в ряде случаев на маршруте имитировал броски писем в почтовые ящики, даже изымание контейнера из тайника, прием или подачу визуа-льного сигнала и проведение других разведывательных мероприятий. Иногда применял нелогичные действия на вроде бы логичном маршруте — тайник обрабатывал в конце маршрута, как бы возвращаясь

домой после проведенной ранее операции. Проверке подвергал практически каждую машину, следовавшую за мной более трех-пяти минут. Особенно сложно это было делать в темное время суток, когда видишь только автомобильные фары. Главное, из чего исходил — сохранить агента.

При личных встречах к операции привлекался один из работников резидентуры. С ним встречались на маршруте и после того, как мы оба убеждались, что за нами нет слежки, я пересаживался в его машину. Опять как минимум час-два, а иногда и меньше, проводили проверку — все зависело от обстановки и от маршрута — и после этого производилась выброска в районе встречи. Свою машину оставлял на какой-либо парковке.

Надо отметить, что почти все сотрудники линии КР резидентуры имели опыт агентурно-оперативной работы в Союзе и этим во многом в положительную сторону отличались от работников других линий. Поэтому после освоения оперативной обстановки, на что уходило примерно месяцев шесть-восемь, они могли квалифицированно проводить различные разведывательные операции. Не сразу получалось все гладко, но оперативные успехи были у каждого. Все сотрудники КР оканчивали полный курс 101 школы, где подготовка по выявлению наружного наблюдения, как и по другим спецдисциплинам, велась на высоком профессиональном уровне. Как правило наружку обнаруживали в считанные минуты. Не раз с глубокой благодарностью вспоминали своих наставников из «семерки».

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВЕРБОВКА

Несмотря на то, что у меня на связи находился агент, и Центр не требовал вести вербовочную работу, конечно, стремление к ней у меня все-таки было довольно сильное. Я продолжал операции с Ларком и периодически вел свободный поиск нужных контактов среди американцев. Этот метод, вероятно, сравним с работой старателей-золотоискателей — аккуратно просеять как можно больше песка и найти крупицу золота.

Мы знали, что немало американцев после трудового дня, в основном по вторникам и четвергам, проводят какое-то время в барах-ресторанах Вашингтона и ближайших окрестностей, чтобы снять «служебное напряжение». Известно было, какие бары пользуются у чиновников разных госучреждений особой популярностью. Поэтому именно в эти дни и в этих местах мы искали полезные контакты.

Как-то в один из ноябрьских вечеров 1966 года мы с Юрием Мостинским, также работником линии КР, сокурсником еще по университету, отправились на очередной свободный поиск. После проверки за собой наружного наблюдения посетили один из баров, где познакомились с американцем лет тридцати, который, узнав, что мы советские дипломаты, не скрывал своих симпатий к социалистическим идеям и Советскому Союзу. На наш вопрос, не опасается ли он ФБР, если им станет известно о знакомстве с нами, ответил, что это его личное дело и отчитываться ни перед кем не собирается. Рассказал, что он инженер, работает в крупной компании и в ближайшее время будет командирован в один из ее филиалов в африканской стране. Едет туда с интересом, так как любит познавать что-то новое. Подробно расспрашивал нас о жизни советской молодежи, системе образования, возможностях раскрытия творческого потенциала человека. По всему было видно, что он в действительности искренен в своих оценках нашей страны, рассматривая ее как более гуманную, чем капиталистическая Америка, и дающую всем людям проявить свои способности. Предложил поехать к нему домой, выпить кофе и поговорить в более спокойной обстановке. Жил он неподалеку, в хорошем многоэтажном доме. Беседа за кофе и бутылкой вина продлилась до глубокой ночи. На вопрос, смог бы он что-либо сделать полезное для нашей страны, ответил согласием. Сказал, что верит нам, хотел бы продолжать знакомство. Договорились хранить наши отношения в тайне. Через несколько дней мы позвоним ему и условимся о встрече. Беседа оставила хорошее впечатление, подозрений о его связи с ФБР у нас не возникло.

Утром, довольные удачным знакомством, завершившимся установлением доверительных отношений, доложили обо всем своему руководителю Попову. Наш рассказ произвел впечатление грома среди ясного дня. Он расценил наши действия как грубую оперативную ошибку, убеждая нас, что без длительной разработки вести подобные разговоры нельзя. Новый знакомый мог быть подставой ФБР, и контакт с ним следовало легализовать. Это поручили осуществить Мостинскому, мне же указали от дела отойти.

Мы, конечно, пытались переубедить Попова, но оценивая позже такое решение с учетом работы в США, согласились, что он был прав. За пару месяцев до этого два сотрудника резидентуры были объявлены персонами нон грата. Мостинский и я только что приехали в страну, опыта не было, и вдруг такой сюрприз, потенциально грозящий выдворением сразу двух работников линии КР.

Вербовочные «экспромты» с незнакомыми американцами

случались несколько раз и позже, но уже носили выборочный характер — контингент лиц был известен.

Как в любой стране в США, и особенно в Вашингтоне, где в основном проживают правительственные служащие, в вербовочной работе имелись свои особенности. Остановлюсь лишь на некоторых из них. Прежде всего, установлению контактов способствовали такие черты характера американцев, как открытость, отзывчивость, готовность придти на помощь, благожелательность, понимание юмора. Наряду с этими качествами свойственный им определенный эгоизм, главенство интересов семьи, прагматизм, ограниченность кругозора профессиональными целями и знаниями, стремление любым трудом заработать деньги, как правило, не мешали установлению и развитию знакомств. Большинство из них не были политизированы, однако коммунистов воспринимали весьма негативно, по-гуверовски считая, что «коммунист — враг Америки». Многие знают и любят музыку Чайковского, Мусоргского, произведения Толстого, Достоевского, Чехова и других. Все знают Ленина, Москву и Красную площадь. Но очень многое, в том числе из современной истории, американцы не знают или имеют о том искаженное представление. Большинство уважали СССР как мощную великую страну и рассматривали КГБ как всесильную разведывательную структуру, успешно противостоящую ЦРУ и временами берущую верх в ожесточенной борьбе.

Вместе с тем, мы исходили из того, что вербовка американцев, и в первую очередь сотрудников спецслужб, может вестись главным образом на материальной основе. Формированию такой точки зрения способствовали инициативные заходы в посольство лиц этой категории, предлагавших информацию за деньги. Но нами отнюдь не исключалась возможность вербовок и на основе идеологических взглядов — веры в социалистические идеи, осуждения капиталистической системы, западного образа жизни, угнетения национальных меньшинств. Показательны слова тогдашнего директора ФБР Гувера:

> *«Сейчас советская разведка успешно использует для вербовки американцев материальную заинтересованность. Это стало возможным в силу того, что в нашем обществе происходит эрозия таких основных ценностей как любовь к родине, уважение к закону, личная преданность, честность и гордость — исторических ценностей, которые не позволяли американским*

гражданам совершать предательства и преступления… КГБ знает, что некоторые американцы, кто имеет доступ к секретной государственной, военной и научно-технической информации, погрязли в долгах и нуждаются в деньгах. Советские разведчики пытаются найти таких людей, взять их в разработку как потенциальных агентов и принудить к продаже информации… В этом Москва добилась значительных успехов».

Особенности образа жизни американцев позволяли нам изучать их, не вступая в личный контакт. Большинство интересовавших нас лиц проживали в собственных домах. Ведение визуального наблюдения за домом в течение нескольких месяцев позволяло довольно детально и достоверно установить материальный достаток и состав семьи, образ жизни, связи и другие аспекты, представляющие оперативный интерес. В совокупности с дополнительными данными такой информации вполне хватало для предварительного решения вопроса: есть ли смысл вступать в личный контакт или предпочтительней направить вербовочное письмо, или использовать другие наши возможности.

При проведении такой работы брались официальные полицейские справочники владельцев машин. По ним, если был известен номерной знак, можно было выяснить фамилию владельца и его адрес. Кстати, таким образом резидентура выявляла ежегодно несколько сотен действующих сотрудников Лэнгли. Об этом позднее было рассказано в одном американском детективе о «советском «шпионаже».

АГЕНТ XX ВЕКА. ВЕРБОВКА ДЖОНА УОКЕРА

Летом 1967 года произошел крупный провал в работе резидентуры: были арестованы два ценных агента из числа шифровальщиков Пентагона, с которыми работали в Вашингтоне заместитель резидента Николай Попов и в Нью-Йорке — заместитель резидента по линии ПР Анатолий Киреев. Агентура была проверенная и сотрудничала с нашей разведкой много лет. В прессе прокатилась бурная волна о тотальном советском шпионаже. Газеты наперебой сообщали сенсационные подробности из личной жизни агентов, выдвигали различные версии их разоблачения. Как всегда одна из них — превышение расходов над доходами. Недели за две до их ареста за Поповым и его семьей ФБР установило жесткую круглосуточную открытую слежку, явно преследующую цель оказать на него и других

сотрудников резидентуры психологическое давление. Под предлогом отпуска Попов срочно выехал в Москву и уже там был лишен американской въездной визы. Киреева объявили нежелательным лицом для дальнейшего пребывания в США. В день ареста агентов и он покинул Нью-Йорк.

Спустя месяц в первый отпуск поехал и я. С Николаем Поповым у меня сложились в Вашингтоне дружеские отношения, мы часто с семьями проводили выходные дни, выезжая на природу, посещали исторические места в близлежащих штатах. В Москве я увиделся с ним. Трудно найти подходящие слова, которыми можно было бы описать его переживания по поводу произошедшего провала и, как он сам оценивал, случившейся трагедии с агентами. Чувство своей вины его не оставляло и просто подавляло, хотя по линии разведки каких-либо претензий ему не предъявлялось. Но случается и такое в жизни разведчиков. К сожалению, Попов слишком рано ушел из жизни, но светлая память о нем сохраняется его друзьями.

Вернувшись в Вашингтон, я продолжил свою работу. Руководить линией КР пришлось мне — вплоть до 1970 года. В один из дней октября согласно графику я с девяти утра до девяти утра следующего дня дежурил в посольстве. В обязанности дежурного дипломата входили прием посетителей, почты, ответы на телефонные звонки в вечернее время и решение других вопросов. Рабочее место, стол с телефоном, располагалось в холле на первом этаже напротив входа в посольство.

Вечером в семь часов в небольшом зале на втором этаже, вмещавшем не более пятидесяти человек, начался киносеанс для работников посольства и членов их семей. В помещении резидентуры к этому часу, как правило, оставался только резидент Соломатин. Но в тот вечер там находились еще два-три сотрудника, которые под предлогом киносеанса могли поработать подольше. Несколько сотрудников вместе с семьями смотрели кинофильм.

Никто не мог предположить, что в этот осенний день 1967 года откроется еще одна историческая страница успешной деятельности советской внешней разведки.

Сидя за столом дежурного, я просматривал свежий выпуск вечерней столичной газеты «Ивнинг стар». Около половины восьмого вечера в посольство быстро вошел посетитель. Внешне он выглядел неприметно — ниже среднего роста, темноволосый, с мелкими чертами лица, худощавый. На нем был черный плащ, такого же цвета костюм и шляпа. Обратившись ко мне, он сказал, что хочет переговорить с работником посольства, занимающимся вопросами безопасности. Хотя голос его был спокойным и

говорил он неторопливо, было видно, что он внутренне напряжен, чувствует себя неуверенно и старается скрыть волнение.

Посещения посольства американцами с такими просьбами не были частыми, но время от времени случались. Приходили бывшие подставные, но вскрытые прежде агенты американской контрразведки, люди, желавшие получить политическое убежище в СССР, и просто лица с нарушенной психикой. Но встречались и такие, кто хотел заработать на продаже секретной информации. Каждый приход рассматривался с разных позиций, главное — определить истинную цель. Если посетитель приносил секретную информацию, то разобраться было легче.

Каких-либо ограничений на вход в посольство не существовало, он был свободным, без охраны. Позднее после взрыва небольшого устройства, подложенного в наружное окно, у посольства выставили полицейского, наблюдавшего за подозрительными лицами вблизи здания. Обычные посетители его не интересовали.

Резидентурой был определен четкий порядок приема посетителей такого рода, ответственность за его соблюдение возлагалась на офицера безопасности, с посетителем, потенциально представляющим оперативный интерес, прежде всего беседовал он. Институт офицеров безопасности в 60-х годах только начинал формироваться и находился в ведении службы внешней контрразведки. В посольстве на этой должности, открытой для американских властей, работал Яков Константинович Букашев, опытный, уже немолодой контрразведчик, бывший до этого заместителем председателя КГБ одной из союзных республик. Для приема посетителей, с которыми требовалось обсудить конфиденциальные вопросы, использовалась небольшая комната на первом этаже возле стола дежурного. Пройти в нее я и попросил пришедшего в посольство американца.

На мой вопрос, кто он — он назвал свою фамилию и ответил, что служит в штаб-квартире военно-морского флота в Норфолке шифровальщиком и хотел бы предложить нам секретные материалы. Он принес с собой секретные документы и фотопленку. Я пригласил в комнату находящегося в холле технического работника посольства Виктора, молодого человека приятной наружности, в прошлом боксера, и оставил их вдвоем. Следуя установленному порядку, быстро нашел Букашева и попросил его провести беседу. В то время, пока они разговаривали, поднялся в резидентуру и доложил обо всем Соломатину, который дал «добро» на опрос американца и просил сообщить ему о результатах беседы. Затем спустился в холл.

Минут через десять Букашев вышел из комнаты и сказал, что пришедший американец действительно служит дежурным офицером в оперативном штабе Атлантического флота США в Норфолке, имеет доступ к секретным шифрам и хочет передавать нам на постоянной основе за деньги секретную информацию. Для доказательства своих намерений он принес ключи к шифровальной машине и другие материалы.

Звали посетителя Джон Уокер, с которым советская разведка успешно проработала семнадцать лет — с 1967 по 1985 год. Он передавал ценнейшую информацию по военным стратегическим и тактическим планам США против СССР, по атомным подводным лодкам с ядерными ракетами в Атлантическом океане, снабжал шифрами, позволявшими нам читать секретную информацию Пентагона, АНБ, ЦРУ и других важнейших ведомств. Создал агентурную сеть, завербовав для работы на нас своего друга, брата и сына, которые передавали через него аналогичную информацию по военным вопросам. Ущерб, нанесенный американцам Уокером, можно исчислить несколькими миллиардами долларов, а потери США в случае военного конфликта великих держав в годы «холодной войны» подсчету не подлежали бы. Западная пресса окрестила его «агентом XX-го века»…

Букашев поднялся в резидентуру с материалами, взятыми у Уокера. Вскоре он вернулся и передал мне, что Соломатин просит срочно зайти к нему. После краткого обмена мнениями мы пришли к выводу, что американец не является подставой ФБР и с ним надо продолжить работу. Соломатин дал мне указание организовать его конспиративный вывоз из посольства и провести выброску в городе. Здесь же обговорили условия связи, которые следовало ему передать и объяснить. В резидентуре в это время находился сотрудник линии ПР Владимир Митяев, который не вел оперативной работы «в поле» и занимался подготовкой наиболее важных и срочных сообщений в Центр по политическим вопросам. Он своим телосложением был схож с Уокером, хотя ростом чуть выше. Решили перед выходом из посольства надеть на Уокера плащ и шляпу Митяева, а для выброски использовать посольскую машину с опытным оперативным водителем Валентином Середняковым, до командировки в Вашингтон работавшим в 7 управлении КГБ. Личные автомобили сотрудников посольства использовать было нельзя — все они парковались вдоль улицы и к ним нужно было идти сто-двести метров, а ко входу в здание подъезжали только служебные машины. Второго входа не было. С Середняковым наметили примерный проверочный маршрут.

Операцию следовало провести скрытно фактически под прямым наблюдением ФБР. Напротив посольства метрах в пятидесяти в пятиэтажном здании размещалось контрразведывательное подразделение ФБР, осуществлявшее круглосуточное наблюдение за всеми входящими и выходящими лицами. При посещении посольства отдельными американцами сотрудники ФБР, как правило, потом подходили к ним и выясняли причину захода. При возникновении каких-либо подозрений их задерживали.

Решили выходить с Уокером из посольства после окончания киносеанса, как бы в числе тех, кто на нем присутствовал.

Важно было проконтролировать обстановку снаружи посольства — как реагировало ФБР на заход Уокера. Была ли реакция в эфире, и как ведут себя дежурные бригады наружного наблюдения вокруг посольства? Эту работу выполнил сотрудник линии КР Виктор Андрианов. Как он сказал, посты ФБР никак не отреагировали на заход, в эфире тоже было спокойно. Киносеанс оканчивался где-то в восемь тридцать, и времени оставалось минут пятнадцать-двадцать.

Спустившись в холл и зайдя в комнату, в которой продолжали беседовать Уокер и Букашев, не торопясь стал объяснять гостю условия следующей встречи.

Он вынул из внутреннего плаща блокнот и стал записывать число, время и название торгового центра в пригороде Вашингтона. На мое замечание, что записи делать нежелательно и лучше запомнить, он ответил, что может кое-что забыть. Тут же объяснил ему: мы вывезем его незаметно из посольства на машине и высадим в городе в безопасном месте. Он согласился.

Настроение Уокера, которое, конечно, не осталось без нашего внимания, после того как он пробыл в посольстве около часа, заметно изменилось. Он стал спокоен, говорил ровно и уверенно и, по всей вероятности, в какой-то мере убедился, что находится вне опасности. Увидел благожелательное и теплое к себе отношение.

Через пять минут закончился кинофильм и, после того как основной поток людей вышел из посольства, я снова вернулся в комнату и предложил Уокеру сменить его плащ и шляпу на принесенные Андриановым плащ и шляпу Митяева. Мы вдвоем вышли из комнаты, в холле для создания видимости толпы к нам присоединились Андрианов и Митяев. Машина с Середняковым за рулем уже стояла у подъезда метрах в двух от входной двери. Чтобы уйти от возможного фиксирования Уокера постом ФБР с противоположного здания, Митяев вышел первым, быстро уселся на заднее сиденье машины, затем я пропустил туда Уокера, а сам

сел рядом с водителем, чтобы согласовывать проверочный маршрут. Примерно через пятнадцать минут, когда стало ясно, что наружное наблюдение за нами не ведется, машину остановили, я открыл заднюю правую дверцу и пожелал Уокеру удачи. Проверяться большее время в условиях города было опасно, так как можно случайно попасть под наблюдение — машина имела дипломатический номер и была, естественно, хорошо известна ФБР и полиции.

Вернувшись в посольство на дежурство, я доложил Соломатину об успешно проведенной операции. Следует отметить, что вербовка Уокера была проведена без какой-либо суеты и торопливости. Все ее участники действовали профессионально. Кстати, об этом факте в дальнейшем никто из нас не вспоминал вплоть до ареста Уокера в 1985 году.

ФБР ДЕЛАЕТ МНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

5 ноября 1967 года накануне 50-летия Октябрьской революции ФБР сделало ко мне вербовочный подход. Повод для этого имелся.

В один из дней мая Попов приехал ко мне в гости с семьей. Примерно через час он предложил выйти на улицу покурить и немного пройтись. Оказалось, ему надо провести тайниковую операцию где-то в километре от моего дома в небольшом торговом центре, и мы не торопясь направились к месту расположения тайника. Наружного наблюдения не обнаружили. Подходя к тайнику, договорились, что Попов зайдет в магазин купить сигарет, а я подожду на улице. Когда он выйдет и подаст мне условный сигнал, я подойду к тайнику и изыму контейнер. Место он визуально показал перед тем как зайти в магазин. Так всё и сделали, и благополучно вернулись домой.

Перед подходом ФБР усилило за мной наружное наблюдение. Две машины наружки «бампер в бампер» сопровождали меня почти ежедневно в течение двух недель, хотя вели себя корректно. Такого раньше не случалось. Один сотрудник, сидевший рядом с водителем в первой машине, все время пытался обратить на себя внимание. Утром, когда я отвозил свою дочь и детей других дипломатов в школу при посольстве, этот сотрудник пытался их рассмешить, показывая разные знаки и делая гримасы. Он же оказался возле моей машины, когда я вышел из химчистки, куда накануне сдал свой костюм. Следуя своему правилу не замечать наружников и не вступать с ними в разговоры, когда они пытаются это сделать, я подошел к машине, повесил костюм и, как бы никого не видя, открыл свою дверцу. В

этот момент, приветливо улыбаясь, наружник подошел ко мне и спросил, узнаю ли я его. Я не стал отрицать, решив выяснить, с какой целью он пошел на контакт.

После ареста агентуры Попова у ФБР могли быть основания подозревать меня в принадлежности к разведке, и я, понимая это, был готов к возможным провокациям. Но по всему было видно, что сотрудник не настроен враждебно. Других наружников вблизи не было. Продолжая, он сказал, что мой агент арестован и в день праздника 7 ноября меня объявят персоной нон грата. Я про себя ужаснулся: неужели арестован Ларк? Виду не подал и заставил себя спокойно с улыбкой ответить, что ФБР явно заблуждается, у меня нет агентов, я дипломат и не имею отношения к «шпионским» делам. «Вы же с Поповым встречались с агентами, а говорите, что не разведчик», — ответил он. К моей огромной радости, которую старался не показать, я понял, что речь идет не о Ларке. Внутреннее напряжение моментально спало — его слова, что я встречался с агентами, а не изымал контейнер, свидетельствовали о том, что ФБР не знает о моих истинных действиях в тот злополучный вечер. Дальнейшая беседа не представляла для меня затруднений. Вынув пачку сигарет и закурив, предложил ему сигарету, но он отказался и сказал, что не курит.

— Но я видел вас в машине курящим, а говорите, что не курите, — начал я, пытаясь перехватить инициативу в разговоре. Он понял это и в свою очередь сказал:

— Вы на машине часто нарушаете правила движения, и когда были зимой в Нью-Йорке, то из-за вас наши ребята попали в аварию. Однажды проезжали на красный свет все перекрестки и специально уходили от нас.

Да, на самом деле эти случаи имели место. В марте 1967 года я четыре дня находился там в командировке по линии посольства и все время за мной выставлялось наблюдение, проводившееся, как обычно, почти открыто. В последний день утром, выйдя из гостиницы, увидел знакомых в лицо наружников в машине, стоявшей метрах в ста от моей. Радости это у меня не вызвало. Никаких оперативных дел тогда в Нью-Йорке у меня не было, и проводились деловые встречи с американцем, связанные с нашей предстоящей выставкой в США. С ним я периодически встречался с 1966 года и по нашим достоверным данным он работал на ФБР. Поэтому причины выставления наружки в этот приезд являлись вроде бы «профилактическими» — ФБР знало, чем я занимался с утра до вечера. Поэтому мне захотелось уйти от них и посмотреть, приедут ли они без меня к этому американцу. Улица была с двусторонним движением. Разогрел машину, и когда от

светофора двинулся встречный поток, быстро развернулся и въехал в его начало. Машина наружки не успела влиться и столкнулась с какой-то другой машиной. Я спокойно уехал.

Конечно, с оперативной точки зрения я поступил неправильно, но так хотелось и получилось.

Во втором же случае моей вины не было. Как-то раз я встречал советскую делегацию в аэропорту имени Кеннеди вместе с сотрудниками представительства СССР при ООН. Ее надо было отвезти в гостиницу и обговорить программу пребывания. Время позднее, дорогу в город знал плохо. Договорился с водителем представительского микроавтобуса не ехать быстро, чтобы мог за ним поспевать. Но он устроил прямо-таки настоящие автомобильные гонки — сам ехал на желтый свет и мне приходилось проезжать только на красный. Следовавшие за мной машины ФБР чудом несколько раз избежали столкновения, и в конце концов отстали…

В ответ на слова наружника я, конечно, обвинил ФБР в незаконной слежке за мной и все его претензии отверг. Далее он стал вести разговор по разработанному плану — предложил мне остаться в США, обещая предоставить большие деньги, дачу (так назвал загородный дом), машину и прочее — все из обязательного набора атрибутов вербовочной беседы. Было понятно, что ему их надо перечислить. По всей вероятности, наш разговор записывался. Мой отрицательный и возмущенный ответ, похоже, его не удивил. В ходе беседы он не допустил никаких грубостей, в целом вел себя даже как-то неуверенно. В конце не сдержал своего волнения — глубоко с облегчением вздохнул и невольно вытер вспотевшие ладони о пиджак. На вид ему было лет тридцать пять, с приятной, располагавшей к себе внешностью, вежливый в общении. Выглядел не так, как обычные сотрудники наружного наблюдения. Перед моим отъездом из США мы пытались его найти и провести вербовку «в лоб», но усиленные поиски тогда оказались безрезультатными.

Приехав домой и зная, что квартира прослушивается, рассказал жене, что надо собирать вещи и готовиться к возвращению домой. Отметил, что хорошего в жизни в этой стране мало и в Москве несравненно лучше. Жена со всем согласилась. Сказал, что утром доложу обо всем послу. Машина наружки с моим знакомым караулила меня на парковке у дома до поздней ночи.

Утром наблюдения не было. Приехав в резидентуру, доложил Соломатину о состоявшемся подходе. Решили, что у ФБР нет достаточных свидетельств о моем изъятии контейнера и вряд ли с предложением выдворить меня согласится госдепартамент.

Подготовили шифровку в Центр, в которой резидент сообщил, что не считает нужным отзывать меня в Союз и предложил оставить и, более того, продолжить работу с Ларком — нестандартный подход в данной ситуации. В те годы в подавляющем большинстве подобных случаев работников срочно отзывали из страны, чтобы предотвратить возможные провокации. Центр с предложением резидента согласился. Оставалось ждать решения американских властей. Его не последовало.

Несколько слов — о моей гражданской и профессиональной позиции в отношении страны и американских спецслужб, которой придерживался за все время работы в США. В первый год у меня сложилось, а в последующие годы укрепилось, устойчивое мнение о недостатках и пороках американского общества, его достоинствах и преимуществах. С этих позиций я строил свои отношения со знакомыми американцами, не скрывая своих взглядов. При негативных высказываниях о внешней и внутренней политике Советского Союза не вступал в дискуссии, дипломатично переводил разговор на те проблемы их общества, которых у нас в то время в таких размерах не существовало — преступность, наркомания, проституция, богатство и бедность, трудности платного обучения молодежи, война во Вьетнаме, и многие другие. Практически не было случаев, чтобы кто-то из моих знакомых, даже сотрудников спецслужб, высказал мне антисоветские взгляды.

Кроме того, я глубоко и обоснованно верил, что моя работа в США, как по основной профессии, так и по прикрытию, моя и моей семьи безопасность обеспечиваются могуществом Родины и заботой Службы. Я твердо знал, что на любые провокации последуют ответные действия КГБ. Осознание себя гражданином великой страны давало мне полную независимость от американских спецслужб и вселяло уверенность в работе. Это не громкие слова, это — точка зрения.

Сейчас некоторые из тех, кто участвовал в «холодной войне», считают, что она была нами проиграна и нет больше великой державы. Убежден: создание новой России отнюдь не является чьим-то поражением. Наша роль в мировом сообществе приобретет другое, еще более значимое содержание. Экономические трудности России — явление временное, а историческое место великой страны — постоянное.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕДОВЕРИЯ К ЛАРКУ

Странная все-таки вещь — интуиция: и отмахнуться

от нее нельзя, и объяснить невозможно.

Интуиция в обычном понимании — есть, в сущности, впечатление,

основанное на логическом выводе или на опыте.

Агата Кристи.

До 1968 года Ларк ни в Центре, ни у меня не вызывал каких-либо подозрений. Хотя его материалы не были документальными, все они соответствовали действительности и подтверждались. Дезинформации не было. В связи с тем, что многие его данные свидетельствовали об утечке важной информации с оборонных предприятий и некоторых других спецобъектов в Советском Союзе, они передавались во Второе главное управление КГБ для использования. Сотрудники управления не могли установить точные каналы получения информации американской разведкой и предполагали, что она исходит от спутников-шпионов, а также получена путем радиоперехвата и анализа открытой печати. Не исключались и агентурные источники. Подобная оценка казалась вполне логичной — Ларку документы давались в РУМО и ЦРУ обезличенными без указания источников их получения.

Его информация по ЦРУ во многом ограничивалась характеристикой тех работников, с которыми он общался, и освещением материалов по ВМФ СССР, к анализу которых он периодически привлекался.

К 1968 году окончательно определились разведывательные возможности Ларка — конкретизировались направления его использования и стали ясны пределы доступа к секретным материалам РУМО и ЦРУ. Тщательно изучив переданные за эти годы материалы, я убедился, что они не наносят ущерба национальным интересам США. В связи с этим передо мной встали две задачи: активизировать его работу и одновременно провести глубокую проверку, установить, передает ли он все материалы, к которым имеет доступ, или что-то скрывает, опасаясь за свою безопасность или по другим причинам.

Начиная примерно с середины 1968 года у меня возникло и со временем усилилось какое-то интуитивное чувство настороженности. На первых порах оно было вызвано некоторой медлительностью в разговорах, едва заметным раздумыванием над моими вопросами и ответами на них. Иногда он мне казался не совсем искренним. Невольно я постоянно фиксировал в памяти выражение его лица, взгляд, манеру поведения в целом. Ловя себя на этом, я, конечно, понимал, что моя настороженность прежде

всего вызывалась тем, что он был предателем, хотя и пошел с нами на сотрудничество, но опять-таки по нашей инициативе. Правда, он отличался от других предателей, в частности, от Голицына и Носенко тем, что решился на такой шаг в своей жизни не ради корысти, а из-за любви к молодой и красивой женщине, гражданке другой страны. В те годы никто не позволил бы им пожениться. Имелись непроверенные сведения о его не вполне благополучных отношениях с бывшей женой. Он, по существу, не хотел быть врагом своей родины, и стал им после измены. Но, несмотря на все это, я не мог к тому времени с полной уверенностью сказать, что он до конца честен с нами.

Сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, Ларк заслуживал доверия, учитывая передаваемые им материалы, с другой — вызывал определенные подозрения, в то время основанные лишь на субъективных наблюдениях. Необходимо было предпринять какие-то меры, чтобы положить конец этому двойственному чувству. Провести полную проверку, основываясь на передаваемых им материалах, было невозможно. Поэтому я решил добиться от него информации, которая явно наносила бы ущерб США и могла быть полностью проверена силами резидентуры. Важно получить от него подлинные документы, с которыми он работал в РУМО, а если удастся, то и в ЦРУ. Он сам высказал в своем заявлении в Президиум просьбу об искуплении вины, и каких-либо морально-этических проблем по работе против США у него не должно было возникать…

Одновременно следовало заполнить весьма важный пробел в его изучении перед вербовкой. В принципе, мы не знали о некоторых сторонах его жизни. Каково его истинное отношение к американским спецслужбам, и особенно к ЦРУ, которое содействовало получению им гражданства, устроило его на работу и сейчас оказывает «моральную» и материальную поддержку?

Отношение к своему поступку он выразил в заявлении в Президиум — но можно ли верить в него, не было ли это шагом контрразведки ЦРУ, в ведении которой он, как и другие изменники, находился? Возникали и другие важные вопросы. Ответы на многие из них мне можно было получить лишь самому, взяв его в личную разработку. Я понимал, что мне придется значительно глубже изучить его работу в РУМО, связи с ЦРУ, личные контакты, выяснить его взгляды на перспективу в семейной жизни в случае возвращения в Союз и многое другое. Мои действия могли насторожить ЦРУ. Поэтому я должен приложить все усилия, чтобы в общении с Ларком оставаться естественным и не вызвать даже малейшего сомнения в своей

искренности. Следует продолжать поддерживать образ дружественного ему сотрудника разведки, откровенно заботящегося о нем и полностью ему доверяющего. Даже небольшая ошибка в поведении могла привести к срыву наших многолетних усилий и к непредсказуемым последствиям.

Конечно, при этом существовала и большая опасность потерять ценный источник, если он честен с нами, а мы его необоснованно подозреваем.

Продумал меры, которые должны были бы рассеять возможные подозрения. Прежде всего, продолжать работать с ним, как с надежным и ценным источником, не дать повода усомниться в нашем полном доверии. На встречах положительно оценивать его материалы, постепенно передать ему оперативную технику — специальный контейнер для хранения письменных сообщений и тайнописной копирки, заменив ее на более высокую категорию надежности, специальную фотокамеру для съемки документов, аппаратуру для радиосвязи. Сообщить, что Президиум учел его раскаяние, честное сотрудничество с нами и вынес решение о помиловании. Руководством КГБ рассматривается вопрос о восстановлении воинского звания. Но самым главным являлось то, что он, как весьма ценный и надежный источник, после моего отъезда из США в целях сохранения его безопасности якобы будет передан на связь разведчику-нелегалу. Конечно, при его согласии.

Если Ларк честен с нами, то все эти мероприятия не повлияют отрицательно на наши с ним отношения, наоборот, укрепят и расширят его агентурные возможности. Если же он подстава, то контрразведка вполне может поверить, что мы высоко его ценим и действительно передадим нелегалу. В этом случае после моего отъезда по окончании командировки в 1971 году следует прекратить с ним личные встречи и тайниковые операции, перевести на экстренную связь по радио и под легендой знакомства с нелегалом поэтапно вывести в третью страну, и затем в Союз для использования в наших интересах. Пришлось бы отказаться от его материалов, которые представляли интерес, хотя и не давали ответа об их источниках.

В противном случае продолжение работы с двойным агентом предоставляло американским спецслужбам возможность выявлять наши оперативные задачи, личный состав резидентуры, изучать методы и средства ведения разведывательной работы. Кроме того, подставленный агент мог быть использован в любое время в провокационных целях и для разжигания очередной антисоветской истерии в США. Вопрос о передаче через него дезинформации не ставился. В любом случае надо было решить

вопрос о доверии Ларку.

В Вашингтоне происходила смена резидентов. На место Соломатина, назначенного заместителем начальника ПГУ, приехал Михаил Корнеевич Полоник, с которым я обсудил возникшие у меня подозрения по Ларку и свои мысли о мероприятиях по его проверке. Он их одобрил. Направили предложения в Центр, который с ними полностью согласился. Следует отметить, что начальник Службы внешней контрразведки Бояров, лично руководивший делом Ларка в Москве, и руководитель разведки Сахаровский, которому докладывались наиболее интересные материалы поддерживали все мероприятия резидентуры по Ларку и полагали, что резидентура лучше разберется во всех связанных с ним хитросплетениях.

Несколько слов о Полонике. Это был опытный работник политической разведки. По складу характера он разительно отличался от Соломатина. Никогда не позволял себе повысить голос на подчиненных, тем более допустить грубость. Был спокойным, выдержанным, рассудительным. Обладал терпением и высокой самодисциплиной. При решении вопросов всегда учитывал мнение сотрудника, считался с его опытом и знанием оперативной обстановки. Доверял ему, если полагал, что тот самостоятельно справится с задачей. С его приездом резко усилилась конспирация в работе резидентуры — он ограничил информирование сотрудников строго кругом их непосредственных задач. В дальнейшем это сыграло весьма важную роль в разработке Ларка. У нас сложились хорошие деловые отношения. Мы полностью доверяли друг другу. Общее направление в работе резидентуры, которое было взято при Соломатине, Полоник не только успешно продолжил, но и развил. К сожалению, он преждевременно ушел из жизни, уже находясь на пенсии в Москве.

ПРОВЕРКА: ЛАРК — ДВОЙНИК ЦРУ

В соответствии с планом в 1969 году началась поэтапная проверка Ларка и одновременно активизация его работы. Он продолжал заниматься анализом материалов по советскому военно-морскому и гражданскому флоту, в том числе полученных от американских военных атташе из разных стран. На встречах я подчеркивал необходимость выявления агентурных источников информации. Но каждый раз он отвечал, что материалы поступают к нему тщательно обработанные, даже иногда усеченные в целях сокрытия источников получения. Однажды рассказал, что в начале 60-х годов ЦРУ привлекало его для

анализа и оценки секретных материалов по советскому подводному флоту. Они не были документальными, но излагали точку зрения советских моряков. Он не знал. от какого источника они были получены, да и этот вопрос его в то время не занимал.

Интересно отметить, что в изданной в России в 1993 году книге о предателе Пеньковском «Шпион, который спас мир» упоминается докладная записка внутреннего пользования ЦРУ, где говорилось, что в 1961 году «недавний советский невозвращенец, капитан военно-морских сил, отзывался о «Военной мысли» как о наиболее авторитетном и секретном советском военном издании». Речь идет, вполне вероятно, о Ларке. Пеньковский передавал американцам фотокопии этого журнала.

Трудно было не поверить звучавшим вполне правдоподобно объяснениям Ларка. Аналитики спецслужб лишь в редчайших случаях и при острой необходимости могут быть осведомлены о конкретных лицах, поставляющих информацию. Зная объекты и страну, они могут в лучшем случае установить, на каком служебном уровне находится источник. При хорошо поставленной аналитической работе также определяется, достоверна ли информация. Примерно так выглядела ситуация и с Ларком.

Не останавливаясь на всех проверочных мероприятиях и не вдаваясь в их детали, расскажу лишь о наиболее важных. Независимо от хода проверки, параллельно с ней я начал оснащать его необходимой оперативной техникой. В 1969 году заменил тайнописную копирку третьей категории надежности на новую — первой категории, но уже известную разведке ФРГ после провала там нашего агента. Для хранения копирки и письменных сообщений передал специальный контейнер в виде портативного автомобильного огнетушителя, в котором автоматически уничтожались вложенные бумажные документы, если он открывался без отключения секрета. В конце 1970 года я также передал Ларку радиоприемное устройство для получения и автоматической записи у него дома наших условных сигналов по связи — переделанный бытовой радиоприемник с магнитофоном. Мы вместе испытали его и убедились, что работает он вполне надежно.

В плане проверки представляла интерес, в частности, его информация по двум предателям — бывшему сотруднику ПГУ Голицыну и бывшему заместителю начальника отдела Второго главного управления КГБ Носенко.

Сообщения Ларка по Голицыну, как мы считали, соответствовали действительности, они частично подтверждались

имевшимися материалами от других источников. Ларк подробно рассказывал о настроениях предателя, его отношениях с ЦРУ, поездках в другие страны для разоблачения агентуры КГБ, личной жизни и т. п. Передал адрес, по которому тот проживал в отдельном доме под Вашингтоном в небольшом городе в Вирджинии. В резидентуре имелись фотографии и описание примет Голицына. При выезде к этому дому я несколько раз видел около него мужчину, очень схожего с Голицыным даже по манере ходить. Дом стоял на пригорке и просматривался с дороги только с одного места, но подъехать к нему так, чтобы не вызвать интереса у владельца, было невозможно. Поэтому решили пока не проводить по Голицыну оперативных мероприятий и ограничиться наблюдением за ним через Ларка.

С начала 1970 года Ларк стал давать информацию по Носенко. Весьма подробно рассказывал о всех сложностях его отношений с ЦРУ, недоверии к нему со стороны контрразведки, охватившей его депрессии. Высказывал предположение, что американцы не верили ему не потому, что считали засланным от КГБ, а, главным образом, по причине возникающих время от времени в ЦРУ кампаний шпиономании. На одной из встреч сообщил и его точный адрес. Оказалось, что Носенко проживал в многоквартирном доме в Арлингтоне приблизительно в миле от меня. Назвал Ларк и модель, и цвет его автомашины, но номерные знаки увидеть не сумел.

При выезде к дому, стоявшему, как и многие другие в этом районе Арлингтона, обособленно, я пришел к выводу, что работники резидентуры на автомашинах с дипломатическими номерами, собирая более подробную информацию, могут быть зафиксированы и это приведет к нежелательным последствиям. Центр согласился с такой точкой зрения и сообщил, что для установки Носенко будет привлечен разведчик-нелегал. Спустя пару месяцев из Москвы прислали отчет нелегала с подробным описанием обстановки вокруг дома, подъездных дорог, характеристикой контингента проживающих лиц и тому подобной информацией. Машину указанных модели и цвета, принадлежащую якобы Носенко, нелегал видел на парковке у дома в вечернее время, но, к сожалению, не смог считать номерной знак по причине большой непогоды в тот день в Вашингтоне.

Информация по этим двум изменникам выглядела, при первой оценке, как имеющая возможности для ее реализации — прежде всего более подробной установки их по месту проживания. Однако мы отказались от дальнейшей работы силами резидентуры из-за возникших трудностей. Анализируя в

целом ситуацию, не исключали, что ЦРУ, в руках которого находились эти предатели, передало нам через Ларка достоверные данные, чтобы укрепить доверие к нему, даже понимая, что КГБ может их убрать. Если же исходить из того, что его сообщения являлись дезинформацией и по указанным адресам планировалось провести против нас какие-то мероприятия, то ЦРУ пришлось бы на протяжении неопределенного времени держать там специальные оперативные группы. Этот вариант для ЦРУ, как казалось нам, был малоперспективным и дорогостоящим. В дальнейшем я расскажу, почему закончилась работа по Голицыну и Носенко.

По программе Net Fish Ларк не представил никакой информации, заявлял, что к этой работе его не привлекают, а проявлять какую-либо инициативу он не считает возможным по соображениям безопасности. Задание мы сняли. Однако где-то в конце 1969 года нам стало известно от других источников, что вдоль континентального шельфа восточного и западного побережий США действует гидроакустическая система наблюдения за нашим подводным флотом. Скорее всего, Ларк получал информацию о передвижениях лодок, снятую этой системой, но нам не сообщал.

В конце 1968 года Ларк при обсуждении вопросов по ЦРУ заметил, что в 1964-65 годах несколько раз посещал его нью-йоркское отделение. Для меня эти слова явились полной неожиданностью. Ранее об этом он не говорил — хотя тема по объектам и персоналу ЦРУ присутствовала постоянно в наших беседах — и, как мне показалось, сказал случайно. Наши резидентуры в то время не знали точного адреса этого отделения, использовавшего якобы крышу какой-то коммерческой фирмы, и эти сведения представили бы оперативный интерес. Я попросил дать мне адрес, но Ларк ответил, что не помнит, и назвал лишь примерный район Нью-Йорка. «Когда будете там в следующий раз, то посетите этот район и выясните адрес», — продолжил я. Он согласился.

На следующей встрече он подробно объяснил, что побывал в Нью-Йорке, но не смог найти место, где располагалось отделение ЦРУ. Чувствовал себя при этом неловко, как бы оправдывая свою забывчивость. Можно было подумать, что он говорит неправду, но все-таки это было бы пока предположением.

На одной из встреч в 1969 году при обсуждении его контактов с ЦРУ Ларк рассказал, что в прошлые годы его приглашали лишь несколько раз для консультаций по советским военно-морским кораблям. Но в прошедшем месяце он вызывался дважды, и как сообщили ему сотрудники ЦРУ, у них для него есть

работа на целый год. С самого начала встречи проходили на одной и той же конспиративной квартире в Вашингтоне. Назвал ее адрес. Рассказал, кто из сотрудников Лэнгли обычно присутствует, набросал план квартиры, описал мебель. По его наблюдениям, квартира посещается также другими людьми. Оказалось, что многоэтажное жилое здание, где она находится, расположено недалеко от нашего посольского дома для технических работников. О контактах с работниками ЦРУ на конспиративной квартире Ларк рассказал впервые — прежние деловые встречи, как он говорил, происходили у него дома.

Сейчас ему поручили провести анализ разведывательных материалов, полученных ЦРУ техническими средствами, по новым советским военно-морским кораблям — вертолетоносцам «Москва» и «Ленинград», находившимся в плавании в Средиземном море. Поставлена задача определить их боевое предназначение. Сделать этого пока не удалось, имелись разные точки зрения, но требуется установить точно. Поэтому обращается ко мне с просьбой помочь ему и предоставить информацию по этому вопросу. Просит передать его просьбу соответствующим лицам в Москве и заверить их, что эта информация поможет ему якобы решить вопрос аналитическим путем и тем самым повысить свой авторитет. В ответ Центр рекомендовал сообщить Ларку, что данные по этим кораблям засекречены и не могут передаваться американцам. Свое недовольство таким ответом он не скрывал.

В 1969 году при обсуждении структуры РУМО и характеристик на его коллег я поинтересовался, каким телефонным справочником он пользуется — своего отдела или общим. Он ответил, что может брать любой из них. В справочнике по РУМО, имеющем гриф секретности «Только для служебного пользования», в алфавитном порядке указаны фамилии всех сотрудников. Его можно без всяких подозрений взять в свой кабинет. На мой вопрос, сможет ли он незаметно для других переснять его на фотопленку, ответил утвердительно, но сразу же отметил, что никогда не пользовался фотоаппаратом и к тому же пронести его в здание РУМО нельзя — все личные вещи сдаются при входе. Я объяснил, что обычный фотоаппарат не понадобится, — передам ему простую в обращении специальную портативную фотокамеру, ее можно пронести в кармане пиджака. Она будет внешне выглядеть как обычная пачка сигарет «Уинстон», которые он иногда курит. Надо будет лишь под определенным углом провести ею по печатному тексту, и тот перенесется на микропленку, которой хватит примерно на шестьдесят страниц. Справочник целесообразно снимать частями,

отснятую пленку передавать через тайник.

В следующий раз мы встретились вечером около торгового центра в отдаленном пригороде Вашингтона. У меня все больше усиливалось сомнение в честности Ларка. Порой возникало чувство недоброжелательности, желание каким-то образом сломать его психологически. Вопрос о перевербовке отпадал сам по себе: если он предал дважды, предаст и в третий раз. В тот вечер во время операции по выброске подобные мысли не покидали меня. Подходя к месту встречи, увидел его спокойно прогуливавшимся и курящим трубку. Решение пришло само собой.

Сразу же после обмена приветствиями предложил отъехать на его машине пару миль, чтобы в более безлюдном месте передать ему фотокамеру и в спокойной обстановке объяснить, как ей пользоваться. Прежде я так никогда не поступал. Мы сели в его «Фольксваген», я стал указывать дорогу, сворачивая то на одну улицу, то на другую, создавая полное впечатление, что хорошо знаю район и мы едем в определенное место. Он стал спрашивать, куда ведут эти дороги, где мы находимся и скоро ли остановимся. В его голосе появились тревожные нотки, было понятно, что с этими местами он не знаком и явно волнуется. Въехали в жилой, плохо освещенный и малонаселенный район. Через пару минут попросил его остановиться. Вышли из машины. Передал ему камеру и подробно начал объяснять, как ей пользоваться. Было видно, что у него наступило облегчение. Я понял, что этот жесткий, на грани оперативной дозволенности, но выглядевший вполне обоснованным в данной ситуации прием косвенной проверки Ларк не прошел.

очему он проявил такое откровенное беспокойство, которое не смог скрыть? — спрашивал я себя позже. Ведь он должен считать, что мы относимся к нему с доверием, всячески оберегаем от опасности. Более того, сразу же при встрече я сообщил о его помиловании Президиумом за честное сотрудничество с нами. Скорее всего он, пришел я к выводу, что его волнение было вызвано существовавшим у него чувством опасности и естественной в данном случае постоянной боязнью, что КГБ готового расплатиться с ним за двурушничество. Вероятно, подобные опасения он не раз высказывал своим кураторам в ЦРУ. Однако в действительности десяток лет спустя «расплатилось» с ним не КГБ, а ЦРУ.

Что же касается задания по телефонному справочнику, то он дважды оставлял в тайнике фотопленки, и дважды на них ничего нельзя было разобрать. На очередной встрече передал мне третью пленку, также оказавшуюся пустой. При обсуждении причин

«неудачи» заверял меня, что соблюдал все инструкции при фотографировании. После проверки камеры в резидентуре я вновь принес ее и попросил попытаться все-таки сфотографировать справочник. Но опять пленки были пустые. В итоге он пытался убедить меня, что не может научиться фотографировать и ничего путного из этого дела не получится. Замечу, камера была проста в обращении и съемку производила безукоризненно, — что неоднократно подтверждалось в Москве и в резидентуре, — как до передачи ее Ларку, так и после. Фотокамеру он вернул. Н е придавая «неудаче» особого значения, я больше к этому вопросу не возвращался.

Этот факт в совокупности с другими заставил нас весной 1970 года придти к твердому и окончательному выводу — Ларк двойник и работает под контролем ЦРУ.

Если рассматривать все происшедшее со справочником РУМО с позиций американской действительности, то, конечно, ЦРУ не могло самостоятельно передать советской разведке, считая это даже оперативно необходимым, документ другого ведомства с фамилиями сотрудников военной разведки — использование справочника нами грозило им потенциальными неприятностями и могло нанести реальный ущерб безопасности США. ЦРУ прекрасно понимало, что такие данные требуются нам для установки лиц и организации вербовочных разработок. Кроме того, фотографирование одного документа повлекло бы за собой задания и по другим, что, конечно, не входило в планы ЦРУ. Согласие Ларка, возможно, было вынужденным, даже спонтанным, и отказ выглядел бы нелогичным. Но если бы Ларк не был подставленным агентом ЦРУ, то он выполнил бы наше задание хотя бы во второй, третий или пятый раз — препятствий для этого у него в РУМО не существовало.

Реализуя план работы с Ларком, осенью 1970 года я сообщил, что за «честную и плодотворную работу» он восстановлен в звании капитана 3-го ранга и в дальнейшем очередные воинские звания будут присваиваться «в соответствии с действующими в Советской Армии сроками». Также сказал, что в июне 1971 года после пятилетнего пребывания в США я возвращаюсь в Москву, Центр в интересах обеспечения безопасности принял решение о передаче его на связь нелегалу — советскому разведчику, проживающему в США под видом американского гражданина.

— Сотрудники легальной резидентуры встречаться с вами не будут, — продолжал я, — в ходе отдельных контактов надлежит обсудить вопросы связи и знакомства с нелегалом. Перевод произойдет через некоторое время после моего отъезда. До этого вам необходимо будет познакомиться с работниками Центра для

обсуждения деталей. Первая встреча назначена на апрель 1971 года в Монреале. Условия связи передам в марте месяце.

Ларк воспринял мои слова спокойно, выразил благодарность за столь высокое к нему доверие, а также за восстановление его в звании. Несмотря на результаты проверочных мероприятий, работа с Ларком шла в обычном режиме — он ежемесячно закладывал тайнописные сообщения в тайник, личные встречи проводились три-четыре раза в год. К концу 1970 года сложилась ситуация, из которой стало понятно, что ЦРУ, передавая через него некоторые данные, пыталось определить — верим ли мы ему или ведем свою игру.

Если мы полностью доверяли Ларку, то должны были проводить по его информации оперативные мероприятия, которые ЦРУ с помощью ФБР в любом случае зафиксировало бы. Такую цель, вполне очевидно, преследовало и его сообщение о конспиративной квартире в Вашингтоне: американцы осознавали, что мы попытаемся через него поставить там технику подслушивания, если, конечно, доверяем ему. Мы «пошли им «навстречу», продолжая начавшуюся игру до конца.

До моего отъезда оставалось закончить мероприятие по «установке» подслушивающей техники на этой квартире. На встрече в декабре 1970 года я спросил его, можно ли пронести с собой в квартиру небольшое прослушивающее устройство и незаметно оставить его на некоторое время — мы хотим послушать разговоры, которые там ведутся. Объяснил, что нас интересуют не его беседы, о которых он подробно сообщает, а контакты ЦРУ с другими посетителями. Ответ последовал утвердительный. Обсудили варианты закладки в мебели небольшого деревянного бруска с вмонтированными микрофонами и решили, что лучше всего прикрепить его под тахтой в гостиной, где, как правило, ведутся беседы. В очередное посещение квартиры он изымет брусок и вернет нам. Ларк ответил, что справится с таким заданием.

Для придания операции большей правдивости я и специалист резидентуры по оперативной технике несколько раз выезжали к дому — для проверки на месте качества прохождения сигнала до нашего посольского дома, где был оборудован автоматический прием. Наружного наблюдения за собой не видели.

В начале 1971 года передал Ларку закладку. Одновременно объяснил условия связи с представителем Центра в Монреале в конце апреля. В марте месяце через тайник он сообщил, что задание по закладке выполнил. Но как мы и предполагали, передачи информации с конспиративной квартиры не последовало.

В мае 1971 года состоялась моя последняя личная встреча с Ларком. Он поделился своими впечатлениями от поездки в Монреаль, которая, по его мнению, прошла благополучно и он ею удовлетворен. Подозрительных моментов не замечал. Вблизи небольшого портового ресторана, где он встретился с работником Центра, несколько минут стояла полицейская машина, но, как он уверен, отношения к наблюдению за ними она не имела.

Вернул мне закладку и подробно рассказал, как ее ставил и изымал. О результатах я ему не говорил и лишь поблагодарил за работу. В конце беседы обсудили еще раз условия экстренной связи. От имени Центра и от себя поздравил Ларка с успешным завершением весьма плодотворной пятилетней работы с нами и выразил надежду на встречу в будущем.

Итак, первая задача по Ларку была решена — установлено, что он двойной агент и работает на ЦРУ. С этого момента операция ЦРУ по его использованию против советской разведки находилась под нашим постоянным контролем. Оставалось решить вторую задачу: вывести его в Союз, получить оперативную информацию, провести пропагандистские мероприятия и решить вопрос об исполнении приговора суда. Возможно, что он мог бы быть помилован и высшую меру наказания заменили бы каким-либо сроком тюремного заключения. Артамонов был и оставался изменником, притом дважды предавшим свою Родину.

ЦРУ утвердилось во мнении, что успешно подставило своего агента, и на следующем этапе ожидало передачу его на связь нелегалу советской разведки. В Лэнгли не раскрыли наших замыслов, не поняли нашей игры. Но никто не мог тогда предположить — ни КГБ, ни ЦРУ — что принесет более чем через четверть века дело Ларка этим двум противоборствующим крупнейшим разведкам мира.

В июне 1971 года на флагмане нашего пассажирского флота теплоходе «Александр Пушкин» я с семьей отбыл из Монреаля домой. Больше с Ларком я не встречался.

Покидая Америку, отчетливо сознавал, что работать в этой стране мне больше не придется. Остальные страны НАТО будут для меня также закрыты, так как после вывода Ларка в Союз я стану расшифрованным советским разведчиком. Более того, мне было понятно, что после захвата Ларка ЦРУ примет все меры и попытается нанести мне ответный удар, в какой бы стране я ни находился, — слишком велика и неожиданна будет их потеря.

Но тогда эти мысли меня мало беспокоили. Я был полностью удовлетворен результатами своей работы в Вашингтоне.

ПРЕДАТЕЛИ И «КРОТЫ»

В наши дни, похоже, не осталось ничего тайного.

Мы знаем секреты Той Стороны, а Та Сторона знает наши секреты.

Наши агенты слишком часто оказываются Их агентами, ну, а

Их агенты нередко работают на нас. И наконец все превращается

в настоящий кошмар — никто не знает, кто есть кто!

Агата Кристи

Агент ЦРУ Китти Хок

Вашингтон, март 1966 года. В столице Америки днем по-весеннему солнечно и тепло, ночью несколько прохладно. Все цветет и зеленеет, как в мае в Москве. Командировка Кочнова в вашингтонскую резидентуру для вербовки Артамонова должна была принести успех внешней контрразведке ПГУ, усилить нашу работу против американских спецслужб. Резидентура установила Артамонова проживающим в пригороде Вашингтона Арлингтоне под именем Николаса Джорджа Шадрина. Оставалось решить, в каком месте безопаснее подойти к нему, и, показав письма от жены и сына, взятые в Ленинграде, предложить сотрудничать с КГБ, то есть провести самое главное — вербовку.

Резиденту Соломатину нравился этот собранный, энергичный, свободно владеющий английским языком оперативный работник Службы внешней контрразведки. Они оба оканчивали, хотя и в разные годы, один из самых престижных вузов — Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Соломатин — в 1951 году, лет на пять раньше Кочнова. Познакомились они в Москве. Попасть в команду Соломатина, который, готовясь выехать резидентом в Вашингтон, подбирал себе подходящих работников, Кочнову тогда не удалось. Но он сумел оставить о себе хорошее впечатление, хотя для этого мог использовать и тонкую лесть, и завуалированную ложь.

В теплый мартовский вечер двадцать пятого числа в доме на Фессенден-стрит в северо-западной части Вашингтона зазвонил телефон. Трубку взяла Джулия Хелмс, жена заместителя директора ЦРУ по оперативной работе Ричарда Хелмса. Вежливый, но настойчивый мужской голос попросил к телефону Хелмса. Ему ответили, что Хелмса сейчас дома нет. Звонивший представился советским дипломатом Игорем Кочновым и просил передать господину Хелмсу, что имеет для него важную информацию. Он назвал время и место, где будет завтра ждать представителей ЦРУ. Кочнов звонил из городского автомата. Он знал уже в Москве, что домашний телефон этого высокопоставленного работника Лэнгли указан в справочнике, который имеется в любой вашингтонской телефонной будке. «Мое имя всегда значилось в телефонной книге. В то время я жил на Фессенден-стрит», — отмечал позднее Хелмс.

После встречи с Кочновым ЦРУ рассматривало его предложение как рискованное, непредсказуемое по последствиям

и трудноосуществимое. Вот как рассказывается о событиях тех дней в американских печатных изданиях, в которых Кочнов иногда называется Игорем Васильевичем Козловым или просто Игорем Козловым. В разговоре с работниками ЦРУ Кочнов заявил, что он советский разведчик в звании майора и приехал в США для вербовки Артамонова-Шадрина. Он не удовлетворен своим служебным положением и предлагает сотрудничество с ЦРУ. Если ему помогут завербовать Артамонова, то он, как его будущий «хэндлер» — связник, контролер, ведущий — сможет сделать рывок в своей карьере, станет для ЦРУ «ценным агентом», уже внедренным в советскую разведку. Но для ЦРУ речь шла о подставе человека, которого оно «оберегало» и не допускало к контактам с советскими гражданами, как и других предателей, в основном из-за боязни перевербовки, а может быть и ликвидации.

В своих пропагандистских акциях ЦРУ неоднократно вещало миру, как жестоко КГБ поступает с предателями. К тому же Шадрин по рекомендации ЦРУ работает аналитиком в РУМО. В силу этого неизбежно возникнут трудности в подготовке материалов этого ведомства для обязательной передачи через него советской разведке. ЦРУ и сразу же подключенное к делу ФБР рассматривали предложение Кочнова как очередное коварство КГБ. Прошло уже более двух лет, а американские спецслужбы все еще разбираются, насколько искренен Носенко и не могут ответить на вопрос — не заслан ли он КГБ. ЦРУ и без Кочнова, считал его будущий директор Хелмс, «кишит советскими шпионами».

Верить Кочнову нельзя — твердо заявил профессиональный контрразведчик, будущий заместитель начальника управления контрразведки ЦРУ, специалист по советским перебежчикам Пит Бэгли. Кстати, недавно Бэгли посетил Россию, чтобы в просмотре старых кинолент времен «холодной войны» узреть работу советских разведчиков в шпионских фильмах, показанных на фестивале «Кинотавр-96» в Сочи. Бэгли, как и положено человеку его профессии, беседуя с бывшими и нынешними российскими разведчиками, «предпочитал не распространяться о своей работе в ключевом управлении ЦРУ». А жаль: хотя бы для истории рассказать он мог бы о многом.

Бэгли вторил ответственный сотрудник контрразведывательного отдела ФБР Джеймс Нолан, также считавший Кочнова подставой советской разведки. Причин для подобной оценки сложившейся ситуации, казалось бы, набралось больше, чем требовалось для принятия позитивного решения. Но так или иначе по неизвестным тогда советской разведке основаниям американские спецслужбы изменили свое мнение и

вскоре приняли предложение Кочнова. Ему дали кличку «Китти Хок». Ведущим нового агента от ФБР назначили Элберта Тэрнера. Через неделю в советской резидентуре появился также новый агент «Ларк».

Из всего произошедшего в те дни можно сделать вполне однозначный вывод: не доверяя Кочнову, ЦРУ и ФБР не пошли бы на подставу советской разведке носителя секретов, аналитика двух спецслужб Ларка, опять-таки опасаясь возможной перевербовки или других отрицательных последствий.

В конце 80-х годов после внезапной смерти Кочнова в Москве в американскую прессу стали проникать некоторые детали этого дела. Так, начальник вашингтонского контрразведывательного отделения ФБР Куртленд Джонс вспоминал:

— Мы включили Кочнова в игру, начали представлять соответствующие материалы. Тернер и я чувствовали, что это нужно сделать, а что нам было терять? Билл Брэниган, начальник отдела, вызвал нас, и один из нас спросил, как мы назовем Кочнова? Билл и я проводили отпуск в Аутер-Бэнксе. Я сказал: «Билл, я еду завтра в Китти Хок. Не назвать ли его этим именем?». Билл ответил: «Почему бы и нет?».

Кстати, воды мировых океанов бороздит авианосец ВМС США с именем «Китти Хок». Конечно, он назван не в честь Кочнова…

Как свидетельствуют происшедшие много лет спустя события, американские спецслужбы с самого начала поставили судьбы Ларка и Китти Хока «на кон» и в дальнейшем разыграли их в интересах более важной задачи. Словам Куртленда Джонса — «что нам было терять» — можно верить.

В силу сложившейся к 1966 году обстановки внутри ЦРУ, принятие предложения Кочнова оказалось более чем непростым решением. Для того, чтобы правильно понять суть дела, следует несколько подробнее рассказать читателю о тогдашней ситуации в Лэнгли.

ЛОВЛЯ СОВЕТСКОГО «КРОТА»

1966 год стал годом наивысшей активности руководителя Управления контрразведки ЦРУ Джеймса Джезуса Энглтона по выявлению агентов советской разведки или «кротов», как их называли на профессиональном жаргоне в этой спецслужбе. В первую очередь глубокой проверке подверглись оперативные работники советского отдела и те, кто имел хоть какое-то касательство к делам американской разведки по Советскому Союзу. Ловля продолжалась пятнадцать лет. Бывший директором ЦРУ с 1973 до 1976 года Уильям Колби дал следующую оценку

тому периоду работы своего ведомства по главному направлению:

— Начиная с середины 60-х годов, операции по Советскому Союзу были напрочь прекращены…Как я понимаю, причиной тому была чрезвычайная подозрительность в оперативных делах. Этакое настоятельное требование контрразведки, чтобы на перебежчиков смотрели как на возможных подставных лиц. Отношения между контрразведкой и советским отделом окончательно зашли в тупик…Я не мог обнаружить ни одного случая проникновения и пришел к мысли, что его (Энглтона — *А.С.*) работа препятствовала вербовке настоящих агентов…Мы не вербовали никого, поскольку сверхподозрительность негативно сказывалась на нашей работе…Нам нужно было вербовать советских граждан и этим должно заниматься ЦРУ.

Моральный и численный урон был огромен — под подозрение в шпионаже в пользу СССР попали почти двести высокопрофессиональных специалистов, в том числе и некоторые руководящие работники. Многих уволили по причине «риска в области безопасности», были разбиты судьбы и семьи, и в конце концов в свой же капкан попал теоретик и организатор борьбы с советским шпионажем Энглтон, ставший «основным подозреваемым». Все его действия в итоге были расценены как маниакальная одержимость. Ни один реальный «крот» не смог бы настолько глубоко парализовать и практически приостановить работу ЦРУ против Советского Союза, как это сделал Энглтон. Парадокс заключался еще и в том, что этот удар Энглтон смог нанести только с помощью предателей из числа советских разведчиков. Они, каждый по своему, пытались навредить КГБ, найти его агентов на самых важных участках, разжигали страхи, а как известно, «у страха глаза велики».

Но весьма наивно и крайне ошибочно считать, что проблемы, возникшие между доверием и предательством в ЦРУ, являлись результатом якобы болезненного устремления одной личности. Пять директоров, включая таких «мастеров шпионажа», как Аллен Даллес и Ричард Хелмс, поддерживали Энглтона и сознательно передавали в его руки власть, дающую реальные рычаги манипулирования всеми контрразведывательными операциями как в самом ЦРУ, так и во внешней разведывательной работе.

Все-таки существуют реалии, объясняющие действия Энглтона. Были вполне обоснованные причины для поиска советских «кротов», и Энглтон руководствовался прежде всего ими, когда неистово защищал безопасность ведомства и своей страны.

АНАТОЛИЙ ГОЛИЦЫН

Начало охоте на «кротов» в ЦРУ положило предательство сотрудника хельсинской резидентуры Голицына. В декабре 1961 года за несколько дней до католического Рождества в доме резидента ЦРУ Фрэнка Фрайберга в Хельсинки зазвонил входной колокольчик. На крыльце стояли знакомый по фотографиям дипломат советского посольства, известный ему как Климов, и женщина с девочкой. «Анатолий Голицын, майор КГБ» — представился тот своим настоящим именем. Фрайберг, с трудом разбирая плохой английский язык Климова, наконец понял, что он просит политического убежища в США. Он настаивал, чтобы американцы организовали его выезд из Хельсинки срочно, в течение двух часов, иначе советская резидентура заметит его исчезновение и начнет поиски. Фрайберг так рассказывал об этой встрече:

— Я знал, что это была крупная добыча. После перехода Дерябина (перебежал на Запад в Вене, где работал вместе с Голицыным — *А.С.*) в 1954 году у нас не было никого, кто мог бы с ним сравниться по положению. Голицын был сотрудник контрразведки и в его задачу входила работа по главному противнику — США, а также по Англии и Франции…Голицын так страстно желал свести счеты с КГБ, что это желание определило всю его дальнейшую жизнь…Он сообщил, что начал готовиться к побегу заранее, за год-полтора до того, как предпринял этот шаг. Он открылся жене только полгода назад, и они договорились подождать приезда дочери. Она училась в школе в Москве.

Быстро оформив через американское посольство нужные визы и направив срочную шифровку в Лэнгли, Фрайберг вместе с Голицыным и его семьей вылетели ближайшим вечерним рейсом в Стокгольм.

— Когда мы были готовы отбыть в аэропорт, — вспоминал далее Фрайберг — Голицын подбежал к обочине дороги, ведущей к моему дому, и достал из снега целлофановый пакет, который закопал перед тем, как позвонить в дом. В пакете находились документы, которые он сумел взять в резидентуре. Всю дорогу он не расставался со своим пакетом и не показывал мне его содержимое.

В Стокгольме Голицына продержали четыре дня на конспиративной квартире американской разведки, затем на самолете атташе ВВС США доставили во Франкфурт-на-Майне, откуда уже в сопровождении сотрудников Управления безопасности ЦРУ на самолете авиакомпании «Пан Американ» они прилетели в Нью-Йорк. В Вашингтон вся группа прибыла на поезде. Голицына поселили в отдельном доме в городке Вена, пригороде Вашингтона, на севере штата Вирджиния.

ЦРУ рассматривало Голицына как источник особо важной информации. Первыми для беседы с ним приехали заместитель директора ЦРУ Чарльз Кейбелл и начальник советского отдела Джон Мори. К опросу подключились ведущие сотрудники отдела. Через некоторое время он был отдан в распоряжение контрразведки — Энглтону. На главный вопрос, который всегда волновал главного контрразведчика и задавался всем перебежчикам, — известно ли ему что-либо о проникновении агентуры советской разведки в ЦРУ? — Голицын ответил, что видел в ПГУ материалы с американским грифом «Совершенно секретно», которые могли поступить только из ЦРУ, причем откуда-то «сверху». «Агент КГБ — продолжал он — славянского происхождения, работал в Германии под фамилией, оканчивавшейся на «-ский», но настоящая его фамилия начиналась с буквы «К» и его псевдоним в КГБ «Саша».

Как ни удивительно, но этих слов оказалось вполне достаточно, чтобы положить начало бешеной многолетней работе по ловле советского «крота» в ЦРУ.

В США Голицыну дали фамилию Джон Стоун и присвоили псевдоним «Лэдл». Часть его информации рассматривалась как ценная, и он это хорошо понимал и использовал. С первых же дней стал преподносить себя как особо значимую личность, лучше других видящую угрозу советской разведки и разбирающуюся в кознях КГБ. Выдвинул тезис, что все перебежчики после него будут засылаться КГБ только для внедрения в ЦРУ. Требовал встречи с Президентом США, хотел, чтобы им занимался непосредственно директор ФБР Гувер. Все его попытки попасть в Белый дом ЦРУ блокировало, но брат президента министр юстиции Роберт Кеннеди его все-таки принял.

В 1962-63 годах с подачи Энглтона Голицын выезжал в Лондон и встречался с представителями английской контрразведки МИ-5, «разоблачая» советскую агентуру на туманном Альбионе. Его сенсационные обвинения совпали с исчезновением советского разведчика Кима Филби, а также скандалом с военным министром Профьюмо, когда стало известно, что восемнадцатилетняя Кристин Килер делила постель между ним, помощником советского военно-морского атташе капитаном второго ранга Евгением Ивановым и еще бог весть кем. Голицын назвал советским агентом известного политического деятеля, будущего премьер-министра Великобритании Гарольда Вильсона. Попали под подозрение в шпионаже даже генеральный директор английской разведки сэр Роджер Холлис и его заместитель Грэм Митчелл. Пять лет

потребовалось им, чтобы хоть как-то доказать свою невиновность. Несмотря на смерть Холлиса еще в 1973 году, премьер-министр Маргарет Тэтчер в 1981 году была вынуждена заявить в парламенте, что не получено никаких доказательств его вины и он не являлся агентом советской разведки.

Голицын утверждал также, что советские агенты глубоко проникли в секретные службы Франции и в окружение президента Шарля Де Голля. В Вашингтон из Парижа вылетела специальная группа следователей, которым Голицын заявил, что в разведке Франции действует агентурная сеть ПГУ под кодовым названием «Сапфир», насчитывающая не менее десяти человек. В результате едва не пострадали политические деятели Жак Фоккар и Луис Жокс, а также известный дипломат Жорж Горс. Фоккар был членом кабинета и советником Де Голля по вопросам разведки. Он отверг обвинения, подал в суд и выиграл дело. Жокс, министр по делам Алжира, также сумел отмести подозрения. Но все-таки, как утверждается в некоторых западных источниках, на основе материалов Голицына французы смогли в 1963 году вскрыть и осудить Жоржа Пака, работавшего с советской разведкой с 1944 года и имевшего доступ к секретным документам Генерального штаба Франции и НАТО.

Не миновала эпидемия охоты на советских «кротов» и Канаду. У Голицына как и в большинстве других случаев были только невнятные наводки. Подозрения пали на начальника контрразведывательного отдела по советским делам канадских спецслужб Лесли Беннета. Он, как оказалось, работая в английской разведке, в Турции встречался со своим коллегой Кимом Филби. В конце концов Беннета подвергли тяжелейшим допросам, и несмотря на их безрезультатность, уволили.

В ЦРУ поиски «крота» начались с подозрений к Питеру Карлоу, начинавшему службу в американской разведке в 1942 году в Управлении стратегических служб (предшественник ЦРУ). Позже он специализировался на создании оперативной техники с применением высоких технологий. Карлоу пользовался поддержкой и уважением руководителей ЦРУ, возглавлял Совет технических рекомендаций, в котором были созданы устройства для снятия информации с электрических пишущих машинок на расстоянии, малогабаритный радиомаяк, устанавливаемый в автомашине и указывающий ее местонахождение, и другие не менее важные технические новинки.

Но одну из них Совет не мог воспроизвести — подслушивающее устройство, обнаруженное в деревянном гербе США, подаренном Советским правительством послу Гарриману в 1945 году и украшавшем с тех пор кабинет четырех американских

послов в Москве. Интенсивные исследования по этому устройству проводила также совместно с ЦРУ английская разведка. К несчастью для Карлоу, в том целлофановом пакете, который Голицын вынул из снега у дома Фрайберга в Хельсинки, оказались разведывательные задания ПГУ своим резидентурам. В их числе было задание по получению информации о совместных американо-английских исследованиях по подслушивающим системам. Стало понятно, что советская разведка знала, на какой стадии находилась разработка.

Управление контрразведки начало проверку утечки информации. Как убеждал Голицын, «крот» должен был действовать в «верхах». Неожиданно совпали данные мифического «крота» Саши и Карлоу — его фамилия начиналась с буквы «К», по линии ЦРУ работал одно время в Германии, настоящая фамилия отца Клебанский, то есть оканчивалась на «-ский». Кроме того, отец родился в России, но затем место рождения заменил на Германию. После смерти отца мать сменила фамилию Клебанская на Карлоу.

Подозрения, что Карлоу может быть советским «кротом», вызвали в ЦРУ настоящий шок. И уже к 15 января 1962 года, спустя лишь три недели после предательства Голицына, он был взят в активную разработку. Управление безопасности ЦРУ направило в ФБР записку, в которой официально указало, что Карлоу «может оказаться идентичным». В его доме установили подслушивающую аппаратуру, за ним велось круглосуточное наружное наблюдение. Весьма скудные сведения о проводившихся тогда мероприятиях по Карлоу получили некоторые западные исследователи из документов, рассекреченных и преданных гласности спустя много лет на основании Закона о свободе информации и из бесед с бывшими сотрудниками ФБР и ЦРУ. Год с лишним длилась негласная разработка Карлоу, однако никаких доказательств его вины найдено не было. В феврале 1963 года ФБР уведомило ЦРУ, что он «будет соответствующим образом опрошен». Это означало официальный допрос и юридическую документацию показаний.

От своего права привлечь к делу адвоката Карлоу отказался. В течение пяти дней сотрудники ФБР подробно опрашивали его о каждом месте проживания, всех местах, где он бывал, о всех родственниках. Интересовались каждым человеком, которого он знал на протяжении всей жизни, в том числе и по работе в ЦРУ. На четвертый день они перешли к прямому опросу о его причастности к советской агентуре — передавал ли он КГБ какую-либо информацию о работе по подслушивающим устройствам, связанным с московским гербом. Его подключили к детектору

лжи и стали задавать вопросы, из которых он понял, что его разрабатывают как агента КГБ: у кого он находился на связи — перечислялись фамилии советских разведчиков, — знал ли он Сашу. Обвинили в передаче КГБ в 1959 году информации о новейших подслушивающих устройствах в машинах посольства СССР в Мексике, которые были сразу же выявлены советскими специалистами. На пятый день прямо заявили, что он — «хорошо задокументированный» советский шпион, хотя все домыслы, как возникшие из-за случайного стечения обстоятельств, он сумел опровергнуть. Никаких доказательств его якобы шпионской работы предъявлено не было.

Обращения Карлоу к хорошо его знавшим руководителям ЦРУ и Энглтону за разъяснением и поддержкой результатов также не дали. Все происходило по их указанию. После многочисленных отчаянных хождений по кабинетам штаб-квартиры в Лэнгли Карлоу убедился, что спасти себя он не сможет: «Я оказался втянутым в дело о шпионаже, несмотря на отсутствие каких-либо шпионских действий с моей стороны. Я абсолютно ничего не мог сделать, чтобы хоть что-либо изменить, и поэтому я подал в отставку… Это был очень трудный период в моей жизни. Я был деморализован, постоянно пытался выяснить, что же случилось. Мне приходилось объяснять своей семье, что я не русский шпион. Моей жене, матери, сестре». В июле 1963 года в возрасте сорока двух лет блестящая карьера Карлоу в ЦРУ закончилась.

ОЛЕГ ПЕНЬКОВСКИЙ

Энглтон лично вел дела ценной агентуры по Советскому Союзу и сам подбирал сотрудников для работы с агентами. После вербовки Пеньковского он решил организовать при посольстве в Москве полноценную резидентуру. До этого разведывательную работу вели сотрудники, не имевшие единого руководителя. Резидентом московской точки был назначен Пол Гарблер. На прощальный обед в честь отъезжающего пришли Ричард Хелмс, будущий директор ЦРУ, Томас Карамессинесс, будущий заместитель директора, Эрик Тим, начальник западноевропейского отдела, и Джеймс Энглтон — все те, кто рекомендовали Гарблера на этот престижный пост. В конце дружеской вечеринки Энглтон сказал Гарблеру, что от ФБР он получил пару дел на агентов, которые вернулись в Советский Союз, и с ними надо организовать работу в Москве.

Чтобы было понятно случившееся в дальнейшем с Гарблером, следует сказать несколько слов о его прежней службе. Во время

Второй мировой войны он летал на легких бомбардировщиках, базировавшихся на авианосце в Тихом океане. За боевые заслуги был награжден тремя крестами «За летные боевые заслуги» и восьмью медалями ВВС США. После войны направлен в военную разведку, где изучал русский язык. В 1948 году являлся личным пилотом президента Южной Кореи Ли Сын Мана. В ЦРУ начал работать с 1951 года. Под именем Филиппа Гарднера вел агентурную работу в Западном Берлине по советскому военному контингенту, располагавшемуся в Карлхорсте. Руководил агентурной группой во главе с Францем Койшвицем (он же Игорь Орлов), который во время войны был офицером советской разведки. С 1956 года — заместитель резидента в Стокгольме. После успешной операции с перебежчиком Артамоновым взят на работу в советский отдел. 30 ноября 1961 года под прикрытием военно-морского атташе возглавил резидентуру ЦРУ в Москве.

Полковник ГРУ Олег Пеньковский, работавший под «крышей» Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ, являлся самым ценным агентом московской резидентуры и задача Гарблера состояла в организации с ним безопасной связи. Его вербовка была проведена в Лондоне в апреле 1961 года, где он находился в составе делегации комитета. До этого Пеньковский несколько раз по своей инициативе пытался выйти на американскую и английскую разведки, передавая им через случайные контакты секретные материалы. И только в Лондоне с ним встретились два сотрудника ЦРУ и два — английской разведки МИ-6. Сопровождая его пятнадцать дней в поездке по стране, они провели с ним семнадцать встреч.

Секретная информация лилась из Пеньковского как из рога изобилия. На одной из встреч он сделал предложение, которое и сегодня потрясает нормально мыслящих людей. Показав на карте Москвы двадцать девять мест, где располагались главные военные, политические и государственные учреждения страны, он вызвался в день «Х» по сигналу ЦРУ и МИ-6 заложить в близлежащих магазинах, почтах, подъездах жилых домов атомные «бомбы-малютки» с часовым механизмом, но установленным на одно и то же время с таким расчетом, чтобы до срабатывания он сам успел уехать. Обосновывая это предложение своими глубокими военными знаниями, он настойчиво пытался убедить американских разведчиков в целесообразности принятия этого плана. Даже Энглтон, оценивая в те дни надежность этого шпиона, назвал его «анархистом и человеком с причудами, который по какой-то причине пытается втянуть нас в войну с Россией».

В Москве связь с Пеньковским осуществлялась на моментальных личных встречах в разных местах города, на приемах, где бывали американские и английские дипломаты, включая даже Спасо-хауз — резиденцию посла США в Москве. Во время выездов за границу, а их было три в Лондон и один в Париж, у Пеньковского брали информацию, отрабатывали условия безличной связи, знакомили с московскими связниками, обучали работе с шифрами и оперативной техникой. Также всячески развлекали, вплоть до предоставления платных интимных услуг. В Москве у него был один тайник на случай экстренной связи: пространство за чугунной батареей отопления в подъезде дома № 5 на Пушкинской улице. После закладки туда спичечного коробка с письменным тайнописным сообщением он должен был выставить сигнал — черный крест на фонарном столбе № 35 у остановки троллейбуса на Кутузовском проспекте. Появление сигнала ежедневно проверялось сотрудником резидентуры и привлеченным специально для этого врачом посольства.

Согласно инструкции, выданной Пеньковскому, находящейся ныне в архивах ЦРУ и рассекреченной в соответствии с Законом о свободе информации, этот тайник должен использоваться в случаях: во-первых, получения им информации от ответственных советских официальных лиц, что СССР предпримет нападение на Запад (требовалось указать план, дату и время нападения, подробности получения информации); во-вторых, получения информации о том, что СССР нападет на Запад, если Западом не будут выполнены определенные конкретные условия или если Запад предпримет некоторые действия или будет проводить определенную политику; и в третьих, — для сообщения о переводе из Москвы, но только при невозможности сообщить об этом через связника. Для каждого сообщения был предусмотрен свой сигнал. Для первых двух он назывался «сигнал срочного раннего оповещения».

В 1962 году Пеньковский выдал подробную информацию о стратегических планах СССР, военном потенциале ракетных войск и конкретных системах ракетных пусковых установок. Всего за полтора года он передал более 5000 кадров фотопленки с различными данными. Доступ в ЦРУ к материалам Пеньковского имело очень ограниченное число лиц, обработкой занимались двадцать американских и десять английских специалистов-аналитиков. Существует мнение, что его информация использовалась президентом Кеннеди и способствовала разрешению первого ядерного противостояния США с Советским Союзом — Карибского кризиса. Но вполне обоснованно можно

высказать противоположную точку зрения. Не будем разбирать ошибки резидентуры ЦРУ и умелую работу 7 Управления КГБ, сумевшего зафиксировать его контакт со связником в Москве, но отметим, что Пеньковский был арестован 22 октября 1962 года, в день начала кризиса, осужден за измену Родине и расстрелян 16 мая 1963 года.

В деле с Пеньковским возникает вопрос: понимала ли разведка США, что, поручая своему маниакально тщеславному и обиженному властью агенту послать сигнал «раннего оповещения» о подготовке превентивного ядерного удара, она тем самым встала на весьма опасный путь? В наше время такое задание воспринимается как сущая паранойя. Неуравновешенный и амбициозный Пеньковский был готов лично уничтожить миллионы своих соотечественников. Арест Пеньковского именно в день начала Карибского кризиса предотвратил возможные непредсказуемые варианты его развития. С большой долей вероятности можно предположить, что в дни кризиса он передал бы американцам сообщение, в котором обосновал нанесение ядерного удара по Кубе. «Трудно себе представить, как развивались события, если бы президент Кеннеди узнал о чрезвычайно тревожном сигнале Пеньковского. Американские вооруженные силы и так уже были приведены в глобальном масштабе в состояние боевой готовности», — отмечает бывший в то время послом СССР в США Анатолий Добрынин в своей книге воспоминаний «Сугубо доверительно».

Следует уточнить одну важную деталь, ошибочно толкуемую и в книге Добрынина, и в некоторых западных источниках: Пеньковский якобы перед арестом все-таки подал сигнал «о неминуемой угрозе» и сотрудники ЦРУ, работавшие с ним и знавшие о преувеличенном самомнении своего агента, доложили о нем директору ЦРУ Маккоуну, но умолчали о сигнале насчет войны, чем взяли на себя большую ответственность.

К счастью, ничего подобного не было в действительности. Пеньковский передал свой сигнал 2 ноября 1962 года после разрешения Хрущевым и Кеннеди основных кризисных проблем, будучи арестованным, и сделал это под контролем КГБ. Маккоун 3 ноября доложил об аресте и «сигнале раннего предупреждения» президенту Кеннеди, но это никак не могло повлиять на развитие кризиса — он был преодолен. ЦРУ до того дня ни из каких других источников не знало об аресте Пеньковского и поэтому послало сотрудника резидентуры Джэкоба изымать тайник на Пушкинской улице, около которого он в этот день и был задержан.

Поэтому если бы автор интересного двухтомника о

Пеньковском «Шпион, который спас мир» Джеральд Шехтер был бы советским писателем, а его соавтор Дерябин не был бы предателем, то они, скорее всего, назвали бы книгу иначе: «КГБ — спаситель мира».

А как оценивали Пеньковского двое искателей «крота»? Амбициозный «теоретик» советского шпионажа Голицын говорил: «Имеются серьезные неопровержимые доказательства того, что полковник Пеньковский был внедрен в западную разведку усилиями КГБ». Энглтон также остался верен себе и после провала Пеньковского согласился с Голицыным. Теперь он считал для себя важным определить, с какого времени Пеньковский стал работать под контролем КГБ. По его мнению, дезинформация от него поступала уже с 1961 года.

Заканчивая о Пеньковском, не могу не сказать несколько строк о его семье, которая, как выяснилось в процессе следствия, ничего не знала о его преступных делах. После происшедшей трагедии, КГБ в действительности позаботился о том, чтобы оградить семью от негативного воздействия общественного мнения. Им помогли сменить фамилию, место жительства и прочее. Много лет спустя меня познакомили со старшей дочерью Пеньковского, которая в начале 70-х годов работала в аналитическом подразделении КГБ, созданием которого занимался опытный чекист Сергей Михайлович Федосеев. Федосеев много сделал, чтобы по человечески помочь дочери Пеньковского пережить происшедшее с ее отцом. Добивался разрешения на ее выезд за границу на отдых, что в те годы для любого советского человека было проблемой. Из всех членов семьи в предательство Пеньковского не могла поверить только его мать, добрая русская женщина, посещавшая его в тюрьме в простой повязанной вокруг лица косынке.

В Москве Гарблер поддерживал связь с рядом агентов ЦРУ из числа дипломатов третьих стран. Но однажды он получил от Энглтона сообщение с пометкой «только лично», в котором давались условия связи с одним из агентов управления контрразведки и код для расшифровки письменных материалов. Резиденту предписывалось обработать тайник — изъять полый булыжник в условленном месте в парке культуры и отдыха им. Горького. В резидентуре он вскрыл контейнер и обнаружил длинное зашифрованное сообщение, которое ему следовало раскодировать. Гарблер посчитал, что для его передачи в Лэнгли потребуется несколько шифротелеграмм и это может вызвать подозрение у советской контрразведки (в те годы шифровки передавались через каналы обычного телеграфа). Энглтон согласился с этим мнением, и материал был направлен

дипломатической почтой. Гарблер так и не узнал имя агента Энглтона в Москве, одного из тех, о ком он говорил ему в Вашингтоне. Следуя указанию «только лично», он не докладывал об этой операции даже своему непосредственному начальнику советского отдела Мури.

Быстрый провал Пеньковского не сказался на положении Гарблера в ЦРУ. Резидентура работала с ним в полном соответствии с указаниями штаб-квартиры.

Срок пребывания Гарблера в Москве заканчивался, и он надеялся получить достойную должность в Лэнгли. В июле 1964 года приступает к новой работе в советском отделе, где ему обещают место заместителя начальника. После возникших конфликтов с офицером контрразведки отдела Питом Бэгли он перешел на хорошую должность в западноевропейский отдел, а затем после реорганизации руководит всеми разведывательными операциями во вновь созданном европейском отделе. Но вскоре последовали никем не объясняемые переводы с одного места на другое и притом на менее престижные. На слова о том, что он с его опытом может быть использован на работе против СССР, ответ был один — если не согласны, то всегда можете уйти в отставку. В конце концов через два года он возглавил второстепенную резидентуру на острове Тринидад в Карибском бассейне, где, по его же словам, кроме ежегодного праздничного карнавала никаких событий не бывает.

Через пару лет, когда остров посетил его старый друг, Гарблер узнал правду. Друг рассказал, что все происходившее с ним после успешной работы в московской резидентуре объясняется подозрением в шпионаже в пользу Советского Союза. Его считали советским «кротом» в ЦРУ и поэтому все унизительные назначения преследовали одну цель — ограничить его разведывательные возможности и заставить уйти из ЦРУ. Позднее из своего личного дела, которое выдали ему из архива на основании Закона о свободе информации, он понял, что все беды принесла его работа с Игорем Орловым, которым он руководил почти двадцать лет назад в Западном Берлине. Голицын в Орлове увидел таинственного «крота» Сашу. Орлов не состоял в кадрах ЦРУ, работал по контракту как вольнонаемный. Но Голицын убедил контрразведчиков и Энглтона, что он мог быть групповодом и вербовщиком советских «кротов» и поэтому ему было лучше держаться в тени. Свыше десяти сотрудников разведки, работавшие в разное время с Орловым, попали под подозрение, находились в длительной проверке. Некоторые были уволены, даже не зная истинных причин.

Из своего досье Гарблер также узнал, что второй причиной

возникших подозрений было его знакомство еще в Корее в 1950 году с советским разведчиком сотрудником английской МИ-6 Джорджем Блейком, с которым он регулярно играл в теннис.

В 1976 году Гарблер все-таки потребовал провести официальное расследование подозрений, висевших над ним почти десять лет. В итоговом заключении говорилось, что «вопрос о нарушении безопасности полностью решен в вашу пользу». Он вышел в отставку 31 декабря 1977 года и добился от ЦРУ денежной компенсации за испорченную карьеру.

ЮРИЙ НОСЕНКО

В начале июня 1962 года в Женеве сотрудник Второго главного управления КГБ Юрий Носенко, находящийся в составе советской делегации по разоружению, вышел на американскую резидентуру с предложением своих услуг. Носенко имел звание капитана и был заместителем начальника 7 отдела, в функции которого входила контрразведывательная работа среди иностранцев, посещающих страну. С ним встретились Бэгли, тогда сотрудник резидентуры в Берне, и прилетевший из Лэнгли Кайзвальтер. Носенко предложил за девятьсот швейцарских франков, которые, как он сказал, растратил из сумм КГБ, купить у него секретную информацию. Он якобы передал им сведения о расположении нескольких десятков подслушивающих устройств в американском посольстве в Москве, о подставленном резидентуре ЦРУ в Женеве агенте ПГУ, о проникновении советской разведки в английские спецслужбы в Швейцарии, о системе слежения «метка» с применением химического препарата при ведении наружного наблюдения за персоналом западных посольств в Москве и о кадровом составе резидентуры советской разведки в Женеве и некоторых других городах. Он отказался поддерживать связь с ЦРУ в Москве. Договорились, что останется «агентом на месте» и в следующий приезд снабдит свежей информацией. Отработали условия связи на случай выезда в любую западную страну.

В Вашингтоне в управлении контрразведки информацию Носенко на основе данных Голицына оценили как дезинформацию. Энглтон пришел к выводу и убедил в этом Бэгли, что новый инициативник, которому присвоили кличку «Алекс», является подставой КГБ. В конце января 1964 года Алекс вновь объявился в Женеве и с ним встретились те же двое. Вопрос, который интересовал ЦРУ после убийства 22 ноября 1963 года в Далласе президента Кеннеди, был задан в первую очередь: имел ли убийца президента Ли Харви Освальд агентурные

отношения с КГБ? Заявление Носенко, что он вел дело Освальда, потрясло американцев. Носенко подробно рассказал о всех злоключениях Освальда в СССР и заявил, что КГБ даже не делало попыток завербовать его и использовать в работе против США.

Хотя эти данные соответствовали официальному заявлению советского посольства в Вашингтоне, они в то же время не вполне удовлетворяли спецслужбы, которые не могли поверить, что Освальд, служивший на секретной базе разведывательных самолетов У-2 в Японии, не имел контактов с КГБ. Возник весьма серьезный вопрос — доверять ли Носенко.

Сообщение Носенко о том, что наружное наблюдение КГБ случайно вышло на Пеньковского во время наблюдения за его связником женой английского разведчика Чисхолм, также вызвало большое подозрение в его правдивости.

Возникли и другие вопросы.

Неожиданно для обоих сотрудников ЦРУ 4 февраля Носенко заявил, что из Москвы пришла служебная телеграмма с указанием о его досрочном отзыве из. Женевы. Но он опасается, что его подозревают в шпионаже и возвращаться не намерен. Спустя несколько лет он признался, что выдумал историю с телеграммой, так как полагал, что ЦРУ может отказать ему в просьбе о предоставлении убежища. В тот же день по американским документам его переправили в ФРГ, а 11 февраля доставили самолетом на базу ВВС Эндрюс близ Вашингтона.

Обстоятельства предательства Носенко мною рассказаны так, как о них написано в западных средствах массовой информации. Однако до сих пор в среде бывших сотрудников КГБ, достаточно хорошо знавших Носенко, существуют различные версии, которые отличаются от изложенной. Одну из таких точек зрения высказывает в своих воспоминаниях «КГБ и власть» бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков: «…Я же до сих пор убежден, что Носенко попал в какую-то сложную ситуацию, и не выдержал. Конечно, не исключено, что он заранее обдумал свой шаг, только душа моя этого не принимала, я знал, как любил Юрий дочь, как тяжело переживал ее болезнь. Не мог он вот так просто бросить ее, бросить семью. А возможно, ему пригрозили, что убьют. У меня для такого вывода были основания». Нечто подобное о Носенко высказывает генерал контрразведки Вадим Удилов: «Юрий Носенко возможно и был избалованным судьбой человеком… Ему было много дозволено и доступно. Но бежать было незачем. Так думаю я — бывший детдомовец!». Последующие действия ЦРУ по отношению к Носенко могут служить основанием для такого мнения, но для его доказательства требуется отдельное исследование.

Жизнь Носенко под покровительством ЦРУ оказалась настоящим кошмаром, который продлился четыре года и восемь месяцев. Энглтон и поддерживающий его Бэгли, ставший вскоре его заместителем, считали, что задача Носенко как подставы заключалась в отвлечении усилий ЦРУ по поиску «крота», к разоблачению которого они подошли, вероятно, совсем близко, если КГБ стал засылать своих офицеров. И вторая, не менее важная, задача — довести до ЦРУ дезинформацию о том, что КГБ не имел никакого отношения к Освальду и соответственно к убийству президента Кеннеди.

Большая часть переданной Носенко информации вызывала недоверие. Например, при опросе его по Саше он заявил, что им является некий армейский офицер американской армии в Западном Берлине. Найти этого Сашу удалось лишь спустя два года, когда появившийся для вербовки Артамонова Кочнов, которого также опрашивали по этому неуловимому «кроту», выдал точные сведения. Но Саша, в прошлом армейский майор, якобы завербованный в ФРГ в 1959 году, уже был известен ФБР. Он сознался, его не судили, а перевербовали и использовали непродолжительное время как двойного агента в период Карибского кризиса.

Интересны суждения бывшего заместителя помощника директора ФБР по контрразведывательной работе Джеймса Нолана о Саше и Китти Хок. Он полагал, что Кочнов — очередная подстава, и выдавая Сашу, КГБ пытался убедить ЦРУ и ФБР в истинности его намерений, не зная, что Саша уже раскрыт и перевербован.

Менее чем через два месяца после появления Носенко в США ЦРУ решило начать так называемый, «враждебный допрос». Перед Энглтоном стояла одна задача — заставить русского признаться, что он подстава КГБ. Сначала он содержался в душном и непригодном для проживания верхнем помещении конспиративного дома под Вашингтоном, а затем специально для него построили отдельную бетонную камеру на «Ферме» вблизи города Вильямсбурга — так называется разведывательная школа ЦРУ в Вирджинии. Содержание там Носенко действительно можно сравнивать с карцерами бериевского ГУЛАГа. Нет смысла описывать все методы психологической ломки, которой подвергался Носенко. Можно лишь сказать, что к нему семнадцать раз насильно применяли тяжелейшее «лекарство правды», кололи наркотиками. Только спустя год его стали выводить на получасовые прогулки около бетонной камеры.

Столь длительное содержание Носенко под арестом без решения суда, физическое и психологическое воздействие на него

противоречило законам США. Это понимали и в ЦРУ. Пит Бэгли, ставший в 1966 году заместителем начальника советского отдела, считал, что освобождение Носенко может обернуться весьма неприятными для него и Энглтона последствиями. Он написал шефу контрразведки записку с изложением вариантов решения этого дела и ухода от возможного наказания, в которой предусматривалось: «…уничтожить человека…представить его неспособным связно излагать свои мысли (специальные дозы препаратов и т. д.)…помещение в сумасшедший дом, не делая его сумасшедшим». Эта записка случайно сохранилась в документах Бэгли и была найдена в 1976 году.

В заключении Носенко находился с 4 апреля 1964 по 13 августа 1965 года на конспиративной квартире, с 14 августа 1965 по 27 октября 1967 года в тюремной камере на «Ферме», с 28 октября 1967 по декабрь 1968 года — на трех конспиративных квартирах в пригороде Вашингтона.

ЦРУ постоянно пыталось получить сведения о Носенко через свою агентуру из числа советских граждан. В основном, все они подтверждали, что он является истинным перебежчиком. Вероятно, сообщения Ларка о нашем интересе к Носенко как к реальному предателю в какой-то мере могли повлиять на решение Лэнгли прекратить его допросы и в марте 1969 года позволить отдохнуть во Флориде. Позднее он был взят по контракту на работу в ЦРУ консультантом, и ему выплатили компенсацию «за страдания» в размере 137 052 долларов.

ИГОРЬ ОРЛОВ

«Это был гениальный человек»

Энглтон

Очень хорошие люди могут быть
и очень плохими.

Агата Кристи.

В 1952 году Гарблер под фамилией Филиппа Гарднера прибыл на работу в Западный Берлин. На связь ему передали агента Франца Койшвица, который был известен сотрудникам ЦРУ как Игорь Орлов. Среди друзей его иногда звали Сашей.

Орлов родился в 1922 году в Киеве. С 1941 года являлся сотрудником советской разведки, имел звание лейтенанта. Во время войны в декабре 1943 года при заброске в немецкий тыл был ранен, попал в плен, завербован гитлеровцами и стал

сотрудничать с военной разведкой. До 1945 года в звании лейтенанта немецкой армии работал в штабе Абвера «Валли-I», проводившего агентурную разведку на Восточном фронте, а затем до окончания войны в разведке РОА у Власова. После войны с 1946 года взят на работу в подразделение американской разведки, размещавшемся в местечке Пулах под Мюнхеном, где позднее обосновалась западногерманская Федеральная разведывательная служба Райнхарда Гелена. Орлов специализировался на украинском направлении. Подразделением разведки руководил Дэвид Мэрфи, будущий начальник советского отдела ЦРУ. У Орлова на связи в основном находилась агентура из числа проституток, посещавших несколько баров в советском секторе Берлина. Главной задачей Гарблера и Орлова была вербовка советских граждан. Они также собирали разведывательную информацию по советскому контингенту войск в Германии.

Гарблер проработал с Орловым до 1955 года. В 1956 году Орлова перевели во Франкфурт, где он вел вербовочные разработки граждан, ведущих переписку с СССР. Жена Орлова Элеонора также работала в американской разведке и занималась перлюстрацией почты между СССР и ФРГ. Проживали они на конспиративной квартире. На работе у Орлова возник конфликт с другим русским Николаем Козловым, который заподозрил его в связях с советской разведкой.

Подозрения, хотя и малообоснованные, поддержал их непосредственный руководитель кадровый сотрудник ЦРУ Саша Соголов. В результате Орлову, как бы обнадежив его, предложили поменять место и выехать в США. Он согласился и Орловы в январе 1961 года прибыли в Вашингтон. Телефоны, которые ему дали для связи с ЦРУ, долго не отвечали, и когда он дозвонился, то в работе ему отказали. Оказавшись без денег и американских паспортов, только с «грин кард» для иммигрантов, хорошо оплачиваемую работу найти было трудно.

Чтобы хоть как-то прокормить семью, Орлов устроился водителем почтового грузовичка для развозки столичной газеты «Вашингтон пост». Работа была трудная, малооплачиваемая, начиналась с четырех утра. С трудом сводили концы с концами. В семье возникли разногласия: жена Элеонора настаивала на возвращении в Германию и предлагала временно пожить у ее матери, Орлов же надеялся устроить жизнь в Вашингтоне. Не придя к согласию, Элеонора с двумя детьми уехала в Западную Германию. Но мать в дом ее не впустила, заявив, что ее муж «русский шпион» и ей «о нем все рассказали». Пробыв в Германии около года, Элеонора вернулась в Вашингтон. Накопив

из скудной зарплаты небольшую сумму денег, в 1964 году они сумели купить скромный дом в ближайшем пригороде Вашингтона Александрии и открыли в нем мастерскую по изготовлению и продаже рам для картин и фотографий.

Примерно через три года после появления Голицына в США ЦРУ, проверяя сотни вариантов идентификации «крота» Саши, вышло на Орлова. Он работал в Берлине и Западной Германии, его иногда звали Сашей, фамилии Копацкий и Койшвиц, которыми он прикрывался как работник ЦРУ, начинались с «К», и вдобавок ко всему он был славянского происхождения. Все это контрразведкой расценивалось как серьезные улики против него. Дополнительные подозрения возникли также при изучении материалов о работе Орлова во время войны в штабе «Валли-I». Как было известно американской разведке, советские разведывательные органы в годы войны провели успешную операцию «Монастырь» по обезвреживанию агентуры Абвера. В этой операции активно участвовал советский агент Александр Демьянов (оперативный псевдоним «Гейне») , которому, как позже вспоминал бывший в то время шефом разведки по Советскому Союзу генштаба сухопутных войск гитлеровской Германии Гелен, немцы присвоили кодовое имя «Макс». Операция «Монастырь» переросла в весьма крупную радиоигру с немцами, в процессе которой дезинформация, подготавливаемая Генштабом Красной Армии, сыграла важную роль в успешном завершении ряда крупных сражений. После войны американская разведка рассматривала Макса как удачно внедренного в Абвер советского агента, в то время как немцы продолжали считать его своим главным источником стратегической информации о планах Советского Верховного Главнокомандования. По мнению контрразведки ЦРУ, Орлов, работая в «Валли» принимал участие на первом этапе операции «Монастырь», когда велось выявление агентуры Абвера, забрасываемой на территорию СССР.

Орлов был взят в разработку управлением контрразведки ЦРУ. К середине 1964 года Энглтон решил, что собранных материалов вполне достаточно, чтобы передать их в ФБР для дальнейшей разработки, получения улик, документирования оперативных сведений и привлечения к уголовной ответственности за шпионаж в пользу СССР. Учитывая серьезность материалов и значимость, которая придавалась выявлению «крота» Саши, директор ФБР Гувер поручил вести дело начальнику вашингтонского контрразведывательного отделения Куртленду Джонсу. Но вскоре наступило разочарование — углубленная проверка значительную часть подозрений не подтвердила и ничего нового не принесла.

Поэтому в марте 1965 года в надежде «расколоть» Орлова и его жену, ФБР вышло на них напрямую и подвергло изнуряющим допросам. Вся семья находилась под открытым наружным наблюдением, в доме периодически проводились негласные обыски.

Психологическое состояние Орлова и Элеоноры было тяжелым. Орлов продолжал работать водителем в газете «Вашингтон пост», здание которой с тыльной стороны примыкало к советскому посольству. И однажды, находясь под впечатлением очередного допроса, он решил зайти туда. Как затем рассказал своей жене, в посольстве он просил выяснить, жива ли его мать и как найти ее. Если здравствует, то позаботиться о ней, так как ФБР грозило устроить ей серьезные неприятности, если он не признается в шпионаже. На самом же деле в посольстве Орлов рассказал о подозрениях ФБР и заручился согласием оказать ему помощь и вывезти с семьей из США в СССР. Как было обусловлено, на следующий день они должны были подъехать на такси в определенное место, где их бы забрали. Но жена не хотела жить в СССР и категорически воспротивилась выезду. Орлов был вынужден остаться в США.

Столь неожиданное посещение посольства, конечно, было зафиксировано ФБР и еще больше укрепило мнение, что Орлов является советским «кротом». Нужно получать улики. Разработка вновь активизировалась, и в ней стали применяться все методы и средства контрразведки: постоянное агентурное и наружное наблюдение, контроль почтовой переписки, телефона, даже радиоэфира в районе его дома, проверка банковских счетов, повседневного расхода денег и тому подобное. В доме повторялись гласные и негласные обыски, некоторые сотрудники ФБР посещали Орловых в нерабочие дни и как бы становились их друзьями. Даже директор ФБР Гувер и другие руководящие работники заказывали у него рамки для своих фотографий. Все средства оправдывались — только бы получить признание в шпионаже.

В марте 1966 года произошло событие, вновь потрясшее контрразведчиков. Игорь Кочнов (Китти Хок), встав на путь предательства, на первой же встрече с ЦРУ сообщил, что Орлов является проверенным агентом КГБ и он ведет его дело в Центре. Он рассказал, что при посещении советского посольства Орлов просил оказать ему помощь в выезде из США и дать яд, который он мог бы использовать при необходимости покончить с собой. Но и это не продвинуло разработку Орлова, для суда нужны неоспоримые улики.

Несмотря на активную разработку, длившуюся пятнадцать

лет, ФБР так и не смогло получить каких-либо доказательств его вины. «Мы не смогли установить Орлова как «Сашу». Он все отрицал. Что мы могли сделать?», — говорил позже Куртленд Джонсон, расписываясь в своем бессилии. Безрезультатность разработки Орлова привела к тому, что многие участвовавшие в ней сотрудники ФБР и ЦРУ стали считать, что он никогда не был связан с КГБ. Однако у Энглтона мнение, что именно Орлов является «кротом» Сашей, укреплялось все более и более.

2 мая 1982 года Игорь Орлов скончался от рака в своем доме. Посетившему его по настоянию жены священнику он перед смертью сказал: «Я хотел бы, чтобы мой прах покоился в России, а не Америке». Затем, обратившись к жене, добавил: «Кремируй меня и отнеси прах в советское посольство, они знают, что делать». Элеонора Орлова не до конца исполнила завещание мужа и хранила урну дома.

Но дело Саши не закончилось даже после ухода его из жизни. В августе 1985 года очередной перебежчик из ПГУ полковник Виталий Юрченко назвал Орлова действующим советским агентом. Оказалось, он не знал о смерти Орлова и добавил сенсационную новость: Орлов завербовал одного или обоих сыновей для работы на советскую разведку. Хотя многое из того, что передал Юрченко американцам, не подтвердилось, а он сам вскоре добровольно вернулся в Союз, информация по сыновьям Орлова была воспринята как достоверная.

ФБР вновь ринулось разрабатывать теперь уже Элеонору, младшего сына Джорджа — инженера-атомщика, имевшего ранее доступ к секретным исследованиям, и старшего Роберта — фотографа и летчика-любителя. И опять ФБР, не получив даже малейших косвенных свидетельств их шпионажа, пошло на прямые допросы. Всем троим пришлось пройти трудный и изнуряющий путь допросов, обысков, слежки и всего другого, что испытал их отец Игорь Орлов. Разработка продлилась до 1988 года и закончилась безуспешно.

О жизни и работе Игоря Орлова, наверное, можно еще многое рассказать, но даже из этих весьма скупых строчек понятна его трудная судьба, видны необыкновенная стойкость и преданность Родине.

Как же главный ловец «крота» Энглтон рассматривал дело Орлова? Он остался верен себе до конца жизни. 10 апреля 1987 года за месяц до своей смерти он дал интервью газете «Нью-Йорк Таймс», в котором, не называя прямо имени, говорил об Игоре Орлове как об установленном им советском «кроте» под псевдонимом «Саша». По его мнению, он был переброшен советской разведкой через линию фронта, схвачен немцами,

перевербован, но в действительности сохранил верность русским. После войны ЦРУ взяло его на работу, как «состоявшегося офицера разведки». Попав под подозрение, он сумел уклониться от ответственности и спокойно проживал в районе Вашингтона. «Это был гениальный человек», — заявил Энглтон с истинно профессиональным уважением к нему.

Заканчивая свой краткий рассказ об охоте на «кротов», добавлю, что под подозрение контрразведки также попал начальник советского отдела Дэвид Мэрфи, работавший когда-то с Блейком и Сашей. Пит Бэгли стал «объектом серьезного внимания», Голицын — внедренным агентом, успешно выполнявшим задание КГБ, сам Энглтон, другом которого одно время был Ким Филби, — глубоко законспирированным «кротом», имевшим доступ к большей части секретной информации, и одно время по ЦРУ гуляли слухи, что даже директор Уильям Колби предположительно советский «крот».

В ЦРУ настолько глубоко переплелись правда с неправдой, что единственным выходом оказалось положить всему конец, невзирая на наличие или отсутствие «кротов». 24 декабря 1974 года удалось воспользоваться случайно сложившимися обстоятельствами и заставить Энглтона уйти в отставку.

Грандиозность собранных контрразведкой материалов по «советским «кротам» поражала. Они заняли двенадцать томов на четырех тысячах страниц и их последующее исследование продлилось шесть лет — до 1981 года. До сих пор они остаются засекреченными и не подлежат выдаче.

Конечно, у читателя возникает естественное недоумение и непонимание, как такое могло твориться в современном цивилизованном государстве. Трудно объяснить и понять, и еще труднее дать ответ на вопрос: был ли «крот» и кто он? Но действия Энглтона объяснить можно. Он к своим обязанностям относился весьма рационально: если действуют американские «кроты» в КГБ, а он их знал, то должны быть и советские в ЦРУ, которых он должен узнать. Как выяснилось через некоторое время, в этом он оказался прав.

Непоколебимая вера в этот тезис и присущая ему напористость, с которой Энглтон шел к своей цели, определили то, что при возникновении малейших и даже случайных подозрений он мог рассматривать каждого сотрудника — независимо от его личных качеств, достижений в работе, честности, — как объект для пристального внимания контрразведки и соответствующих выводов. Его личная трагедия заключалась в том, что под воздействием внешних объективных факторов он жил борьбой с врагом и был заинтересован, чтобы

враг существовал.

В оперативном плане все, что происходило в американской разведке в эти годы, было выгодно ее основному противнику — советской разведке.

БУДНИ ДИПЛОМАТА РАБОТА ПО ПРИКРЫТИЮ

Мне повезло с “крышей”. Работа в группе посольства по культуре давала возможность видеть и познавать страну. На машине проехал Америку с Севера на Юг — от Ниагарского водопада, поражающего, особенно с канадской стороны, непостижимой громадой падающей воды, до далекого южного города Нового Орлеана — родины блюза и Луи Армстронга, с наполеоновских времен французским кварталом, маленькими, но знаменитыми ресторанчиками, с рабовладельческой рекой Миссисипи, с пыхтящим черным дымом из одной трубы лопастным пароходом для туристов. На самолете не раз пролетал с Востока на Запад — от Бостона, родины клана Кеннеди, с Гарвардским университетом и любимым рыбным рестораном “Антони” на четвертом пирсе, до жемчужины Америки — Сан-Франциско с бывшей тюрьмой на острове Алкатраз для самых отчаянных преступников, с вкусными крабами и королевскими креветками в закусочных у залива. Купался в двух океанах, Атлантическом и Тихом, в Великих озерах, одно из которых омывает Чикаго, где впервые увидел старых русских эмигрантов, беззаветно и осознанно любивших советскую Россию и настоящую водку “Столичную”, попробовал и узнал рецепт стейка “по-чикагски” из печени со знаменитых скотобоен. На первых порах восхищался сверкающей неоновой рекой нью-йоркского Бродвея с “Эмпайер Стейт Билдинг”…

Но самое главное, многочисленные поездки помогли понять хоть какую-то часть жизни американцев — простых или богатых, известных или никому не нужных, познать их взгляды, мораль, радости и заботы о хлебе насущном, культуру, надежды и устремления. Конечно, волей-неволей на все это тратилось много времени, но исполнению профессиональных задач, к счастью, не мешало. Напротив, встречи и поездки разнообразили и обогащали, в общем-то, монотонную повседневную жизнь дипломата, выходящего из посольства для бесед с давно известными ему лицами. Работа по-настоящему нравилась, я старался справиться с ней и получал от нее моральное удовлетворение. Думаю, что МИД СССР ее оценил положительно — в 1970 году Указом Президиума Верховного Совета СССР по

линии посольства я был награжден медалью “За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина”. Она и в наши времена указывается в анкетах как государственная награда. Кстати, этой же медалью был награжден и по линии разведки, но нужно было оставить одну — решили взять мидовскую.

КОЛЛЕКТИВ ПОСОЛЬСТВА

Очень кратко расскажу о коллективе посольства. Посол Добрынин и два резидента Соломатин и Полоник, при которых мне пришлось работать, сумели так выстроить отношения в коллективе, что за все годы трудно вспомнить хотя бы один случай серьезного конфликта, склоки, грязного доноса или чего-то подобного. Они прежде всего сами вели себя достойно и друг другу не мешали, каждый занимался своим делом, отвечал за него. Этих неписаных правил придерживались все дипломаты и технические работники посольства. Немаловажную роль играло также и то, что в Вашингтон, как правило, направлялись перспективные дипломаты. Многие из них в дальнейшем стали послами, заняли руководящие должности в министерстве.

Группу по культуре возглавлял, то есть был моим руководителем по прикрытию, советник посольства Валентин Каменев, умный и интеллигентный человек, чуть старше меня, умевший налаживать ровные и равные взаимоотношения и в коллективе, и с американцами. Проблем у меня с ним не возникало, при необходимости он всегда помогал и советом, и делом. С ним постепенно установились близкие товарищеские отношения.

В мои обязанности по прикрытию входили организация советских выставок, работа с культурными и спортивными делегациями. Приходилось общаться с представителями госдепартамента, широким кругом различных коммерческих структур и отдельными гражданами. Естественно, везде незримо присутствовали сотрудники и агентура американских спецслужб. Об одном из них расскажу.

ДЖОН БАКЕР

Представителем госдепартамента по организации выставок был на протяжении многих лет, еще до меня, Джон Бакер, бодрый мужчина лет пятидесятипяти, достаточно хорошо владевший русским языком. В госдепартаменте мы его никогда не встречали. По нашим достоверным данным, он являлся кадровым

сотрудником ЦРУ, работал против СССР в восточноевропейских странах под прикрытием консульских отделов американских посольств. Так случилось, что в первые же месяцы после приезда мне пришлось участвовать в организации выставки “Детская народная игрушка” и я познакомился с Бакером. У нас сразу же не сложились отношения. Он демонстративно игнорировал меня, решал самостоятельно текущие вопросы с советскими работниками выставки, а их было около двадцати человек, всячески показывая, что посольство здесь лишнее. Вопросы касались размещения на жительство на время выставки, выбора мест питания, посещения американских семей в вечернее время и тому подобное — всего того, что влияло на личные материальные затраты. Деньги нашим работникам выдавались каждому на руки еще в Союзе, и все экономили как умели: некоторые питались “общим котлом”, другие тратили на еду один доллар в день. В общем, американским спецслужбам было над чем работать.

Стало понятно, что Бакер активно изучает наших людей, пытается создать по возможности вербовочные ситуации. Оперативного работника в составе выставки не было, и вся ответственность легла на меня. Постепенно с помощью коллектива и агентуры удалось взять под контроль действия Бакера и самому принимать решения по многим вопросам. После завершения выставки мы расстались в надежде в будущем не встречаться. В госдепартаменте Каменев и я высказали негативную оценку его работы и получили заверения в его замене. Но жизнь распорядилась по-своему. В 1970 году Бакер вновь появился при подготовке большой выставки АПН “Советское фото”.

При первой же встрече, обмениваясь общими впечатлениями о прошедших годах, он вдруг заговорил моими словами, высказывая мое мнение об Америке — критическое или позитивное. Стало понятно, что он ознакомлен с материалами прослушивания ФБР моей квартиры и агентурными данными, с целью найти общий язык. Со многим он соглашался и, как показало его дальнейшее отношение к работникам выставки и ко мне, был вполне искренен. Во время служебных поездок в Чикаго, Сан-Франциско, Бостон и другие города любыми путями пытался находить лучшие варианты решения вопросов, не было случаев, чтобы он не советовался. Не проявлял какой-либо заинтересованности во мне, не был навязчивым, после рабочего дня всегда оставлял одного. Даже раскрыл маленькую хитрость — как дешево снимать номер в хорошей гостинице. При посещении в обеденное время ресторанов всегда предлагал брать разные незнакомые блюда, чтобы поделившись, каждый из нас мог его

попробовать. Конечно, я не воспринимал его действия и слова как проявление какого-то положительного ко мне отношения, но перемену в восприятии им советских людей все-таки видел. Причина этого тогда была не ясна, и, помня старое, относился к нему все же настороженно.

Но, как опять-таки получается часто в жизни, и с Бакером произошло все неожиданно. Коллектив работников выставки “Советское фото” был подобран в Москве очень удачно. Каждый стремился сделать все возможное для ее успеха, работали даже по ночам, чтобы успеть в срок. Последним городом стал Вашингтон. Посол Добрынин пригласил на открытие многих высокопоставленных государственных служащих, присутствовал госсекретарь Генри Киссинджер. Выставка понравилась и прошла с большим успехом.

Кстати, после завершения выставки в США властями города Нового Орлеана Каменеву и мне была оказана особая честь — 8 сентября 1970 года мы стали почетными гражданами этого города.

Бакер разделял радость работников выставки, даже устроил обед у себя дома в их честь, на который пригласил своих соседей. Жил он в Вашингтоне в богатом генеральском, как называли его некоторые американцы, районе в собственном доме. Как-то раз сказал, что, к своему большому сожалению, уходит на пенсию и больше не будет работать с советскими людьми. Директор выставки решил в связи с этим преподнести ему памятный подарок — медный русский самовар красочной ручной художественной работы. Мы договорились, что они поедут к нему без меня, чтобы он чувствовал себя свободнее. Бакер не ожидал такого отношения к себе и после вручения подарка и сказанных в его адрес теплых слов расплакался при всех, заявив, что никто другой и никогда так высоко и по-человечески душевно не оценивал его труд. Позднее стало известно, что у него на работе в то время были серьезные неприятности. Он попал под подозрение своей контрразведки.

100-ЛЕТИЕ В.И.ЛЕНИНА

Запомнилась одна из поездок в Бостон в 1969 году. В посольстве имелось задание от высших партийных инстанций выяснить, готовятся ли пропагандистские антисоветские акции в США в связи с предстоящим 100-летием В.И. Ленина. В частности, в Москве имелась информация, что жена и сын Троцкого якобы намерены опубликовать неизвестные подлинные документы Ленина предвзятого содержания, хранящиеся в архиве Троцкого в

библиотеке Гарвардского университета. Просили выяснить, соответствует ли это действительности. В это время в посольстве находился в творческой командировке преподаватель политэкономии Московского государственного института международных отношений Александр Бакуменко, программа которого предусматривала посещение Гарварда. В Бостон поехали вместе. Нас принял президент университетского Совета, который в порядке исключения разрешил мне просмотреть каталог архива Троцкого и выбрать интересующие документы. Как он объяснил, архив согласно завещанию Троцкого закрыт и будет доступен через 50 лет после его смерти. Он рассказал, что жена Троцкого давно скончалась, а сын после смерти отца политикой не занимается и владеет в Мексике фермой по разведению домашней птицы.

Архивные документы, которые я просмотрел, являлись разрозненными копиями или вторыми экземплярами служебной почтовой и телеграфной переписки за 1919-20 годы — по вопросам снабжения некоторых частей Красной Армии, их дислокации, военных действий, — адресованной Ленину, Сталину, Крыленко, самому Троцкому, другим военачальникам. Многие письма и телеграммы шли от имени Ленина, но подписи на них не было. Сложилось впечатление, что архив собирался по принципу, «что попало под руку».

Василий Леонтьев

В эту же поездку состоялась встреча с будущим лауреатом Нобелевской премии Василием Леонтьевым, основателем научной школы по применению математических методов в расчетах рентабельности малых предприятий. Мы знали, что Леонтьев занимается исследованиями экономической эффективности научных лабораторий, ведущих НИОКР в военных областях, возглавляет проект по изучению структуры экономики США. В беседе, как бы между прочим, он заметил, что, конечно, СССР интересуют секретные разработки, которые он ведет, но он не может о них никого информировать, так как в противном случае будет привлечен к уголовной ответственности в соответствии с американским законодательством. Сказал, что может помочь экономике нашей страны, применив свои методы по расчету рентабельности, например, таких основных сельскохозяйственных структур, как совхозы и колхозы. Выразил желание приехать на один-два месяца в Союз и конкретно заняться этой работой в соответствующем отделе Госплана СССР

или министерстве сельского хозяйства. Единственное, что нужно с нашей стороны — направить его жену на отдых в Сочи. По возвращении из Бостона о предложении Леонтьева сообщили в Москву, но ответа так и не получили.

Спустя полгода, находясь в отпуске, я в частном порядке встретился с Николаем Константиновичем Байбаковым, бывшим в то время заместителем Председателя Совета Министров СССР и Председателем Госплана СССР, с семьей которого у меня были близкие давнишние отношения. Рассказал ему о предложении Леонтьева и поинтересовался, почему ученого не пригласили в Союз. Он ответил, что помнит об этом сообщении, но в ответ я услышал: “Что мы могли ему показать, наши колхозы?” Меня эти слова искренне удивили — тогда мои устремления были направлены на сбор нужной нашей стране информации, и причин пассивности в ее получении от Леонтьева я просто не понимал. Но, увы, такова была тогда политическая установка партии — у нас все хорошо, никто не должен знать плохое, его нет. Байбаков, естественно, ее изменить не мог. Позже, лет через пять, я прочитал в сводках ТАСС, что Леонтьев приехал в Китай для выполнения контрактных работ по экономическим проблемам.

В СССР широко отмечалось 100-летие со дня рождения В.И. Ленина и соответственно велись широкие пропагандистские акции за рубежом, исключением не являлись и США. В посольстве организовали филателистическую выставку по тематике “Лениниана”, размещавшуюся на пяти стендах. В то время я серьезно увлекался филателией и привез из Москвы подборки марок на эту тему из своей коллекции. Они и были выставлены в посольстве. Американцы филателией увлекались мало, особенно связанной с Советской Россией, и тем не менее тематика Ленина производила на них впечатление. Интересен разговор, происшедший у меня с одним знакомым сотрудником ЦРУ у стендов выставки на одном из приемов в посольстве. На мой неожиданный для него вопрос в процессе беседы: “Нужен ли людям в Америке такой человек, каким был Ленин?” — он сразу же ответил: “Да, нужен!”

Люсита Вильямс

В юбилейном номере журнала “Советский Союз” на английском языке (аналоге журнала “Америка” в СССР), предназначенном для распространения в США, посвященном 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, была опубликована моя статья, основанная на истории, рассказанной мне Люситой

Вильямс. Вдова американского прогрессивного писателя и публициста, соратника Джона Рида, очевидца Октябрьской революции, встречавшегося с Лениным, Альберта Риса Вильямса жила в Бостоне. Познакомился я с ней через наших нью-йоркских журналистов и моего шефа Каменева.

После смерти мужа в 1962 году Люсита Вильямс приводила в порядок его архив, который мечтала передать Советскому Союзу. Как-то, будучи в Бостоне, я ей рассказал, что в моем рабочем кабинете в посольстве стоит небольшой гипсовый бюст Ленина с подписью: “Шеридан, 1924 год”. Спросил, знает ли она что-либо о Шеридан. И она рассказала, что Шеридан, племянница Уинстона Черчилля, была довольно известным скульптором. Лепила этот скульптурный портрет непосредственно с Ленина в Кремле в начале 20-х годов. Бюст предназначался для продажи в Европе и Северной Америке и сбора денег на рабочее движение в поддержку Советской России. Шеридан была близким другом Вильямса и они встречались в то время в России. Судьба бюста сложилась неудачно. После статьи в “Советском Союзе” компартия США попросила дать ей бюст для снятия копии, но при возвращении по почте он прибыл в посольство разбитым.

С Люситой Вильямс и ее сыном Рисом, священником пресвитерианской церкви в Бостоне, у меня постепенно сложились дружеские отношения. Во время командировок я всегда навещал их. Рис разделял взгляды своих родителей, был весьма образованным интеллигентным человеком, отличался доброжелательностью и гостеприимством, мечтал посетить Советский Союз, страну молодости отца, написавшего о ней немало прекрасных книг и статей.

В 1970 году Люсита в числе девяти американских граждан была награждена Президиумом Верховного Совета СССР Ленинской медалью, которую поручили вручить мне. В это время она находилась в бостонской больнице после инфаркта, но состояние здоровья позволяло ее навестить. Награждение доставило ей огромную радость, и она откровенно ее выражала в присутствии многочисленных медицинских работников.

Летом 1970 года Рис с женой и двумя детьми на теплоходе “Александр Пушкин” вместе со мной отплыл в Ленинград. Не могу не вспомнить оставшейся у меня на всю жизнь впечатляющей картины — во время прохода нашего корабля по неукротимой бурной реке Святого Лаврентия, соединяющей Атлантику с Монреалем, на высоком крутом берегу всегда выстраивалась торжественная линейка детей работников нашего посольства в Канаде, находящихся в пионерском лагере, в парадной форме с красными галстуками. Они салютовали

советскому флагу и пароходу под звуки горна.

Люсита Вильямс в 1972 году в Москве безвозмездно передала Ленинской библиотеке архив своего мужа. До сих пор храню в памяти теплые воспоминания об этой дружной и честной американской семье, не думавшей о своем благополучии, искренне общаясь с советским дипломатом, сохранявшей идеалы своего мужа и отца, считавшего социализм единственно правильным устройством общества.

В одну из поездок в Бостон в 1969 году мы с Каменевым встретились с вдовой известного социолога Питирима Сорокина, первого русского профессора социологии Петроградского университета (1919-22), высланного из Советской России в 20-е годы в числе большой группы ученых и позднее основавшего кафедру социологии в Гарвардском университете. Сорокин умер в 1968 году и вдова, исполняя его завещание, хотела неформально выяснить возможность захоронения урны с прахом в Ленинграде и передачи нам рукописного архива. Разговор сложился вполне доверительный, она показала весь архив, огромную библиотеку и большую коллекцию грампластинок классической музыки, которую он собирал всю жизнь. В конце встречи неожиданно повела в мемориальную комнату, где в полумраке стояла урна с прахом.

Архив Стравинского

Еще одно дело, связанное с судьбами известных русских людей, оказавшихся вне родины, касалось архива выдающегося русского композитора Игоря Стравинского. Крупный нью-йоркский дилер по международным раритетам предметов искусства в мае 1971 года предложил посольству переговорить с ним о покупке архива композитора, скончавшегося 6 апреля этого же года. Сын Стравинского решил продать архив и в первую очередь предложил его СССР. При встрече дилер рассказал, что архив состоит из рукописей всех музыкальных произведений композитора, переписки с Дягилевым, воспоминаний о Римском-Корсакове, семейных фотографий, личных документов и многого другого. Стоимость архива дилер оценил в миллион двести пятьдесят тысяч долларов. В то время он приобретен не был.

ДЕЛЕГАЦИИ

Интересной была также работа с нашими культурными и спортивными делегациями, довольно интенсивно посещавшими

США. Со многими из них приходилось тесно общаться и по работе, и в домашней обстановке. Мне были понятны их трудности, в первую очередь незнание местных условий и языка, ограниченность в денежных средствах, и поэтому всегда старался оказать им посильную помощь. Случались, конечно, забавные истории. Во время пребывания в Вашингтоне Царева и Товстоногова, уже перед возвращением домой, повез их в загородный торговый центр. Стояла обычная для летних месяцев жара. Чтобы легче дышалось моим пассажирам, открыл окна в машине. И вдруг слышу отчаянный крик Царева, сидевшего на заднем сиденье: «Пожар, горим!» Я свернул на обочину скоростной автострады, остановился. Действительно, сбоку от артиста валил черный дым. Воды нет, огнетушителя тоже. Надо что-то делать. Царев с Товстоноговым суетятся вокруг, волнуются. Догадался! Открыл капот, вытащил довольно объемистый бачок с жидкостью для промывки переднего стекла и залил им дымящее место в сиденье. Как оказалось, Царев выбросил выкуренную сигарету в окно, но ее задуло обратно и сиденье начало усиленно тлеть. Так я и ездил все годы с прожженным сиденьем, вспоминая Царева. Но есть и воспоминания другие — Царев читал свои стихи до самого рассвета.

В сентябре 1970 года в городе Колумбус (штат Огайо) проходил чемпионат мира по тяжелой атлетике. Из Москвы сообщили, что один из наших спортсменов несправедливо обвинен в применении допинга и Госкомитет по спорту просил посольство помочь нашей команде отстоять свою правоту. Посольству предоставлялось право по согласованию с руководителями команды в знак протеста снять ее с соревнований. Я вылетел в Колумбус. Соревнования близились к концу, выступали спортсмены полутяжелого и тяжелого веса. Дело с допингом было откровенно сфальсифицировано — при взятии пробы сосуд не опечатали, отвозил ее на анализ врач американской команды, результаты пока сообщены устно. Поэтому когда стало известно о приезде сотрудника посольства, то обвинение сразу же отпало.

В тяжелом весе выступал наш прославленный атлет Василий Алексеев, от которого все ожидали установление мирового рекорда. Накануне его выступления в небольшой и весьма скромной гостинице, где проживала наша команда и остановился я, соседний с Алексеевым номер сняли трое американцев, как потом выяснилось, из воинствующей “Лиги защиты евреев” во главе с Кохане. В ночь перед выступлением Алексеева эти трое, имитируя ссору, подняли у себя в номере такой шум и гвалт, что заснуть было невозможно. Обращение к работнику гостиницы с

просьбой унять дебоширов не помогло, он явно умышленно "держал нейтралитет". Вызывать полицию смысла не было, так как на это ушло бы время, и спать не пришлось бы. Выступление Алексеева совсем неожиданно оказалось на грани срыва. Надо было срочно принимать какие-то меры. Тогда Алексеев и его консультант неоднократный чемпион мира по штанге Аркадий Воробьев пригласили "троицу" в коридор, чтобы попросить их унять свои страсти. Перед ними предстали хлюпенькие молодые люди. Недовольный взгляд на них двух мужчин истинно богатырского вида возымел свое действие. Виновники нарушения спокойствия стали торопливо извиняться, затихли и рано утром покинули гостиницу.

Выступление Алексеева закончилось установлением мирового рекорда: 612,5 килограммов в троеборье во втором тяжелом весе. После окончания соревнований во время вручения призов Алексеев под бурные овации и восторг зрителей посадил на свою правую ладонь американскую девушку из числа зрителей и держал ее секунд пятнадцать-двадцать на весу, на вытянутой руке.

Вспоминается и другой подобный случай, но уже со мной в Вашингтоне. В конце 60-х лига Кохане активно выступала за выезд евреев из Советского Союза и проводила антисоветские акции у зданий представительства СССР при ООН в Нью-Йорке и посольства в Вашингтоне. Летом 1969 года при проведении очередной кампании они брали под "гражданский арест" на улице кого-либо из советских дипломатов — тесно окружали с четырех сторон и, сопровождая его, всячески оскорбляли. Так получилось и со мной. Запарковав машину, я шел в посольство, и вдруг рядом встали четверо молодых худощавых парней в черных камилавках и, громко выкрикивая ругательства, явно привлекали внимание прохожих. Видя, что я не реагирую и спокойно иду к посольству, одни из них демонстративно плюнул мне в лицо. Хотя как такового плевка не получилось, так как рот его пересох, они ожидали от меня каких-то ответных действий. Тотчас невдалеке появились фоторепортеры с камерами наизготовку. Снимать было нечего, внешне моя реакция была спокойной — взял плевавшего на уровне вытянутой вниз руки за кисть и с силой сжал ее. Видя, что он испугался, отпустил его, и они быстро удалились. Минут через пятнадцать по радио в новостях передали, что недалеко от посольства при "гражданском аресте" советского дипломата активистами "Лиги защиты евреев" произошла потасовка. Конечно, неправдивое сообщение было подготовлено заранее. Дальнейшего развития оно не получило.

В Америку приезжало много наших спортсменов — боксеры,

гимнасты, стрелки из спортивного оружия… Команда стрелков, которую мне пришлось встречать в нью-йоркском аэропорту, прилетела со стволами и большим запасом патронов и по договоренности с властями таможенный осмотр не проходила. Пресса сразу же отреагировала юмором — мол, высадившийся в Нью-Йорке десант лучших русских стрелков захватил добровольно сдавшуюся Америку.

КАТАСТРОФЫ

Во время товарищеской встречи нашей и американской сборных по гимнастике зимой 1969 года, к месту проведения которой отправился вместе с женой и дочкой на машине, попал в серьезную аварию. Вины моей не было — впереди идущая машина неожиданно резко затормозила у придорожного ресторана, а у моей, более легкой, тормозной путь был длиннее, ее вынесло на встречную полосу и, чтобы избежать лобового столкновения, мне пришлось круто свернуть, в результате чего моя машина мгновенно оказалась под кузовом стоявшего на обочине огромного грузового фургона. Американцы, видевшие все происшедшее, потом сказали, что мы “родились в рубашке” и поэтому остались невредимыми.

Вроде бы случай. Были и другие, всех не упомнишь, но немало их граничило с серьезной опасностью. Например, происшествия с самолетами. Летел как-то из отпуска на турбовинтовом четырехмоторном ТУ-144, и на высоте 12 тысяч метров над островом Ньюфаундленд, примерно в 1300 км до Монреаля отказал двигатель, самолет вздрогнул, пассажиры насторожились. Отключили второй. Рейс стал аварийным, самолет принимали с пожарными и медицинскими машинами на летном поле. Дважды по долгу службы мне сообщали, что в самолетах, на которых я летел в отпуск, заложены бомбы. В 1970 году, когда плыл на “Пушкине” в Ленинград, из Москвы в посольство пришла телеграмма, что якобы где-то в трюме заложена бомба с расчетом взрыва в океане. Американцы подтвердили сигнал. Бомбу день и ночь искали вплоть до Англии, потом ждали взрыва до Ленинграда, но все прошло благополучно. Я знал обо всем, но поделиться даже со своими коллегами не мог.

Грозы в Америке — явление впечатляющее, в России подобных не наблюдал. Два раза летел на самолете на юг страны и попадал в сильнейшую грозу — самолет трясло как пылинку, казалось он вот-вот развалится, за окном сплошная тьма. Почему-то тогда был уверен, что молния в него не бьет, но позже узнал — бьет, да еще как!

Госпиталь

Конечно, не обошлось и без американской больницы или, как в Америке говорят, госпиталя. Как-то жарким летом 1968 года рано утром в субботу поехали на рыбалку — ловить карпов. Они в реке Потомак крупные, сильные и процесс ловли на спиннинг, используемый как донная удочка, действительно носит спортивный характер: заброс с берега делается далеко, леска с рыбой обрывается сразу же, если пустить ее внатяг, без сачка карпа не вынуть — в общем, получаешь много удовольствия, да и рыбы наловишь немало. После одного из бросков понял, что со мной произошло что-то странное. Вернулись в город, врач посольства сразу же определил — кровотечение в желудке, срочно в госпиталь. Сказался застарелый гастрит. Мало того, что больницу не люблю, но через неделю у меня должна состояться очередная встреча с Ларком. Уговорили все-таки подчиниться и лечь в госпиталь. Оказался в отдельной палате большой больницы. Калугин в это время исполнял обязанности резидента и, узнав о случившемся, предложил установить дежурство дипломатов, как бы для охраны от каких-либо провокаций или “уколов признания”, но я просил этого не делать — опасности не видел.

Американская больница в те годы резко контрастировала с нашими и по методам лечения, и по медицинскому оборудованию, и по распорядку. Пару первых дней меня круглосуточно посещали какие-то люди в белых халатах: только заснешь, они сразу же будят. Лишь после высказанной лечащему врачу настоятельной просьбы эти визиты прекратились. Оказалось, их наносили студенты-практиканты. Лекарств никаких не давали — один нейтрализующий “Мэалокс” и молочные сливки, позднее на просьбу о мясе дали “стэйк” — маленькую котлетку из тонкого фарша. Зато влили три литра американской крови, на что я шутливо заметил, чтобы она была от белого человека, так как хочу еще иметь детей. Стало понятно, что в больнице мне придется пробыть не менее десяти дней и на встречу с Ларком придется выезжать из нее.

Постепенно стал выяснять, есть ли за мной наблюдение. Да, имелось, но не наружное, а местное: стоило минут на пятнадцать-двадцать отлучиться из палаты, как по радио на всю больницу и территорию объявляли, что такой-то должен явиться к такому-то врачу или придти в свою палату. Предлоги были надуманные: измерить температуру, кровяное давление, согласовать меню на ужин или обед, просто обеспокоенность самочувствием. Несколько раз вместе с женой и дочкой, посещавшими меня

каждый день, гулял и не реагировал на эти объявления. В конце концов пришел к выводу, что вполне безопасно поехать на встречу из больницы.

В первый раз пришлось использовать в мероприятии жену. Я твердо придерживался точки зрения, что жен при проведении таких острых разведывательных операций, как тайники и личные встречи, где требуется максимальное внимание, а подчас и быстрота действий, привлекать не следует. Немаловажным считал и то, что делить свое нервное напряжение, возлагая часть его на женский организм, ни к чему. Жене пришлось в этот раз присутствовать лишь на выброске, но и эта часть запечатлелась у нее в памяти надолго. К ужину успел вернуться, вопросов никто не задавал.

Гибель Мартина Лютера Кинга

Тревожным в жизни Америки был 1968 год — в апреле убили Мартина Лютера Кинга, лауреата Нобелевской премии мира 1964 года, борца за права чернокожего населения. Во многих городах прошли массовые стихийные выступления, были беспорядки на улицах. Черные в Вашингтоне составляли свыше 70 % населения, и их реакция на случившееся оказалась непредсказуемой. В негритянских районах громили и поджигали жилые здания, учреждения, грабили магазины — все, что попадалось на пути неуправляемой толпы. Я наблюдал город в эти дни с площадки для отдыха на крыше своего дома. Зрелище для русского человека воспринималось как революционные события: горящие кварталы, густой дым, выстрелы. В столицу ввели только что мобилизованные войска национальной гвардии, которые вместе с полицией умело, без человеческих жертв, локализовывали беспорядки в тех местах, где они возникали. Погромив себя же, негритянское население в итоге успокоилось. Такая тактика применялась американцами по всей стране.

Убийство в июне в Лос-Анджелесе кандидата в президенты Роберта Кеннеди не привело к беспорядкам, а вызвало глубокую печаль и чувство стыда у американского народа за совершение этого позорного преступления. Траурный поезд на пути из Нью-Йорка до Вашингтона был вынужден останавливаться на каждой станции — люди хотели проститься с невинно убиенным человеком.

У читателя может возникнуть вопрос: к чему все это рассказывать? Мне представляется, что именно из описания обыденной жизни, отдельных эпизодов из нее, у человека, не

знакомого с профессией разведчика, может составиться более правильное впечатление о его делах и заботах. Ведь жизнь и работа разведчика в основном протекают в обыденных заботах, о которых постоянно думаешь и которые приходится решать. Конечно, другая, самая весомая и невидимая другим сторона жизни, в какой-то мере все равно осязаемая друзьями и близкими, ежедневно исполняется тоже как обычная работа и воспринимается без всякой романтики и, тем более, прикрас. Сейчас, спустя много лет, когда из памяти ушли воспоминания каждого дня и остались только более или менее определяющие события, и прошлые годы смотрятся по-другому, они кажутся чистыми и какого-то светло-розового цвета… Тем более это чувствуешь, когда пишешь книгу, в которой хотелось бы одинаково динамично рассказать и о чекистских делах, и просто о жизни. Поэтому, заканчивая эту главу, невзирая на сомнения в своей правоте, не могу хотя бы немного не рассказать об обычных днях тех лет.

НАША РЕЗИДЕНТУРА

Ранее я говорил, что работники посольства всех уровней, начиная от садовника и сторожа и вплоть до советника-посланника, являлись на удивление порядочными и интеллигентными людьми. Эти слова полностью относятся и к сотрудникам резидентуры. Конечно, каждый представлял из себя индивидуальность, имел и высказывал свою точку зрения, отличался почерком в работе. Не могу избавиться от набивших оскомину слов, но и подобрать другие трудно — коллектив был единым, в нем каждый знал, что при необходимости всегда получит помощь другого, не существовало разницы между чистыми дипломатами, журналистами и сотрудниками двух резидентур — КГБ и ГРУ. У меня сложились дружеские отношения как с мидовцами, так и грувцамими, причем людьми разного служебного положения. Поездки на природу с жаркой шашлыка и стейков на гриле, на рыбалку с ночным, уже дома, приготовлением отменной ухи по-уральски, встречи дома за сваренными на русский манер ужасно злющими крабами из Чесапикского залива, посещение спокойных пригородных ресторанчиков с китайской и индонезийской кухней и простых пивных баров с крабами — все проходило вместе с друзьями, приносило радость от общения.

Особой заботой пользовались наши шифровальщики, которые имели право выходить в город только в сопровождении дипломатов, что, конечно, усложняло условия их жизни.

Периодически “вывозили” их в город и, как могли, развлекали, наяву показывая “капиталистический образ жизни”. Не могу называть фамилии разведчиков, с которыми дружил и общался — говорят, действует еще конспирация и рано их упоминать, хотя больше половины из них уже нет в живых.

Среди разведчиков и “чистых” были талантливые и в кулинарии люди. Расскажу одну историю, случившуюся с моим другом и мной, которая даст мне основание поведать о лучшем, на мой взгляд, рецепте приготовления шашлыка из любого мяса. Как-то раз руководитель вашингтонского отделения ТАСС Артем Меликян предложил поехать с семьями в гости к американцу, связанному с издательским делом. Взяли с собой шашлык, приготовленный из мяса молодого барашка. Знакомый Артема жил милях в пятидесяти от Вашингтона на берегу Чесапикского залива в “комьюнити” (по-русски, в поселке) пенсионеров, главным образом, из числа военных летчиков. Большинство из них были участниками Второй мировой войны, осуществляли “челночные” бомбардировочные перелеты между нашими аэродромами и базами союзников в Европе. Военные годы для них были трудными: кормили почти все время бараниной с пшенной кашей и они наелись ею на всю жизнь.

Хозяин дома пригласил еще человек пятнадцать соседей. Когда мы сказали, что будем угощать шашлыком из баранины, а в ответ услышали воспоминания военных лет, то невольно стали искать выход из положения. И он нашелся — сказали, что мясо, конечно, американское, но лук, которым оно замариновано — из Армении и поэтому шашлык необычный, настоящий армянский. Действительно, шашлык по-армянски и полусладкое калифорнийское вино настолько оказались совместимы, что минут через сорок после первой пробы все присутствующие стали подбрасывать вверх свои летние шляпы и радостно восклицать: “Шашлык из Армении, шашлык из Армении!” Шашлык понравился, весь был съеден, а “баранина” реабилитирована. Сидевший на пеньке в ста метрах от накрытого стола мрачный наружник из столичного ФБР, несмотря на приглашение, от угощения отказался и, не ожидая окончания нашего веселого пикника, вскоре уехал. Американцы “завелись”, принесли виски, джин, мы добавили “Столичную” и все веселились до позднего вечера.

Кулинарные рецепты

Уверен, что успех заключался в рецепте Артема Меликяна. До

этого в Москве я испробовал много разных способов маринования мяса — в винном и простом уксусе, в коньяке и вине, в сметане, в лимонном соке, с луком и без него. Мясо выбиралось разное — баранина, говяжья вырезка, свинина, телятина, но никогда шашлык не был таким мягким и сочным, когда мясо маринуешь на манер Меликяна. Секрет простой — берешь любое мясо, убираешь грубые пленки, режешь на крупные куски, на дно эмалированной (не алюминиевой) кастрюли кладешь слой мелко нарезанного лука (лучше нового урожая), хорошо бы добавить укроп и кинзу, затем слой мяса, посыпаешь его черным молотым перцем, вновь слой лука, укроп, кинзу, перец, на него — слой мяса, лук и так далее. Не солить. Затем рукой все перемешать, слегка уплотнить, закрыть крышкой и оставить на ночь на кухне. Перед жаркой выбрать лук, посолить мясо по вкусу, надеть на шампуры и приготавливать на древесных углях. Мясо может сохраняться вне холодильника два-три дня, шашлык будет мягче. Лук можно использовать для еды. Шашлык, приготовленный по этому рецепту, привел в восторг не только американцев, все мои российские знакомые согласны, что этот рецепт лучший. Зная, что ваше блюдо понравится гостям, получаешь еще истинное удовольствие и от процесса приготовления.

И сразу же расскажу еще об одном прекрасном, но уже исконно русском блюде — пироге с рыбой и вязигой. Такого пирога на других столах я не встречал.

Заранее предупреждаю, что друзья, попробовавшие его, просят дать хоть один кусок домой. В приготовлении он прост. Берется речная рыба, желательно осетрина, очищается от кожи и костей и режется тонкими небольшими ломтиками. Посыпается черным перцем и солью. Тесто приготавливается обычное для пирогов (дрожжи, сливочное масло или маргарин, пару яиц, столовая ложка подсолнечного масла, молоко, можно полстакана сметаны, соль, сахар), с самого начала очень тщательно мешается. Около 150 грамм сушеной вязиги (хорда осетровых рыб очень богатая протеином, продается сушеная нарезанная мелкими кусочками в пачках по 250 грамм) промыть холодной водой, залить и оставить на ночь. Затем поставить варить на малом огне до тех пор, пока не станет мягкой. Отдельно сварить стакан риса. Вязигу, рис, круто сваренные мелко нарезанные два яйца, укроп и петрушку перемешать в одной кастрюле, поперчить и посолить по вкусу — начинка готова. Тесто раскатать на два листа, не туго. Один положить на противень, на него половину начинки, затем рыбу в один слой и поверх оставшуюся начинку. Закрыть вторым листом теста, соединить края, помазать яичным белком. Выпекать как обычный пирог в духовке при 220 градусах

по Цельсию минут сорок, прокалывая тесто и проверяя готовность. Подается вместо второго блюда. Русская водка предподчительнее.

И последнее — совет по жарке мяса и печени, который дал мне в Вашингтоне наш дипломат, мечтавший быть шеф-поваром в ресторане, Владимир Кулешов: резать большими кусками толщиной два-три сантиметра или более, предварительно не солить, только перчить. Класть на сильно раскаленную сковороду (можно смазать любым маслом, чтобы не подгорало), перевернуть и посолить — тогда сок не выйдет и мясо будет мягким и вкусным. Огонь потом убавить. Говядину, печень можно готовить с кровью, кто как любит.

“Клен”

О кухне немного рассказал, дабы отвлечь читателя, да и самого себя, от малоприятной и, может быть, не сразу понятной темы раскрытия предательства в разведке. Измены были во все времена и, к сожалению, будут при всех политических системах и мало зависят от них. Почти каждый человек в своей частной жизни встречался лицом к лицу с тем или иным видом предательства — обманом, изменой супругов, предательством друзей, карьеризмом и прочими подобными изъянами человеческой личности. Ложь — основа предательства. Она не обязательная составляющая личности, но легко приобретаемая в жизни. Ее надо распознавать и с ней бороться, чтобы хоть как-то избавиться от предателей. Задача не из легких.

Вспоминается еще одна сторона жизни и работы в посольстве. Российские продукты, такие желанные на чужбине, купить в Вашингтоне было негде. Лучшими подарками, привозившимися отпускниками, были черный хлеб и селедка. В магазин “Березка” при посольстве поставлялись из Союза в очень ограниченном количестве только конфеты, шампанское, иногда крупы и вобла. Все разбиралось мгновенно и, конечно, многим не доставалось ничего. Постоянно росло скрытое возмущение, но изменить ситуацию и договориться с “Березкой” в Москве не удавалось. Впору было вводить в самой богатой стране распределительные карточки на наши товары — дефицит и здесь. Не знаю, у кого возникла идея, но однажды вызывает меня посол Добрынин и объявляет о решении создать при посольстве что-то наподобие кооператива по обеспечению работников российскими продуктами. Неожиданно обращается ко мне с просьбой возглавить его и наладить работу. Быстро прикинув, что

появляется возможность в любое время выехать из посольства под легендой кооператива, я в принципе согласился, хотя от окончательного слова ушел.

Обсудили предложение с резидентом Полоником и решили, что можно попробовать. В дальнейшем успешно использовал эту крышу для поездок даже в другие города. Кооператив в противовес государственной “Березке” назвали “Кленом”, избрали правление и установили: все покупатели равны, не допускать очередей или нехватки товаров, вступительные взносы не брать. В посольской кассе взаимопомощи взяли денежную ссуду для первых оборотов. Вскоре смогли закупать любые российские продукты в любых количествах, причем по дешевым ценам, что было весомым подспорьем для каждой семьи. Даже наш детский лагерь снабжался продуктами из кооператива. Несколько человек работали и получали зарплату. Другие товары заказывали в любой стране мира. Все проблемы сняли.

УБИЙСТВО ЛАРКА

Зло, сделанное человеком,
зачастую переживает его самого.
Агата Кристи

Операция в Вене

На встречу с Ларком весной 1971 года в Монреале Центр направил Бориса Копейко — помощника начальника Службы внешней контрразведки ПГУ Виталия Боярова. К этому времени Калугин уже свыше года был его заместителем, постепенно осваивался с новой работой, но непосредственно делом Ларка не занимался. Его вел Бояров, который советовался с Калугиным по возникавшим время от времени сложным вопросам. Летом 1971 года, вернувшись из Вашингтона, я встретился с Копейко в штаб-квартире ПГУ в Ясеневе. По его словам, все прошло в соответствии с планом вывода Ларка. Он подтвердил свое согласие работать в США с нелегалом, воспринял такое предложение как нашу особую заботу о его безопасности. Ларку было сказано, что сотрудники Центра проведут с ним еще две-три встречи вне США для обучения работе на специальной радиотехнике для связи, отработки новых условий связи и, наконец, знакомства с разведчиком-нелегалом. Каких-либо настораживающих моментов в поведении Ларка Копейко не отметил. Успех операции теперь зависел от умения работников

продолжить начатое мероприятие и не дать оснований ЦРУ заподозрить КГБ в намерении вывести Ларка в Союз.

В начале 1971 года за несколько месяцев до моего отъезда из США я получил дипломатической почтой в резидентуру личное письмо от Калугина. "…Я узнал, что "твой" оказался сволочью", — писал он. И, как бы поддерживая меня, продолжал: "Согласен с твоими выводами. Не дрейфь. Помнишь, как работал я?". Мне не были понятны эти слова. Я не ощущал никакого чувства страха. На глубокую проверку Ларка пошел сам и был удовлетворен тем, что попал в цель и сумел обыграть американскую разведку. К тому же примеров бесстрашной работы Калугина не знал. Помнил только, что где-то в 1967 году попросил его выполнить одно задание по линии КР: установить местожительство семьи агентов-нелегалов, выведенных из СССР в США через третьи страны. Одно время они работали по контракту в ЦРУ, но связь с ними была потеряна. Для этой цели на определенном этапе установки потребовалось ввести нового сотрудника, безупречно владевшего английским языком и имевшего дипломатическое прикрытие. Поэтому я и обратился к Калугину. Задание он выполнил, но наши планы по использованию этих агентов реализованы не были. Какой-либо отваги в этом деле не требовалось, оно было вполне рутинным. Калугин довольно подробно описывает этот эпизод в своей книге, приводя некоторые детали, о которых он в то время не сообщал.

В середине июня 1971 года мне пришлось еще раз услышать о Ларке от Калугина, неожиданно встретившего меня на причале в Хельсинки, когда я с семьей возвращался домой на теплоходе "Александр Пушкин". Это была первая поездка Калугина в капиталистическую страну после возвращения из Вашингтона. Посетив пару ресторанов, мы вернулись на теплоход, где мои знакомые еще по 101 разведывательной школе работники оперативной группы КГБ устроили для нас такой изысканный обед с отборными напитками, что Калугин с трудом покинул судно, чуть не задержав его отплытие. Естественно, мы вкратце обменялись один на один мнениями о перспективах вывода Ларка. Ему нравилась идея с нелегалом, и он сказал, что руководство разведки весьма заинтересовано в успехе операции.

Свою задачу я выполнил и, как принято в разведке, делом Ларка больше не интересовался. Меня направили на годичный факультет УСО.

КАЛУГИН ПОДКЛЮЧАЕТСЯ К ДЕЛУ

Личность жертвы часто бывает

ключом к разгадке преступления.
Агата Кристи.

До конца 1975 года события с Ларком внешне развивались по намеченному КГБ плану. Советская разведка не могла предположить, что уже в июне 1971 года ЦРУ получило достоверные данные о том, что Ларк раскрыт нами как двойной агент, и запланирована операция по его захвату и выводу в Советский Союз. Но, как выяснилось значительно позже, ЦРУ решило не прерывать операции по выводу и использовать ее в своих далеко идущих целях.

После того как Калугина назначили в марте 1973 года начальником Службы внешней контрразведки ПГУ, дело Ларка он оставил себе, и руководил всеми операциями по нему вплоть до 1975 года. В управлении знал о деле ограниченный круг работников, и оно относилось к весьма засекреченному.

В середине 1975 года под руководством Калугина началась проработка операции по захвату Ларка в Вене, которая намечалась на 18 декабря. В этот приезд планировалось провести с ним три встречи под предлогом обучения работе на новом радиопередатчике, передачи условий связи, а на последней встрече — личное “знакомство” с нелегалом. Исходили из того, что он прибудет в сопровождении сотрудников ЦРУ, которые будут обеспечивать его безопасность, каким-то образом контролируя встречи. Предполагалось, что на последней встрече Ларку предложат поехать на машине в другой район Вены для знакомства с нелегалом и проведут его физический захват с применением хлороформа. После усыпления в этой же машине доставят в условленное место на границе с Чехословакией и передадут оперативной группе ПГУ, специально направленной для этой цели из Москвы. Под видом нелегала выступит сотрудник Центра.

Во время обсуждения различных вариантов использования усыпляющих препаратов Калугин настаивал на применении более сильного чем хлороформ средства. Несмотря на то, что медицинские работники, с которыми обсуждался этот вопрос, считали хлороформ вполне достаточным, все-таки решили, что при необходимости можно будет использовать и более эффективное средство.

Общее руководство операцией осуществлял из Праги заместитель начальника разведки контр-адмирал Михаил Усатов. Он также координировал все действия с чехословацкими органами госбезопасности и венской резидентурой ПГУ. Калугин обеспечивал прием Ларка на границе с Чехословакией и доставку

его в Москву. В его группе находилась врач-терапевт медицинского отделения ПГУ Татьяна. В операции в Вене принимали участие Олег Козлов, Михаил Курышев и Владимир Дзержановский.

В Лэнгли дело Ларка вел заместитель начальника управления контрразведки Леонард Маккой, долгое время работавший в советском отделе и в свое время проводивший анализ материалов Пеньковского и Носенко. Непосредственную связь с Ларком в Вашингтоне поддерживала сотрудница управления контрразведки ЦРУ Синтия Хаусман, а куратором от управления безопасности являлся Брюс Соли, один из опытнейших контрразведчиков ЦРУ, специализировавшийся с 1951 года на работе против советской разведки.

Ларк прибыл в Вену с женой Евой Бланкой в сопровождении Соли и Хаусман. Остановились они в гостинице “Бристоль”. Резидентура ЦРУ и представительство ФБР в Вене не были поставлены в известность об их приезде и участия в операции не принимали. Как отмечали позднее западные журналисты, решение Лэнгли не привлекать к этой операции американские спецслужбы в Вене не было ошибкой, и явно преследовало какие-то скрытые оперативные цели.

Вечером 18 декабря 1975 года Ларк вышел на встречу к собору Вотивкирхе на площади Рузвельтплац, совсем недалеко от американского посольства. Соли и Хаусман вели за ним скрытное наблюдение, но ничего настораживающего не заметили. Все выглядело вполне спокойно — трое мужчин, мирно беседуя, шли по улице. Ларка встретили двое — знакомый по Вашингтону Козлов и неизвестный ему Курышев. Соли опознал Козлова, как бывшего сотрудника вашингтонской резидентуры.

По возвращении Ларк, докладывая о встрече, рассказал своим сопровождающим, что в КГБ ему присвоили очередное воинское звание капитана 2 ранга и что его начали обучать работе на компактной радиостанции. Второй раз Ларк вышел к собору вечером следующего дня. И вновь сотрудники ЦРУ вели наблюдение за ним и его советскими “друзьями”, но опять не заметили ничего необычного — КГБ действовал согласно известному им плану. Ларк радостно сообщил, что 20 декабря состоится решающая встреча и он наконец-то увидит долгожданного советского нелегала, с которым ему предстоит работать в США. В это искренне верил Ларк, но ЦРУ планировало его судьбу совсем по-другому.

В эти же дни в соседней Чехословакии небольшая группа сотрудников во главе с Калугиным подыскивала на границе с Австрией удобное место для принятия “нелегала”. Именно с

такой просьбой КГБ обратился к чехословацким органам госбезопасности, чтобы объяснить необходимость выезда в район пограничной зоны с Австрией и получить согласие на проведение там разведывательной операции, связанной с нарушением границы. В результате двухдневных поисков с помощью чехословацких друзей была найдена заброшенная асфальтовая дорога, проходившая через границу и когда-то соединявшая небольшие населенные пункты по обе стороны. Недалеко стояла вышка пограничников Чехословакии. С австрийской стороны граница не охранялась, лишь в дневное время не чаще одного раза в две недели туда наведывались патрульные машины. Местность была безлюдной и полностью подходила для такой тайной и не совсем обычной операции КГБ. В тот вечер стоял декабрьский мороз, и группа в ожидании машины из Вены разместилась рядом с дорогой в небольшом заснеженном лесочке. О своем местонахождении сообщили в Прагу.

Тем временем 20 декабря Ларк вышел на третью встречу. Он шел на знакомство с нелегалом и понимал, что оно может состояться где-то в другом районе и поэтому ожидал предложения подъехать туда. Так оно и получилось. Когда Ларк подошел к собору, то Козлов и Курышев предложили пройти к стоявшей неподалеку машине, чтобы поехать на встречу с нелегалом. В машине он увидел незнакомого довольно крупного по комплекции мужчину на заднем сиденье. Курышев сел за руль, а Козлов с Ларком — сзади, рядом с этим незнакомым. Обмолвились несколькими фразами. Затем незнакомый мужчина незаметно вынул специальную салфетку, сжал ее, и, раздавив небольшой сосуд с хлороформом, неожиданно набросил ее на лицо Ларка. Ларк пытался сопротивляться, но постепенно стих и секунд через пять-семь потерял сознание. На него надели наручники, и машина быстро направилась к условленному месту на австрийско-чехословацкой границе. В этот вечер Соли и Хаусман наблюдения за Ларком не вели и из гостиницы не выходили. Это позднее широко комментировалось в западной прессе как ничем не обоснованные и, вероятно, заранее запланированные действия.

В Москве осужденного к высшей мере наказания за измену Родине Ларка ожидала тюрьма. Он должен был рассказать все, что ему известно о ЦРУ и других американских спецслужбах, раскаявшись просить о помиловании, или принять смертный приговор — другого выбора у него не было.

Группа Калугина, с нетерпением ожидавшая появления машины с Ларком, наконец, вдалеке увидела свет приближавшихся фар. По непонятным причинам машина

остановилась, примерно в трехстах метрах от чехословацкой границы, отчетливо послышалась русская речь.

Когда Калугин и другие подошли к машине, то увидели, что она застряла на обочине дороги. Калугину доложили, что захват Ларка прошел удачно. Тот пришел в сознание, вел себя спокойно, постоянно повторял: «Зачем вы все это делаете?» Настроение его подавленное, но физическое состояние вполне нормальное, помощь врача не требуется. Все занялись обсуждением вариантов, как скорее вытолкнуть машину на дорогу и не привлечь внимания посторонних. Стали искать вблизи что-либо схожее с бревном с тем чтобы, использовав его как рычаг, освободить машину. Минут через десять Калугин, делая вид, что хочет проверить поведение Ларка, подошел к машине, достал свое более сильное чем хлороформ спецсредство, открыл заднюю дверцу и набросил салфетку на лицо спокойно сидевшего Ларка. Тот сразу же потерял сознание. Калугин столкнул его с сиденья на железный пол машины и ушел. Позднее он объяснял работникам и затем в Центре, что, заметив, как Ларк пытался выйти из машины, решил его снова усыпить, применив свое спецсредство.

Прошло полчаса, прежде чем стало понятно, что машину не вытащить еще какое-то время. Нужно было торопиться. Решили переправить Ларка на чехословацкую сторону. Все подошли к машине и стали вытаскивать его. Он находился без сознания, тяжело и с хрипом дышал, еле слышно стонал. Носилок не было, пришлось нести на руках. Но это оказалось не просто. Ларк весил свыше ста килограммов. Тогда кто-то вынул из багажника случайно оказавшийся там кусок брезента, Ларка положили на него и потащили волоком к границе. Примерно на половине пути остановились и решили подогнать легковую машину с чехословацкой стороны. С трудом затащили в нее Ларка, все еще находящегося без сознания, и положили на железный пол.

В машину набилось шесть человек, в том числе и доктор Татьяна. В дороге она несколько раз предлагала остановиться и осмотреть Ларка, и при необходимости ввести лекарство, в том числе снимающее действие хлороформа, но когда Калугин разрешил это сделать, было поздно. Остановились примерно через час и увидели, что Ларк мертв.

Такой поворот дела не предвещал ничего хорошего для большинства присутствующих. У них был приказ доставить Ларка в Москву живым и невредимым. Доктор стала массировать ему грудь, сделала укол, по совету Калугина разжали челюсти и пытались, как последнее средство, влить коньяк. Но все попытки реанимировать Ларка оказались напрасны. Кое-как в спешке добрались до Праги.

Цинковый гроб переправили в Москву. Вскрытие “особо секретного тела” провели не в морге госпиталя КГБ, а поручили известному академику Евгению Чазову. Согласно медицинскому заключению Ларк скончался от сердечной недостаточности, наступившей вследствие передозировки наркотического средства. Его безымянно кремировали, прах из морга не брали. “При вскрытии обнаружили, что у Артамонова был еще и рак печени в довольно запущенной стадии, так что жить ему оставалось по оценке врачей максимум полгода”.

Передозировкой явилось сильнодействующее усыпляющее спецсредство Калугина, примененное им без каких-либо оснований. Как говорили очевидцы, после выхода из-под наркоза Ларк был не в силах совершить хоть какие-либо действия для побега. Калугин при вторичном усыплении, как можно сейчас утверждать, преследовал цель убрать Ларка. Тот был нужен ему мертвым, он его таковым и получил.

Соли и Хаусман и не ожидали в тот вечер возвращения Ларка в “Бристоль”. Но Ева Бланка, глядя на оставленные мужем на столе очки для чтения и лекарства, верила их словам о скором его возвращении.

Сотрудники ЦРУ не торопились доложить о своем подопечном резидентуре в Вене и послать шифровку в Лэнгли об успешно проведенной операции. Лишь на следующий день они встретились с американским резидентом и, сообщив ему об исчезновении Ларка, в конце разговора заявили: “Не нужно беспокоиться”. Перед вылетом из Вены предупредили Еву Бланку, чтобы она в Вашингтоне никому не говорила о пропаже мужа.

ПОИСКИ ШАДРИНА

30 декабря 1975 года консульское управление МИД СССР посетил заведующий консульским отделом посольства США в Москве Клиффорд Гросс. Он передал официальную записку посольства, в которой указывалось, что “Николас Джордж Шадрин, являющийся в настоящее время гражданином США, встретился 18 декабря в Вене с двумя официальными советскими лицами. Он вновь встретился с ними 20 декабря, но не вернулся и с этого дня пропал без вести… ”. Посольство США требовало ответить на вопрос: где находится гражданин США Шадрин?

В середине января 1976 года государственный секретарь США Генри Киссинджер поставил тот же вопрос перед советским послом в Вашингтоне Добрыниным. Не получив ответа, Киссинджер обратился с такой же просьбой к министру иностранных дел СССР Андрею Громыко, когда встретился с ним в Москве в январе. В это время в Вашингтоне один из советских дипломатов устно сообщил помощнику Киссинджера, что в декабре прошлого года двое работников советского посольства в Вене действительно встречались с Шадриным. Дипломат заявил, что Шадрин обратился с просьбой в посольство о возвращении в Советский Союз и об оказании ему содействия. Шадрин опасался посетить советское посольство в Вене из-за боязни, что американцы смогут этому воспрепятствовать. Поэтому советские дипломаты по его желанию беседовали с ним на улице. На обусловленную встречу 20 декабря он не пришел. Сведениями о том, где он находится в настоящий момент, компетентные органы не располагают.

Администрация президента Форда не была заинтересована в огласке исчезновения гражданина США. Бессилие республиканской администрации найти и вернуть похищенного КГБ американского гражданина сыграло бы не в пользу Форда в год президентских выборов. Ближайшее окружение президента пыталось найти выход из создавшейся ситуации, грозящей попасть в прессу и вызвать негативную реакцию. В феврале 1976 года помощник президента по национальной безопасности Скаукрофт принял жену Ларка Еву Бланку и заявил ей, что правительство США не может пока сообщить что-либо об исчезновении ее мужа, но поиски будут продолжены. Она согласилась не предавать гласности факт его исчезновения.

Ева Бланка была убеждена, что ее муж похищен в Вене КГБ. Она не допускала даже мысли о том, что он мог добровольно вернуться в Советский Союз. Но все-таки, думала она, если он

был нужен КГБ, то он жив и находится в СССР. Она знала о его опасной двойной игре с советской разведкой, которую он вел много лет по заданию и под руководством американцев. Она надеялась, не понимая ничего в этих сложных и чуждых ей хитросплетениях, что тот, кто создавал их, обязан найти ее мужа. Отчаявшись получить ответ от ЦРУ, она была вынуждена обратиться непосредственно к президенту.

Однако, после многочисленных безрезультатных встреч с представителями ЦРУ и администрации президента, она наконец-то поняла, что ожидать помощи от официальных лиц не приходится. Весной 1976 года обратилась к адвокату вашингтонской юридической фирмы “Ковингтон и Берлинг” Ричарду Копакену с просьбой разыскать мужа. Бланка рассказала, что он являлся двойным агентом — играл роль честного советского агента, в то время как в действительности работал на ЦРУ.

Адвокат Копакен

Адвокат Копакен был известен своей необыкновенной настойчивостью в ведении дел и связями среди юристов, специализирующихся по делам о шпионаже. Он с интересом принял предложение Бланки и сразу же обратился к известному в мире по делам о шпионаже восточногерманскому адвокату Вольфгангу Фогелю, специалисту по обмену арестованных агентов разведок Востока и Запада. Самым крупным делом Фогеля, ставшим знаменитым в истории борьбы разведок времен “холодной войны”, был обмен советского разведчика-нелегала полковника Рудольфа Абеля на американского летчика-шпиона Гарри Пауэрса.

После нескольких встреч в Восточном Берлине Копакен предложил Фогелю попытаться обменять Ларка на одного из самых ценных агентов разведывательного ведомства ГДР Гюнтера Гийома, разоблачение которого в шпионаже привело к всемирно известной скандальной отставке канцлера ФРГ Вилли Брандта.

Однако администрация президента официально объявили Копакену, что обмен такого агента как Гийом на американского гражданина может вызвать негативную реакцию в ФРГ, и западные немцы этому будут препятствовать. Копакен позднее обвинил государственного секретаря Киссинджера в саботаже его переговоров с Фогелем. В свое оправдание госсекретарь ответил, что он не знает другого дела, по которому правительством было бы затрачено столько усилий, как по делу Шадрина.

Копакен упорно продолжал действовать. Через свои контакты в ЦРУ он вышел на известного американского журналиста Стэнли Карнова, печатавшегося тогда в многотиражном журнале “Ньюсуик”, и попросил его организовать встречу с советским журналистом Виктором Луи, известным в международных журналистских кругах своими тайными связями с КГБ. Карнов согласился, но при условии, что он первым опубликует историю шпионского дела Шадрина.

Встреча Копакена с Луи состоялась в Хельсинки в сентябре 1976 года. Луи, внимательно выслушав историю исчезновения Ларка, ответил, что похищением людей советские органы госбезопасности занимались лишь во времена Сталина, и если Шадрин действительно захвачен КГБ, а не вернулся в Союз добровольно, то этот случай не рядовой и он вряд ли сможет чем-либо помочь. В итоге все-таки договорились, что Луи постарается выяснить в Москве о Ларке. Вскоре через одного американского дипломата в Москве он передал Копакену, что его вопрос в соответствующих инстанциях вызвал “молчаливое замешательство”.

Тем не менее, параллельно с неудавшимися попытками использовать неофициальные каналы, Копакен продолжал “бомбить” администрацию и настаивал, чтобы президент США обратился лично к главе советского государства Леониду Брежневу. Большинство из окружения президента Форда полагали, что такое обращение, в случае, если будет получен отрицательный ответ, закроет дело Ларка навсегда. Но 3 декабря 1976 года президент Форд, проигравший в ноябре на выборах демократу Джимми Картеру, все-таки послал через советское посольство письмо Брежневу. Ответ пришел уже к католическому Рождеству. На слова Форда о том, что он хотел бы выяснить, где находится Ларк сейчас, Брежнев лаконично ответил: “Мы тоже этого хотим”.

Копакен, что соответствовало его характеру, не сдавался. Весной 1977 года он обратился к ново- избранному президенту Картеру. Одновременно восстановил контакт с Фогелем и просил рассмотреть вопрос об обмене Шадрина на чилийского коммуниста Хорхе Монтеса, находившегося в тюрьме в Сантьяго. Но и эта попытка не увенчалась успехом — уже шли активные переговоры об обмене Монтеса на арестованных в ГДР агентов разведки ФРГ. Копакен безуспешно добивался через помощника по национальной безопасности Бжезинского, чтобы президент принял Еву Бланку. После долгих отказов с ней встретился Бжезинский. В разговоре он заявил, что лично соболезнует о случившемся, но ни президент, ни правительство помочь ей ни в

чем не могут.

Такой ответ возмутил Копакена. Он рассматривал его как свидетельство безразличного отношения официальных лиц к судьбе человека, пропавшего без вести по их вине. Он обратился к общественности через прессу. Свой первый материал поместил в июле 1977 года во влиятельной газете "Уолл-Стрит джорнал" в надежде вызвать соответствующую реакцию в конгрессе США. Но конгресс был занят другими проблемами. Однако американская пресса, а затем и печать других стран заговорили об Артамонове-Шадрине во весь голос.

Следует отметить, что администрация Картера с первых дней пребывания у власти развернула идеологическую кампанию в защиту прав человека. Дело об исчезновении Шадрина, хотя и двойного агента, но являвшегося американским гражданином, полностью вписалось в популистскую внешнюю политику президента, пытавшегося заручиться поддержкой широкой общественности для обвинения Советского Союза в нарушении прав человека. Центральные газеты и журналы США опубликовали серию статей с изложением различных версий похищения в Вене под броскими заголовками — "Таинственное исчезновение после встречи с КГБ", "Двойной агент ЦРУ украден русскими", "Шпионский роман Кремля и ЦРУ" и тому подобное. Газета "Вашингтон пост" писала: "Дело Артамонова-Шадрина, исчезнувшего в Австрии восемнадцать месяцев тому назад, явилось предметом официальных и неофициальных контактов с русскими… Он был двойным агентом, представлявшим американскую разведку и одновременно делал вид, что шпионит для Кремля". Пресса также отмечала странную реакцию Соли и Хаусман на исчезновение Ларка и то, что ЦРУ, готовя операцию в Вене, не поставило в известность отделение ФБР в Вене и не использовало его возможности для обеспечения безопасности Ларка.

17 августа 1977 года в московской "Литературной газете" была опубликована статья "Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?". В статье известный советский журналист Генрих Боровик фактически излагал дезинформацию КГБ по делу Ларка и не скрывал, что с материалами его ознакомили в этом ведомстве. Калугин в своей книге пишет, что эту дезинформацию он лично передал журналисту. В статье указывалось, что Артамонов-Шадрин по заданию ЦРУ предложил свои услуги советской разведке в Вашингтоне. Раскаявшись затем в измене и желая искупить свою вину, признался в этом работнику разведки, с которым встречался по заданию ЦРУ. Снабжал КГБ независимо от американцев важной информацией по ЦРУ и РУМО. Своим же

“хозяевам” докладывал, что КГБ его высоко ценит и передаст на связь советскому нелегалу. В 1975 году с согласия ЦРУ выехал на встречу с представителями советской разведки в Вену якобы для решения вопроса о предстоящей работе с нелегалом. Настойчиво добивался возвращения на родину. На очередную встречу не вышел — американцы, заподозрив в нечестности, убрали его, возложив ответственность на советскую разведку.

Эта дезинформация с первого взгляда выглядела вполне правдоподобной. Но в ней содержалась одна важная неточность — ЦРУ, являясь разведывательной службой, по своей инициативе не подставляло в те годы агентуру на своей территории противной стороне, этим занималось контрразведывательное подразделение ФБР. Калугин, видимо, умышленно подготовил такую шитую белыми нитками дезинформацию, чтобы показать “некомпетентность” КГБ.

Западная пресса темой Шадрина занималась свыше года, все время пытаясь разгадать, кто он — агент ЦРУ или КГБ, где находится, живой ли… Но ответа так и не нашла. Позднее в 1979 году предатель из числа советских разведчиков Левченко якобы рассказал американцам, что в коридорах ПГУ слышал, что Шадрин умер в машине после его захвата в Вене. Только в 1994 году в своей книге Калугин подробно рассказал историю гибели Ларка, преднамеренно исказив суть происшедшего, и этим самым возложил вину за нее на “коварство и жестокость КГБ”.

Следует отметить два важных обстоятельства. Первое — материалы по Ларку до сих пор в ЦРУ засекречены и из архива не выдаются. Известно, что они несколько раз подвергались анализу, в результате которого окончательно установлена верность Ларка и истинность предательства Кочнова. И, второе — прием Бжезинским жены Ларка Бланки и его слова о беспомощности правительства найти ее мужа может свидетельствовать о том, что ЦРУ где-то в 1977 году получило подтверждение смерти Ларка.

Особая засекреченность материалов Ларка, видимо, будет сохраняться еще много лет, так как в них находится план проведения венской операции, из которого видна причастность к делу Ларка, начиная с 1966 года, как оказалось, двух агентов американской разведки, действовавших в контрразведке ПГУ — Калугина и Кочнова.

ДЕЛО КУКА

Вербовка Анатолия Котлобая

Из предыдущих глав уже известна история вербовки Анатолия Котлобая в августе 1959 года, за пару недель до отъезда Калугина из Нью-Йорка после годичного обучения в школе журналистики Колумбийского университета. Напомню, Кук и его жена Селена подошли к Калугину на улице недалеко от советской выставки и предложили передать секретные материалы по твердому ракетному топливу, а затем Котлобай под псевдонимом «Кук» с согласия жены добровольно стал работать на советскую разведку. Котлобай не первый раз вступал в контакт с советскими гражданами на выставке, он был знаком оперативному сотруднику Центра, находившемуся в составе ее персонала.

Не будем вникать в детали этой вербовки — они, как во всех спецслужбах, примерно одинаковые. Для нас важно получить ответ на вопрос, как действовали участвовавшие в ней лица — по своему желанию или по указанию контрразведки. Разобраться — стали ли они агентами по своей инициативе или являлись подставой противника. Мог ли Калугин привлечь внимание контрразведки США как советский разведчик? Эти вопросы выясняются разведкой в первую очередь, иначе она несет значительные потери.

Следует иметь в виду, что согласно американскому законодательству в области обеспечения безопасности и сложившейся практике в спецслужбах, в 50-х и 60-годах контрразведывательные операции на территории США проводила контрразведывательная служба ФБР. ЦРУ свою агентуру противодействующей разведке подставляло в третьих странах.

Главными целями мероприятий любой контрразведки по подставе агентуры являются выявление методов и средств работы разведки, личного состава резидентуры, ее нейтрализация и деморализация путем вербовки или выдворения сотрудников. Они реализуются сразу или позднее, через несколько месяцев или даже лет в зависимости от целей.

Вариант подставы Кука для компрометации Калугина ФБР был не нужен — он не являлся постоянным сотрудником резидентуры, буквально через две-три недели возвращался в Москву, и, в общем-то, не представлял в этом отношении контрразведывательного интереса, являясь малозаметной фигурой в советской колонии в Нью-Йорке. И вряд ли был известен как сотрудник КГБ. Даже если и был замысел у ФБР дискредитировать идею обмена студентами-стажерами, впервые проходившего между СССР и США по программе сенатора Фулбрайта “Fulbright scholarship”, то оно должно было реализовать подставу сразу же и провести арест Калугина при получении материалов от Кука.

Калугин согласно статусу стажера не имел дипломатического иммунитета и его задачей как сотрудника разведки являлось исключительно изучение языка, страны и профессии журналиста. Допустим, что у ФБР существовал план организации подставы Кука и его жены кому-либо из сотрудников резидентуры. Но и в этом случае маловероятно, чтобы длительное время подготавливаемых для этой цели агентов направили на Калугина. Он, скорее всего, как вполне обоснованно могло предполагать ФБР, и как должен был поступить Калугин, отказался бы от "соблазнительного" предложения и не пошел на продолжение разговора. Примерно так, как поступил другой сотрудник разведки, находившийся в составе этой же группы стажеров, но в Гарвардском университете в Бостоне Олег Брыкин. Вот как он это описывает в книге "Исповедь офицера разведки":

> *"Буквально с первых же дней мне сделали подставу. На одной из студенческих вечеринок познакомился (или меня познакомили?) с американцем армянского происхождения…Мы были одногодками. Он сразу словно прилип ко мне, тут же пригласил в свою семью …Через несколько дней он заехал за мной на стареньком форде, по дороге даже дал порулить. По пути следования показал на огромное здание, обнесенное колючей проволокой и сказал, что здесь находится завод по производству современных полевых орудий, стреляющих ядерными зарядами. Ответил, что у нас такие тоже есть. С этого момента интуиция начала подсказывать мне, что с ним нужно держаться осторожно. В дальнейшем выяснилось, что чувство меня не обмануло. Его подставляли и к другим советским, приезжающим в Америку.*
>
> *Как-то раз он повез меня в бостонский порт в район военной базы. В этот момент с одного из военных кораблей взлетал истребитель вертикального взлета. "Студент" предложил сфотографировать редкое зрелище — фотоаппарат ФЭД всегда находился при мне. Ответил, что это меня не интересует. Вот если бы взлетала подводная лодка, тогда совсем другое дело.*
>
> *Подобные провокации повторялись, но я крепко запомнил "инструкцию" и на провокации не поддавался. Месяца через два он отстал от меня".*

Подстава Брыкину делалась в самом начале пребывания в Гарварде, чтобы при положительном исходе можно было подготовить вербовку, а при отрицательном — его компрометацию.

Вполне очевидно, что ФБР по своей инициативе Кука Калугину не подставляло. Он по совету ФБР устроился гидом на выставку, чтобы знакомство с Куком на улице выглядело естественно.

События развивались следующим образом. В первой же беседе с Калугиным жена Кука, высказывая маоистские взгляды, нарочито стала осуждать мужа за то, что он работает в крупной химической компании, тесно связанной с военно-промышленным комплексом. Сам Кук сразу же рассказал, что он инженер-ракетчик одной из крупных химических корпораций и занимается производством твердого ракетного топлива. Естественно, Калугин доложил о неожиданной и столь откровенной беседе своему куратору в резидентуре и получил согласие на вторую встречу, на которую Кук пришел опять со своей женой. Без какой-либо инициативы со стороны Калугина он сообщил, что подготавливает для русских секретные материалы по технологии производства ракетного топлива. Да, Калугину было запрещено проведение любых оперативных мероприятий, и он не должен был вступать с Куком и его женой в подобные разговоры. Но он понимал, что в данном случае нарушение будет оправдано таким крайне заманчивым предложением, от которого ни резидентура, ни Центр отказаться не могли.

На третью встречу, уже с согласия Центра, Калугин отправился вместе с сотрудником резидентуры из числа дипломатов, чтобы, в случае подставы и появления ФБР при приеме от Кука материалов, избежать ареста. Встретились вблизи Колумбийского университета, откуда Кук, Калугин и сотрудник резидентуры поехали на машине с дипломатическими номерами к Куку. Пока жена Селена готовила обед из китайских блюд, Кук с торжественным видом внес в комнату пакет с документами и пробирку с черной желевидной жидкостью, и демонстративно передал все это в руки Калугина. В пакете находились секретные документы по технологии производства топлива и его составляющих, доклад ЦРУ о состоянии химической промышленности СССР, а в пробирке — образец одного из компонентов твердого ракетного топлива.

Успех для разведки казался значительным — в то время получение твердого топлива в Советском Союзе являлось большой проблемой, и нужда в нем была первостепенной. С документами и образцом в своих руках Калугин и сотрудник благополучно вернулись в резидентуру.

Передавая материалы непосредственно Калугину, а не оперативному работнику с дипломатическим паспортом, Кук как бы подчеркивал, что он все это делает для него. Хотя, в целях

безопасности Калугина, материал обязан был взять работник резидентуры. В этом случае при внезапном появлении в доме сотрудников ФБР Калугин не был бы обвинен в шпионаже со всеми вытекающими последствиями.

Центр дал высокую оценку полученным материалам. На следующей встрече договорились, что Кук будет тайно передавать материалы резидентуре. С этого времени Калугин, по его словам, не видел Кука до конца 1979 года.

Отзыв из Нью-Йорка

Так все же — действительно ли Кук и его жена вышли на Калугина по своей инициативе, и на идеологической основе один из супругов с согласия другого добровольно стал агентом советской разведки? Постараемся разобраться.

После отъезда Калугина Кук с 1959 по 1964 год регулярно встречался с сотрудниками резидентуры. Далее случилось непредвиденное и для ФБР, и для резидентуры. Кук через своего друга американца крайне левых взглядов, посетившего Москву в 1963 году, передал письмо своей сестре Луизе на Кубань. Письмо он направил не через резидентуру, как было оговорено с ним, а по своим личным каналам. После возвращения из Нью-Йорка Калугин летом 1959 года встречался на Кубани с Луизой и, характеризовав брата как честного человека, договорился, что переписку с ним она будет вести через “надежных людей” в Москве, чтобы не навредить ему как американскому гражданину. При задержании этого друга в Москве с русским гомосексуальным партнером письмо попадает в 7 отдел Второго главного управления КГБ к Носенко, а затем оно было передано по запросу в ПГУ. Носенко, который в феврале 1964 года изменил Родине, сообщил якобы об этом письме ЦРУ.

Калугин с июня 1960 года находился в долгосрочной командировке в Нью-Йорке и работал под прикрытием корреспондента Московского радио, не имея дипломатического иммунитета. Пытаясь избежать провокаций после предательства Носенко, ПГУ срочно возвращало из всех резидентур сотрудников, которых он знал. В числе шести работников нью-йоркской резидентуры, отзываемых в Москву, оказался и Калугин, так как в Центре предполагали, что Кук известен Носенко в связи с письмом к сестре, и мог в процессе расследования рассказать ФБР о своей вербовке в 1959 году и причастности к ней Калугина. В марте 1964 года по указанию Центра Калугин с семьей вылетел в Союз.

Командировка закончилась неудачно. Отзыв из-за границы по такому мотиву мог положить конец его карьере в разведке или ее притормозить, во всяком случае, сделать его надолго невыездным, как это случалось со многими сотрудниками в то время.

Находясь в Нью-Йорке, Калугин стал вице-президентом ассоциации журналистов, аккредитованных при ООН, завел интересные связи, в том числе с одним из родственников Рокфеллера. Пытался, но неудачно, организовать курсы секретарш для молодых женщин, предполагая после вербовки внедрять их в интересующие разведку организации. Его информация по политическим вопросам оценивалась положительно.

Москва встретила Калугина с женой Людмилой и двумя дочерьми, одна из которых родилась в Нью-Йорке и по законам США могла в любое время получить американское гражданство, серыми хрущевскими пятиэтажками, в одной из которых они купили кооперативную трехкомнатную квартиру. Протекающие отопительные батареи и краны, неприглядные обои, кухня, вмещавшая с трудом двух человек, и вдобавок ко всему служба с неясными перспективами на Лубянке как “сгоревшего” из-за Носенко работника, — все это возвращало к мечте о “желанном Нью-Йорке и свободном воздухе Америки”. Так он описывает в книге свои впечатления по возвращении домой.

Но не все в жизни оказалось так ненастно. Вскоре установили, что Калугин не известен Носенко, и решили направить его, уже как подающего надежды работника, на весьма престижные курсы УСО при 101 школе, на которых обучалось ежегодно 25–30 наиболее перспективных сотрудников разведки.

В этом же году он был награжден орденом “Знак Почета” за выполнение боевого задания — вербовку Кука. Получение награды за конкретные оперативные успехи за границей всегда расценивалось коллегами как бесспорное достоинство работника.

В феврале 1965 года Калугина, слушателя факультета УСО, неожиданно вызвали на Лубянку на встречу с Борисом Соломатиным. Она определила дальнейшую карьеру Калугина в разведке. Соломатин, будущий резидент в Вашингтоне, подбиравший себе достойную команду, предложил стать его заместителем по линии ПР. От такого предложения никто не отказывался. Должность по прикрытию соответствовала его квалификации — пресс-атташе в ранге второго секретаря посольства СССР в США. С его согласия он был снят с обучения на курсах УСО. В июле 1965 года вместе с семьей вылетел в Вашингтон.

Кук в Москве

Незадолго до этого Калугину от друзей в КГБ, как он пишет в своей книге, стало известно о том, что завербованный им Кук находится в Москве. Он якобы узнал, что ФБР, получив от Носенко информацию об интересе ПГУ к письму Кука сестре, осенью 1964 года начало его допрашивать в связи с подозрением в шпионаже в пользу СССР. ФБР вроде бы не имело каких-либо фактов причастности Кука к советской разведке, кроме наводки Носенко, и пыталось своими обычными методами — допросами, угрозами ареста, психологическим давлением добиться его признания. Кук, опасаясь разоблачения, срочно обратился к адвокату, который посоветовал выехать на какое-то время из США. Он рекомендовал вылететь во Францию рейсом авиакомпании “Эр Франс”, так как французы при президенте Де Голле не разрешали просматривать выездные документы пассажиров своих авиалиний американцам. В Париж Кук вылетел с женой, взяв с собой несколько ценных картин и деньги. Там он обратился в советское посольство, где рассказал, что сотрудничал с советской разведкой в Нью-Йорке, попал под подозрение контрразведки и был вынужден бежать.

После подтверждения этой информации его самолетом направили в Москву. КГБ определил Кука на жительство и устроил на работу на один из московских химических заводов. Однако он не смог или не хотел воспринять новый для него образ жизни и из-за конфликтов с дирекцией завода спустя несколько лет уволился. Его трудоустроили в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), где с 1961 года работал известный разведчик из числа “кембриджской пятерки” англичанин Дональд Маклин, а в 1974 году к нему присоединился не менее знаменитый Джордж Блейк.

Но прервем на время рассказ о Куке.

Калугин в вашингтонской резидентуре

Калугин осваивал новую работу в Вашингтоне. Одновременно с ним в 1965 году в резидентуру приехал новый заместитель по линии КР Николай Попов. Резидент Соломатин настойчиво требовал от подчиненных активизации деятельности по всем направлениям. Как всегда, успех и неудачи идут рука об руку. На первых порах пришлось вынести горечь поражений — два сотрудника резидентуры попались на подставах и были выдворены из страны. Но работа постепенно налаживалась.

В марте 1966 года для вербовки Артамонова-Шадрина из Москвы в резидентуру прибыл сотрудник американского направления службы внешней контрразведки ПГУ Игорь Кочнов. Читатель помнит, что Кочнов стал предателем под псевдонимом Китти Хок и предложил ЦРУ свою комбинацию с подставой Артамонова. ЦРУ согласилось, и Артамонов-Шадрин стал двойным агентом Ларком. Резидентура рапортовала в Центр об успешной вербовке. Наконец-то удалось сделать прорыв в неудачах — Ларк рассматривался как ценное приобретение для дальнейшего проникновения в ЦРУ и РУМО.

Но лишь спустя тридцать с лишним лет, можно с уверенностью говорить, как в действительности развивались события весной 1966 года в Вашингтоне. Для этого нужно было располагать достоверной информацией о следующем:

— обстановка в ЦРУ в связи с поисками советских “кротов” управлением контрразведки во главе с Энглтоном;

— взаимоотношения ЦРУ с предателями Голицыным, Носенко и другими;

— предательство Кочнова и его предложение ЦРУ по Ларку;

— подстава Ларка и данные об исходе его вывода в Союз;

— методы и способы разработки ФБР лиц, подозреваемых по шпионажу;

— вербовка Калугиным Кука в 1959 году и последующие события с ним в Москве;

— и, наконец, надо лично знать Калугина именно в период его работы в Вашингтоне.

Кроме того, должна была быть написана книга “Первое главное управление”, в которой Калугин, излагая свои размышления и ощущения в связи с происходившими событиями и многие искаженные и неискаженные конкретные оперативные дела, волей-неволей предоставляет читателю широкое поле для анализа и выводов. Без книги вряд ли можно было уверенно сказать о некоторых деталях его шпионской работы. Значительной части этой информации в конце 50-х и в середине 60-х годов не существовало, она рождалась постепенно, окончательно сложившись только в 1994 году после появления книги.

Итак, еще о Ларке. Предложение Кочнова подставить Ларка резидентуре было рассмотрено и принято ЦРУ и ФБР в удивительно короткий срок. Они поверили в искренность

намерений Кочнова и организовали “вербовку” Ларка в течение лишь одного неполного месяца. Причина причастности ЦРУ к этой операции читателю ясна — Ларк являлся аналитиком РУМО и ЦРУ, и, как консультант и агент, находился на контакте в управлении контрразведки Энглтона. ФБР участвовало в этом деле только на начальном этапе, так как занималось контрразведывательными операциями против нашей резидентуры и Кочнов был их объектом.

Вашингтонская резидентура готовила вербовку Ларка с 1965 года и необходимые подготовительные мероприятия были полностью отработаны линией КР к началу 1966 года: установлено местожительство Ларка, место работы, марка автомашины (Фольксваген-жук салатового цвета), маршруты движения на работу, магазины, которые он вместе с женой или один посещал по выходным дням, удобные места для вербовочного подхода и все другое, что необходимо знать для успеха операции. Эту весьма трудную и кропотливую работу, ошибки в которой могли привести к провалу вербовки с последующими неприятностями для резидентуры, можно сказать, ювелирно выполнили Виктор Андрианов и Константин Зотов. Для доказательства такой оценки можно лишь добавить, что здание аналитического подразделения РУМО, где работал Ларк, находилось в центре столицы рядом с оперативным подразделением ФБР, которое вело наружное наблюдение за сотрудниками посольства. Андрианов также осуществил выброску Кочнова к месту вербовки. Зотов, контролировавший безопасность в районе вербовочного подхода, рассказывал мне осенью 1966 года:

— Ларк на первых секундах обращения к нему Кочнова в продуктовом магазине в Арлингтоне испугался и отскочил от него на несколько метров вбок, схватился за нож, но затем быстро успокоился и согласился на беседу. Они вместе прошли в небольшой ресторан вблизи торгового центра. Моя помощь не потребовалась, и я вернулся в резидентуру, чтобы доложить о благополучном подходе резиденту. При их разговоре никто из нас не присутствовал.

Кто знал о вербовке Ларка?

Возникает вполне обоснованный вопрос: могло ли ЦРУ и ФБР поверить в искренность Кочнова в столь короткий срок? Он выдал им данные по личному составу резидентуры, новые материалы по Саше, наводки на агента ПГУ — армейского майора и, конечно,

еще что-то нам не известное. Важную информацию выдавал также Носенко в 1962 году в Женеве и после побега в 1964 году, но ему не поверили, и почти пять лет продержали в тюрьме в тяжелых условиях. Более того, предателю разведчику-нелегалу Логинову (его историю не описываю, полагая, что примеров на эту тему достаточно) ЦРУ вообще не поверило и выдало его КГБ через правительство ЮАР. Около года ЦРУ и МИ-6 возились с Пеньковским, прежде чем поверить его желанию стать предателем и выйти на него для вербовки. Имеются и много других примеров, говорящих о том, что ЦРУ в подобных случаях действует всегда весьма недоверчиво, постоянно сомневается и только при получении проверенной информации от других источников идет на рискованный шаг. Но в случае с Кочновым оно решилось всего лишь за один неполный месяц! Почему в разгар крайней подозрительности и поиска советских “кротов” так быстро было принято это решение?

Ответ только один — в течение марта 1966 года была получена достоверная информация, подтверждающая, что Кочнов истинный предатель. Ее мог предоставить агент ЦРУ или ФБР из числа советских разведчиков, знавших об оперативной цели приезда Кочнова в резидентуру. Существовало только два возможных места нахождения такого источника — американское направление службы внешней контрразведки Центра, командировавшей Кочнова в Вашингтон, и резидентура, четыре сотрудника которой знали о вербовке Ларка.

Даже если предположить наличие американского агента в Москве, то получение от него информации в столь короткий срок нереально — слишком мало времени для срочного вызова резидентурой в Москве агента на личную встречу или передачи ему задания через срочный тайник и получения ответного сообщения. Подобная операция с учетом сложной для резидентуры ЦРУ в Москве оперативной обстановки заняла бы более месяца. Таким образом, остается второе — резидентура КГБ. Кто в ней знал об истинной цели командировки Кочнова в марте 1966 года? Вопрос не сложный. Естественно, знали резидент Соломатин, его заместитель по линии КР Попов, сотрудники линии КР Андрианов и Зотов, и сам Кочнов. Автор данной книги прибыл в резидентуру 6 июня 1966 года, принял на связь Ларка в ноябре и не знал о подготовке и проведении вербовки, хотя работал вместе с Кочновым в американском направлении в Центре. Но так должно было быть согласно правилам конспирации, а в реальной жизни этого часто не получается.

Оказалось, что о вербовке Ларка был полностью осведомлен

заместитель резидента по линии ПР Калугин, не имевший в то время никакого отношения к линии КР. Соломатин, как было известно мне и другим сотрудникам резидентуры, фактически нарушая правила безопасности, обсуждал оперативные дела всех линий работы резидентуры со своим заместителем. Причину этого он никому не объяснял и у него никто об этом не спрашивал. Все исходили из того, что Калугин пользуется особым доверием и расположением Соломатина. Многие предполагали, что возможно с согласия Центра он готовит Калугина как свою замену.

Резидент Соломатин

Соломатин, будучи по характеру человеком довольно сложным, малопредсказуемым, подчас излишне жестким и даже грубым с подчиненными, нередко допускал в отношении Калугина различного рода унизительные высказывания. Но Калугин никогда не мог себе позволить как-либо этому воспрепятствовать, хотя бы обидеться или показать свое несогласие. Он также никогда не обсуждал с кем-либо поведение Соломатина. За все время довольно близких моих отношений с Калугиным он лишь один раз рассказал мне, как однажды Соломатин пригласил его с семьей в гости, но дверь не открыл и в квартиру не пустил. Калугин рассказывал об этом без всякого возмущения. Отношение Калугина к Соломатину в Вашингтоне я всегда характеризовал одним словом: пресмыкание. Оно очень точно определяло полное и безмолвное согласие Калугина на унижение Соломатиным. Как ни странно, но с Вашингтона началась их долголетняя дружба. Сущность Калугина, как безропотного слуги хозяина, отчетливо просматривалось в их отношениях. Соломатин, конечно, не понимал истинных причин пресмыкания перед ним Калугина и, вероятно, воспринимал его безропотное поведение как проявление достойного для себя уважения.

Однако надо отдать должное Калугину — ему это нужно было, и он сумел в определенной мере сохранить свое лицо среди многих, хотя и далеко не всех, сотрудников резидентуры. Во-первых, все понимали, что с резидентом шутки плохи и обострение отношений ни к чему хорошему не приведет. При этом резидент искренне требовал профессиональной работы и критика, пусть подчас и излишне жесткая, воспринималась многими сотрудниками без обиды. За ошибки, лодырничество, небрежность каждый считал себя виноватым и не особо возражал

против даже грубостей в свой адрес, хотя и не хотел их получать. Я тоже на первых порах руководства линией КР не раз испытал на себе недовольство резидента моими или других сотрудников просчетами в оперативной работе. Воспринимал его нелестные замечания в большинстве случаев как справедливые и не считал себя оскорбленным. Он после жесткого разговора никогда не таил "камня за пазухой". Были недочеты и у Калугина. Все видели, что он значительно больше других проводил время в кабинете резидента, неизмеримо больше получал замечаний, в том числе и за других, и больше других их терпел.

Во-вторых, Калугин, заместитель резидента, редко выступал перед оперативными работниками линии ПР как их начальник. Даже исполняя обязанности резидента во время длительного нахождения Соломатина в Москве в 1968 году, вел себя как первый среди равных, не допуская в адрес оперативного состава начальственного тона, всегда оставаясь ровным в поведении, выслушивал мнение другого. При этом никогда не противопоставлял себя Соломатину.

Кто же из этих лиц мог передать ЦРУ информацию о Кочнове? Резидент вне подозрений. Вся его жизнь и работа подтверждают это — заместитель начальника ПГУ, резидент в Нью-Йорке, Риме являлся и до сих пор является носителем важных государственных секретов. Его заместитель по внешней контрразведке Попов успешно работал в Австрии, Германии, имел на связи ценную агентуру. Оба они прошли Великую Отечественную войну. Сотрудник линии КР резидентуры Зотов — работал с агентурой, затем заместитель резидента по линии КР в Лондоне, выдворенный англичанами из страны. Андрианов — агентурист, подготовил в Дели вербовку сотрудника ЦРУ, затем резидент и заместитель начальника секретнейшего управления в разведке — Управления "С". Все они своей работой наносили ущерб противнику. Известно, как Кочнов стал предателем. Остается один — Калугин. Очевидно, что именно он подтвердил ЦРУ то, что Кочнов прибыл в резидентуру с заданием не внедряться в американскую разведку, а вербовать Артамонова-Шадрина. Вывод представляется бесспорным. Сам Калугин в своей книге, рассказывая о деле Ларка, не скрывая, пишет: "В предательство Кочнова Энглтон сначала не поверил". В действительности, он мог поверить Кочнову и пойти на подставу Ларка только при наличии достоверного подтверждения истинности предательства Кочнова.

Начальник службы внешней контрразведки

Калугин, возвратившись после окончания командировки в феврале 1970 года в Москву, по рекомендации Соломатина, ставшего к этому времени заместителем руководителя разведки, назначается заместителем начальника Службы внешней контрразведки ПГУ, а в 1973 году опять-таки с помощью друзей становится ее начальником.

Следует отметить весьма важный момент в поведении Калугина во время работы во внешней контрразведке. Он постоянно пытался внушить своему близкому окружению и оперативному составу, и не безуспешно, мысль о том, что он "любимец" Андропова и пользуется его особым покровительством.

Юрий Андропов, весьма влиятельный политический деятель, как известно, являлся председателем КГБ СССР с 1967 по 1982 год, и после смерти Леонида Брежнева возглавил советское государство. Калугин в книге утверждает, что смог достичь столь высокого положения в разведке только в силу своего умения установить с Председателем "отношения отца и сына". Он пытается, как это делал и в советской разведке, убедить читателя в особом расположении к нему Андропова, называя того своим "ангелом-хранителем" и приписывая ему слова о полном доверии к Калугину. Но, как покажут дальнейшие события, его мнение умышленно некорректное. Калугину очень хочется, и это желание проходит через всю книгу, чтобы в первую очередь ЦРУ, а затем и простые читатели поверили в создаваемый миф. Цель банальная — ЦРУ заплатит больше долларов агенту, так близко стоявшему к ценнейшему источнику информации, а американский читатель как налогоплательщик вполне оправдает материальные расходы на его содержание. Между прочим, американцам было бы интересно узнать, на сколько десятков миллионов долларов, выданных Калугину ЦРУ в том числе и по этим придуманным основаниям, он уменьшил социальные программы для налологоплательщиков.

Андропов, как считают его современники, в оценке людей был человеком принципиальным, даже в определенной степени жестким, и всегда руководствовался интересами государства. Эмоции в отношении принимаемых им решений отсутствовали. Он исходил из здравого смысла и справедливости. У него не могло быть и не было любимцев. Он, зная неспособность тогдашних советских политических лидеров вывести страну из состояния нарастающей стагнации, имел одну цель — придти к власти и сохранить Советский Союз. Калугин занимал в мыслях Председателя одно из последних мест и не мог быть "любимцем". Факты и очевидцы свидетельствуют, что Калугин с 1974 по 1979

год принимался Председателем редко, и ни разу один на один. Он же в своей книге пытается убедить в обратном.

Кук в тюрьме

Теперь продолжу повествование о Куке. Однажды в середине 1978 года в кабинете начальника Управления внешней контрразведки ПГУ генерал-майора Калугина в Ясеневе раздался звонок прямого городского телефона. В трубке послышался голос старого приятеля по Московскому радио, работавшего в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Он рассказал, что по словам Дональда Маклина, один из научных сотрудников института, бежавший из США в связи с обвинением в шпионаже в пользу СССР, находится под следствием в Московском управлении КГБ по подозрению в незаконной торговле валютой и спекуляции предметами искусства. Он назвал фамилию Кука. Для Калугина, якобы не видевшего Кука с 1959 года и редко вспоминавшего о нем, это сообщение прозвучало более чем неожиданно. Приятель, по словам Калугина, настойчиво попросил “срочно переговорить с кем нужно в УКГБ и разобраться, что происходит с Куком, который высоко ценится в институте, как способный и продуктивный ученый”.

Калугин не решился позвонить начальнику УКГБ Виктору Алидину, зная его как работника, который не станет обсуждать с ним дела своего управления. Он набрал номер телефона одного из заместителей Алидина и, сказав, что знает Кука, просил информировать его, начальника внешней контрразведки, о причинах проведения следствия. Но в ответ получил ответ, который его удивил и озадачил. Не очень вежливым голосом, не соответствующим служебному положению Калугина, ему было твердо сказано:

— Мы не рекомендуем вам вмешиваться в это дело. Ваше управление не имеет к нему никакого отношения.

Калугин понимал, что происходящее с Куком — угроза прежде всего ему, Калугину. Он остро почувствовал пока неясную, но растущую тревогу появления острой опасности и желание поскорее избавиться от нее. Ему нужна была правдивая информация о том, что же случилось с Куком. Может быть, что-то сумеет выяснить о нем у Бориса Иванова, хорошо знакомого с делом агента Кука в бытность свою резидентом в Нью-Йорке в 1962-64 годах, а сейчас первого заместителя начальника разведки? Иванов, как оказалось, слышал о следствии и, не

вдаваясь в подробности, посоветовал ему “не вникать в это дело и оставить все как есть”.

Калугин якобы последовал совету Иванова и старался забыть о Куке:

— Кто знает, что могло произойти с Куком с тех пор, как я впервые его встретил. Если он действительно нарушил закон, то должен отвечать. Я последовал совету Иванова и старался выкинуть его из своей памяти.

Но в действительности все происходило не так. Неожиданное известие о Куке и категорический отказ Московского управления КГБ дать какую-либо информацию вызвало сильное беспокойство, нарушило привычный ритм жизни и заставило постоянно прорабатывать в мыслях возможные варианты своего провала, искать выход из критического положения. Он принял решение — выяснить истинные причины разработки и ареста Кука. Однако, чтобы все выглядело правдоподобно, нужно было не торопиться и действовать как бы не по своей инициативе, а в силу сложившихся случайных обстоятельств. Их следовало осторожно и незаметно создать. Обращаться в московское управление еще раз опасно. И он решил действовать окольными путями.

По мнению Калугина, было бы весомо, если в защиту Кука выступят известные и уважаемые в разведке Ким Филби, Дональд Маклин и Джордж Блейк, каждый из которых по-своему знал его как американца, находившегося в Москве из-за преследования ФБР. Используя свое служебное положение и интерпретируя в своих целях телефонный разговор со своим знакомым в ИМЭМО, Калугин по отдельности встретился с ними и пытался убедить каждого, что арест Кука инспирирован Московским управлением КГБ, агентура внутренней контрразведки спровоцировала его на нарушение закона о валютных операциях и он невиновен. Просил их выступить в защиту Кука.

В ответ, например, Блейк заявил, что полностью доверяет советским органам госбезопасности, не согласен с Калугиным в оценке их действий по Куку. Такой же точки зрения придерживался и Филби.

Маклин же, близко знавший Кука по совместной работе в институте и отличавшийся весьма мягким характером, рассказал Калугину, что Селена уже обращалась к нему с аналогичной просьбой. Она сообщила Маклину, что во время следствия московские чекисты интересовались взаимоотношениями Калугина и Кука в Москве, их первой встречей в Нью-Йорке, пытались добиться добровольного признания в шпионаже в пользу США и даже показаний в причастности к нему Калугина. Маклин высказал сомнение в этих обвинениях, и Калугин, как бы

поддерживая его, убедил в необходимости защитить Кука. Он предложил Маклину встретиться с Селеной, договориться, чтобы она написала Калугину письмо, в котором рассказала обо всем этом, а Маклин со своей стороны послал письмо в защиту Кука начальнику разведки Владимиру Крючкову.

Маклин исполнил просьбу и весной 1979 года передал ему письмо от Селены. Кук к этому времени был осужден на семь лет и отбывал наказание в одном из лагерей в Сибири. Она писала, что на допросах мужа в Лефортовской тюрьме его “безосновательно подозревали как американского шпиона”. Следователи настойчиво интересовались деталями первой встречи Кука с Калугиным в Нью-Йорке: “Они не могли поверить, что это была случайная встреча, и хотели знать, как мы нашли вас”. Из письма Калугину стало ясно, что Кука не смогли уличить в шпионаже и засадили в тюрьму за валютные операции. Такое осуждение Кука устраивало — он явно опасался своего разоблачения, и отсидка за уголовщину сохраняла ему жизнь.

Подозрения Андропова

На Калугина письмо произвело удручающее впечатление. Он понял, что попал вместе с Куком по неизвестным причинам под серьезное подозрение в шпионаже. Он решил обратиться напрямик к своему “покровителю” Андропову, предполагая, что тот в курсе происшедшего, и мог бы решить этот вопрос каким-то образом в пользу Калугина. Надо сказать, что данный шаг Калугина явился настолько ошибочным и роковым для него, что позволяет сделать трудноопровержимый вывод о его просчете как профессионального разведчика, переоценке своих способностей и, как свойственно подобным личностям, недооценке противника.

Переписка Кука с женой велась, как они двое предполагали, по нелегальному каналу, и поэтому излагали свои мысли “открытым текстом”. В действительности же канал был создан контрразведкой, и вся переписка с самого начала негласно контролировалась. В одном из писем Кук сообщил жене, что помочь ему сможет “только студент” — так он условно назвал Калугина.

Маклин, выполняя договоренность с Калугиным, написал письмо Владимиру Крючкову с просьбой ходатайствовать перед Андроповым о пересмотре дела Кука. Калугин, в свою очередь, обратился к Андропову через своего непосредственного руководителя Крючкова с просьбой о помиловании Кука, одновременно настаивая признать подозрение в шпионаже

безосновательным.

Здесь следует отметить, что с момента возникновения подозрений в отношении Калугина еще во время разработки Кука все материалы докладывались Андропову — слишком велика опасность иметь действующего агента ЦРУ во главе важнейшего управления разведки.

Андропов согласился вновь заняться делом Кука, хотя это противоречило сложившейся в КГБ практике, и должно было насторожить Калугина — принятое решение без вновь открывшихся обстоятельств не пересматривалось. Он не смог разгадать тонкой уловки главы КГБ, который, как видно, хорошо его понимал и правильно рассчитал, что Калугин может в состоянии безысходности совершить ошибку и невольно дать ответы на многие неясные вопросы. Однако сам Калугин в книге утверждает, что решение Председателя явилось шагом, предоставлявшим ему возможность, как необоснованно заподозренному московскими контрразведчиками во главе с Алидиным, опровергнуть подозрения в свой адрес.

Приняв Калугина у себя в кабинете, Андропов дал ему указание изучить уголовное дело на Кука и доложить свое мнение. Объемистые тома легли на стол Калугина. Из них он понял, что с Куком в Москве поддерживались агентурные отношения, и в последние годы он стал разрабатываться Московским УКГБ по шпионажу в пользу США. Его подозревали в том, что он двойной агент и по заданию ЦРУ вошел в сговор с Калугиным в Нью-Йорке в 1959 году. Переданные им технология производства твердого ракетного топлива и его образец, как было установлено советскими учеными и определено промышленностью уже в 1966 году, оказались ложным путем, тупиковым вариантом и привели к ущербу в размере 80 миллионов рублей. Для того времени весьма значительная сумма. В делах имелись протоколы допроса, из которых было видно, что следователи настойчиво интересовались отношениями Кука и Калугина, деталями их нью-йоркской встречи.

Однажды, в процессе разработки, к Куку был направлен под видом курьера ЦРУ агент КГБ, заявивший ему о том, что он “не выполняет задание ЦРУ, уклоняется от встреч и, вероятно, забыл свои обязанности”. Кук “курьеру” не открылся, но и не доложил о нем оперативному работнику, у которого находился на связи. Подозрения контрразведчиков усилились.

Однако получить доказательства, которые могли бы быть использованы судом, о принадлежности Кука к агентуре ЦРУ в процессе следствия не удалось. Как оказалось, Кук продал привезенную им из США картину Кандинского за доллары и при

обмене их на “черном рынке” на рубли был взят с поличным. В соответствии с действующим законодательством за это и был осужден.

Калугин полагал: Председателя можно убедить, что операции с картиной и валютой являлись провокацией оперативников Алидина из-за их бессилия доказать виновность Кука в шпионаже. Жена Кука пострадала в автомобильной аварии и нуждалась в проживании на свежем воздухе. Денег на покупку дачи под Москвой у них не хватало, и они решились на такую противозаконную сделку. Этой ситуацией и воспользовались якобы московские контрразведчики, подставив Куку свою агентуру, которой он продал картину и валюту.

С таким мнением Калугин отправился к Андропову, прекрасно осознавая, что вынужден защищать Кука, чтобы защитить себя. Он частично допускал, что это может быть понятно и Андропову. Аргументы в беседе с Председателем были мало весомые, но других просто не существовало:

— Кук не может быть шпионом. Зачем шпиону нарушать закон и попадать в тюрьму из-за 15 тысяч рублей? ЦРУ дало бы ему любые деньги. Такие поступки со стороны агентуры ЦРУ невозможны, — говорил Калугин, пытаясь убедить главу КГБ в невиновности Кука.

Неожиданное решение Андропова просто поразило Калугина:

— Доставьте Кука из лагеря в Москву и допросите его лично. Посмотрим, сможете ли вы получить его признание в том, что он шпион? — подчеркнул Председатель.

— В этом нет никакого смысла. Он не шпион, — возражал Калугин.

Но Председатель, не скрывая своего раздражения, и следуя заранее принятому и обдуманному решению, закончил краткий разговор словами:

— Делайте как я говорю!

Летом 1979 года Кука самолетом доставили в Лефортовскую тюрьму. Для Калугина сложилось крайне опасное положение. Цели Председателя КГБ и Калугина в деле Кука оказались противоположными. Андропову нужно было признание Кука, он был полностью убежден в его принадлежности к агентуре ЦРУ, а Калугину — доказать Андропову, что Кук не американский агент и осужден в результате провокационных действий Московского УКГБ. Андропова интересовал вопрос о получении доказательств или, в крайнем случае, косвенных свидетельств о том, что Калугин либо знал о подставе ему Кука и пошел на это сознательно, будучи завербованным ФБР или ЦРУ, либо, не являясь их агентом, использовал подставу в карьерных целях. О

том, что Кук был агентом ЦРУ, сомнений у Андропова не было. Подозрения существовали в отношении Калугина. Такой ход мыслей Андропова Калугин не мог предвидеть, хотя, по его словам, предчувствовал, что все его усилия по Куку закончатся в лучшем случае полным крахом карьеры в КГБ. Главная цель сейчас — уйти от разоблачения, сохранить свою жизнь.

Еще теплилась, вернее, где-то внутри вспыхивала и сразу же угасала легкая, но очень желанная надежда — не смогут знавшие его люди, в том числе и Андропов, серьезно поверить в возникшие подозрения. Но следовало сделать так, чтобы Кук при встрече в тюрьме, а затем в лагере, где он будет наверняка окружен агентурой, действительно не сознался. Для этого Калугин вынужден был пойти на весьма рискованный шаг — перед поездкой на встречу с Куком прикрепил под пиджаком портативный диктофон, чтобы записать беседу. Расчет по замыслу был прост, но не легок в исполнении — нажимая кнопку включения диктофона, одновременно незаметно подать Куку сигнал, чтобы он понял, что следует молчать, а в случае, если сигнал зафиксируют, то сказать в оправдание — включал запись. Калугин был вынужден впервые, почти открыто совершить действие, которое, если будет замечено, косвенно свидетельствовало бы о его принадлежности к шпионажу. Он прекрасно понимал, что встреча будет негласно снята на кинопленку и беседа записана, но другого выхода не было. Он надеялся на удачу. Кук, не являясь профессиональным сотрудником спецслужб, действительно мог заговорить, предположив хотя бы, что все, происшедшее с Калугиным с самого начала, было игрой и контролировалось КГБ. Он знал, что Калугин занимает высокое положение в советской разведке и является генералом.

Примерно этих действий Калугина ждал Председатель. Он редко ошибался, не ошибся и в этот раз.

Беседа Калугина с Куком состоялась в одном из тюремных помещений для допросов. Когда Кука ввели, то он сначала не узнал Калугина, но после обращения к нему по имени признал его, сделал пару шагов навстречу и с радостью воскликнул:

— Олег, ты ли это? — В ответ Калугин указал на стул и официальным тоном продолжил:

— Садись и успокойся. Я рад тебя видеть, но предпочел бы встретить тебя на свободе. Почему ты пошел на преступление?

В этот же момент, нажимая кнопку записи диктофона, он подал Куку указательным пальцем той же руки вполне понятный знак — ничего не говори о нас, я с тобой. Кук все понял. Далее разговор коснулся деталей продажи картины, валюты и прочих не

столь важных для читателя подробностей. Из всего разговора следует отметить то, что Кук назвал Калугину настоящую причину его осуждения — подозрение в шпионаже. Более того, он заявил:

— Они обвиняли меня в шпионаже и пытались поймать тебя, настойчиво спрашивая, как и по чьей инициативе мы впервые встретились в Нью-Йорке.

Кук рассказал далее о версии следователей, по которой Калугин якобы участвовал в операции ЦРУ по его подставе. Как бы выполняя приказ Андропова получить признание Кука в шпионаже, Калугин заявил, что ему лучше признаться и в этом случае не придется отбывать все восемь лет в тюрьме. Ему значительно уменьшат срок. Кук, конечно, горячо возражал, и в конце концов отказался от продолжения беседы. Уходя из камеры, Калугин заявил, что в КГБ существуют разные точки зрения на его дело:

— Я верю тебе, но система против тебя. Я доложу об этом разговоре Председателю Андропову. Он лично заинтересовался твоим делом. Я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе. Но ты должен знать, что я не всесилен. Возможно, я смогу освободить тебя позднее. Сейчас я не знаю.

Они расстались. Через несколько дней Калугин письменно изложил беседу и доложил ее содержание Крючкову. Спустя два дня Крючков вызвал Калугина и заявил ему, что Андропов, прочитав его сообщение, просит его еще раз побеседовать с Куком. Причина такого решения объяснена не была. Стало понятно, что сигнал, поданный им Куку на первой беседе, был зафиксирован. Для возбуждения следствия и ареста все-таки одного этого факта было недостаточно — Калугин бы его не признал. Но повторение аналогичного сигнала дало бы основание официально расследовать его сговор с Куком. Председатель мог санкционировать его арест.

Попытка Калугина доказать Крючкову бесполезность новой встречи успеха не принесла, и он вновь поехал в Лефортово. Встреча продлилась не более пяти минут. Калугин сразу же сказал, что его руководители не удовлетворены ответом Кука, они якобы имеют серьезные основания предполагать, что он является шпионом. В ответ Кук, имитировав истерику, отказался продолжать разговор, заявив, что он отбудет весь срок наказания, но никогда не признает подобных обвинений.

— Я попытаюсь еще раз убедить моих руководителей в том, что они не правы по отношению к тебе. Надеюсь, ты понимаешь мое положение, — сказал Калугин, выходя из тюремного помещения. Кук с ним согласился. Вторичного сигнала Куку он не

подавал, в этом не было необходимости. Кук правильно понял Калугина на первой встрече.

Для Калугина цель операции КГБ в Лефортово стала понятна немного позднее, но он сумел решить свою главную задачу — показать Куку, что КГБ не располагает доказательствами о принадлежности его и самого Калугина к американским спецслужбам, и осуждение за уголовщину только подтверждает это. Куку нужно молчать и отбывать срок. А Калугин понял, что сейчас его арест как американского шпиона невозможен из-за отсутствия улик. Он хорошо знал, что Председатель КГБ не нарушит закон. Но для Алидина, Андропова и Крючкова с этого времени стало ясно, что Калугин агент американской разведки и его следует брать в глубокую разработку. Нужно получать доказательства.

Для понимания чувства внезапно возникшей опасности и крайне рискованных действии по выходу из этой ситуации весьма характерны следующие слова, сказанные Калугиным в 1992 году в предисловии к русскому изданию книги “КГБ” другого предателя — Олега Гордиевского:

> *— …вовсе не означает, что шпионы, — отпетые мерзавцы и бесталанные твари, не умеющие или не желающие зарабатывать хлеб насущный. Скорее напротив: жить многие годы двойной жизнью, постоянно ходить по острию ножа, носить личину лояльного гражданина и добропорядочного семьянина, аккуратно исполнять указания одного начальника и тут же тайно бежать с докладом к другому — дело непростое, требующее не только крепкого психического здоровья, но и незаурядных актерских способностей, дара перевоплощения, в котором виртуозный обман венчает все усилия.*

Ужасные слова!

Но как все-таки развивались события с Куком в Нью-Йорке? После отъезда Калугина в 1959 году в Союз, Кук до весны 1964 года находился на связи в резидентуре, но затем из-за предательства Носенко в целях его безопасности работу с ним прекратили. В конце 1964 года, якобы попав под расследование ФБР, он сумел тайно вылететь в Париж, не поставив резидентуру в известность. Возникает вопрос: так ли было на самом деле? Ответ может быть только один: нет, так быть не могло. Хорошо известная и изученная практика ФБР по разработке лиц, подозреваемых в шпионаже, позволяет с весьма высокой степенью вероятности установить, что Кук не был в разработке и не

подвергался допросам ФБР. Его побег в Союз был организован ФБР, являлся легендой и преследовал определенные цели. Об этом свидетельствуют следующие факты: по всем канонам процесса разработки ФБР, да и просто по логике контрразведывательной работы Кук, как предполагаемый агент советской разведки, должен был сначала разрабатываться негласными методами. Примерно так же, как, если читатель помнит, разрабатывались Орлов и его сыновья. На негласную разработку сыновей «Саши», прежде чем перейти к открытым допросам, ФБР затратило три года и решилось на это лишь не получив ничего из того, что могло бы свидетельствовать об их причастности к советской агентуре.

Кук стал открыто допрашиваться в сентябре-октябре 1964 года. На негласную разработку ушло всего шесть-семь месяцев, если считать, что Носенко выдал данные о письме к сестре в начале марта и ФБР сразу же взяло Кука в активную проверку. По этой причине он обратился якобы к адвокату. Да, согласно американской практике, он действительно должен был это сделать, но лишь тогда, когда ему стали известны официальные мотивы допросов ФБР. Так же поступал Карлоу и другие, подвергавшиеся открытым допросам и знавшие об обвинениях. Кроме того, выезд из США втайне от ФБР, когда подозреваемый берется под жесткое и почти открытое наружное наблюдение, вряд ли мог состояться. Он должен был от него избавиться, но Кук об этом и не вспоминает. Он якобы скрылся, захватив с собой картины и сняв деньги со счета в банке. Таким образом, в негласной разработке, которая является в ФБР обязательной первой стадией этого процесса, Кук не находился. Но он и не мог в ней находится, так как в этом случае невозможно было бы и для ФБР выстроить легенду вылета в Париж, а затем в Москву.

Но зачем нужно было выводить Кука в Москву? Ответ вполне ясен — исключительно для прикрытия Калугина. ФБР было известно, что Калугин вместе с другими сотрудниками в начале 1964 года отозван из Нью-Йорка из-за того, что Носенко дал материалы об интересе ПГУ к его сестре Луизе. Именно это якобы явилось для Кука причиной допросов и побега из страны, о чем он рассказал в Москве. По легенде, построенной ФБР, Кук должен был уехать или находиться длительное время в разработке. Кроме того, при опросе Кука в Москве, который длился свыше года, он рассказал, что сотрудники ФБР показывали ему несколько десятков фотографий советских работников в Нью-Йорке для опознания тех, с кем он якобы работал как советский агент. Как пишет Калугин в книге, Кук спустя двадцать с лишним лет, проживая в Москве после отбытия срока наказания, также

рассказал, но уже только ему, что во время допросов ФБР показывало в числе других фото Калугина и работников резидентуры, с которыми Кук встречался в Нью-Йорке. Он якобы старался не смотреть на них из-за опасения, что сотрудники ФБР заметят его беспокойство и догадаются об их отношениях. Кстати об этой встрече Калугин говорит только этими словами, постоянно подчеркивая, что виделся с Куком три раза в 1959 в Нью-Йорке, два раза в 1979 году в Лефортово и один раз случайно встретил на улице в Москве в конце 80-х, когда они обменялись лишь несколькими фразами.

Естественно, возникает другой вопрос: говорил ли Кук вообще что-либо в Москве о фото Калугина? Вырисовывается и ответ: нет, не говорил и только потому, что ему ФБР никаких фотографий не предъявляло. Так ли это? Давайте поразмышляем. Кук при опросе в Москве, если исходить из того, что он был честен с нами, обязательно рассказал бы о показе ему ФБР в 1964 году фото Калугина как сотрудника разведки, и это было бы сделано в интересах безопасности Калугина, к которому Кук относился с симпатией. В таком случае с Калугина не сняли бы подозрений в том, что он известен Носенко и как расшифрованного сотрудника не направили бы на курсы УСО, а затем в 1965 году в Вашингтон. И, тем более, начальник разведки Сахаровский в беседе с ним перед выездом не давал бы указаний о предпочтении работе “в поле” кабинетному сиденью в резидетуре, как об этом пишет Калугин в книге. Наоборот, главная задача вывода Кука в Москву состояла в том, чтобы убедить КГБ в отсутствии подозрений у ФБР о принадлежности Калугина к разведке с тем, чтобы он мог выезжать за границу. Кук понял из вопросов ФБР, что оно располагает только наводкой Носенко и ничем более.

В книге возникает противоречие. С одной стороны Калугину надо показать, что он мог выехать в Вашингтон в 1965 году и у ФБР на него не было материалов, с другой — прямые допросы Кука в Нью-Йорке в 1964 году, предъявление фото именно того работника, который его вербовал, справедливо испугали его и заставили бежать в Союз, по-другому поступить он не мог — так Калугин во всяком случае пытается заставить думать читателя своей книги о причинах появления Кука в Москве, подкрепляя этим легенду его выезда из США.

Кук был направлен в Москву, скорее всего, без какого-либо задания по сбору информации и его не замыкали на резидентуру при посольстве. Можно, но с большим сомнением, предположить, что ему дали условия связи с Калугиным. Но в данном случае это не столь важно.

Теперь воссоздается картина предательства Калугина и подставы Кука.

Калугин где-то в 1958 году обратился по собственной инициативе в нью-йоркский контрразведывательный отдел ФБР и предложил стать его агентом. Для быстрой карьеры в советской разведке ему нужны оперативные достижения. Тогда еще не было лихорадки ловли “кротов”, ему сразу же поверили и решили использовать агента ФБР Кука, имевшего вполне достаточный опыт работы, прослеживавшийся еще от сотрудничества с немцами на территории СССР во время войны. Найти в Нью-Йорке ФБР для Калугина не представляло каких-либо трудностей — было наружное наблюдение, можно обратиться к нему или по телефонному справочнику найти адрес. Отделение ЦРУ в Нью-Йорке по справочникам не проходило, его расположение резидентуре КГБ было не известно. Калугин выбрал ФБР.

Как читателю уже рассказано в предыдущих главах, агентура ФБР из числа иностранцев при выезде за границу, как правило, передается в ведение ЦРУ. В данном случае, дело Калугина после его отъезда из Нью-Йорка могло быть передано во внешнюю контрразведку Энглтону для установления с ним связи в Москве. Но, как можно предположить, Калугин в целях своей безопасности на территории СССР работать отказывался. У него, конечно, имелись условия срочного вызова на связь сотрудников московской, а затем и ленинградской резидентур ЦРУ при возникновении особых ситуаций. Скорее всего, он ими пользовался очень редко и только в случаях крайней нужды. Например, после его перевода из Москвы в Ленинградское управление КГБ в 1979 году.

Последней служебной поездкой Калугина в западную страну была командировка в Финляндию весной 1979 года. Весьма показательны мысли, нагрянувшие на него при возвращении в поезде в момент пересечения советско-финской границы, о которых он откровенно пишет в книге:

— Перспективы возвращения в Москву, где все будут лепетать о пятилетнем плане и триумфе социализма, делали меня больным. Я внутренне ощущал, что какие-то большие неприятности ожидают меня …Меня одолевало тревожное предчувствие того, что я возвращаюсь не домой, а в тюрьму. Я чувствовал, что не увижу Запад многие годы.

В Хельсинки он встречался с американским отставным командиром атомной подводной лодки, ранее работавшим в ЦРУ, инициативно вышедшим на контакт с советской разведкой и пожелавшим за денежное вознаграждение передать информацию об атомном флоте США. Он получил от него ценную информацию

и пытался убедить его вернуться на работу в ЦРУ. В конце 70-х годов Калугин выезжал в краткосрочные командировки за границу много раз, большинство поездок было связано с проведением оперативных мероприятий. В Вене он опрашивал сотрудника ЦРУ Дэвида Барнетта и встречался с агентом из числа высокопоставленных работников американской военной разведки. В Софию, Прагу и Варшаву выезжал для решения конкретных оперативных дел. Внешне все выглядело благополучно и любой разведчик должен был быть вполне удовлетворен такой активной и плодотворной работой. Но, как признается он сам, тревожные мысли не покидали его в этот год. Можно сказать — не тревожные, а панические. Такое настроение у честно исполняющего свой профессиональный долг руководящего работника разведки вряд ли могло возникать без наличия на то серьезных оснований.

Еще не было Лефортова, но Кук уже отбывал срок наказания, и мысли о возможном его признании в шпионаже не оставляли Калугина ни на минуту. Вполне возможно предположить, что такие соображения разделили с ним и представители Лэнгли, с которыми он встречался в эту свою последнюю заграничную поездку в Хельсинки.

Странное стечение обстоятельств в судьбе Калугина: один из первых его выездов за границу после возвращения из США на встречу с ЦРУ состоялся в июне 1971 года, когда он встречал меня на пирсе в порту, и последний в 1979 году — в один и тот же город Хельсинки. Первый агент Кук, положивший начало его карьере в разведке, принес ему успех, а через двадцать лет он же — поражение.

Личные встречи людей ЦРУ с Калугиным, на которых он передавал информацию, проводились при его служебных выездах в западные страны. Примерно так же, как с Пеньковским. В июне 1971 года в Хельсинки он передал ЦРУ данные о том, что Ларк разоблачен как двойной агент.

Время для раздумий у ЦРУ было достаточно, чтобы решить, как теперь поступать с делом Ларка, следует ли его продолжать, если КГБ расставил свои сети и стал проводить мероприятия по его выводу. Мечта ЦРУ о получении советского разведчика-нелегала оказалась мифом. С 1971 года с Ларком вашингтонская резидентура не работала и выходила на него лишь для обсуждения вопросов выезда в третьи страны для встречи с представителями Центра. Материалы от него не брались, и ловить с поличным было некого.

Вполне обоснованно возникает следующий вопрос: почему ЦРУ пошло на вывод Ларка в Советский Союз в Вене в 1975 году?

Здесь вновь, как и в деле Кука, видны интересы Калугина. 1973 год — начало работы Калугина в качестве руководителя управления внешней контрразведки и ему необходимо набирать очки. Очевидно, что на одной из личных встреч он настоял перед ЦРУ на целесообраз-ности продолжить игру по сценарию КГБ, но уже с целями и задачами ЦРУ.

В проведении венской операции, если ее рассматривать с равных позиций двух спецслужб, КГБ и ЦРУ, виден почерк Калугина как человека одинаково жестокого, для которого и в КГБ, и в ЦРУ цель оправдывала средства, способного пойти и там и тут на любые действия ради своих корыстных интересов. В данном случае, в КГБ — показать успешное завершение многолетней операции с Ларком, в ЦРУ — требование жертвы Ларка и Китти Хока для укрепления своего авторитета в ПГУ. Где-то в 1973 году я как-то сказал в кругу коллег в ПГУ, что Калугин ради достижения своих целей способен “пройти по трупам своих друзей”. Эта фраза оказалась на какое-то время “летучей” и ему стало известно об авторе. Он пожаловался даже моей жене, но со мной эту тему почему-то не поднимал.

Хотя Калугин и не был другом Ларка, но по его трупу он прошел. Ответственность за смерть Ларка в Вене полностью лежит на нем как на агенте ЦРУ. Сам по себе физический захват человека в возрасте свыше пятидесяти лет, конечно, мог привести к сердечному приступу и даже к летальному исходу. Ларк был болен раком печени, страдал гипертонией и постоянно пользовался лекарствами, о чем знало ЦРУ и, что скорее всего, было известно Калугину. Не обоснованное оперативными причинами вторичное применение усиленного спецсредства на спокойно сидящем в машине Ларке преследовало лишь одну цель — убрать того как возможного свидетеля своего предательства. После смерти Ларка Калугин не смог скрыть своей радости. Как рассказывал Михаил Усатов, Калугин один из всей оперативной группы не выразил сожаления в связи со случившейся трагедией. Более того, на его лице окружавшие работники увидели удовлетворение.

По всем правилам ведения разведывательной работы Ларк не должен был знать о причастности Калугина к его “вербовке” Кочновым в марте 1966 года, но мог догадываться, что кто-то из советских разведчиков подтвердил измену Кочнова. Слишком быстро было принято решение. Он, как имевший тесные контакты и даже дружеские отношения с оперативными работниками управления контрразведки ЦРУ, был осведомлен об обстановке глубокой подозрительности в Лэнгли в связи с ловлей “кротов”. Для Калугина даже такие мысли Ларка представляли опасность и

он должен был стать жертвой.

Нельзя исключать и другой возможный метод устранения Ларка. Как агент ЦРУ, Калугин мог быть снабжен быстро разлагающимся смертельным ядом. Подобные факты из деятельности ЦРУ широко известны, нет смысла их перечислять. Он вполне мог применить этот яд вместе со своим спецсредством или отдельно.

Сценарий убийства

Мною излагался сценарий убийства Ларка, совершенного Калугиным по своей инициативе и втайне от ЦРУ, главным образом для того, чтобы рассмотреть все возможные версии.

Методы достижения своих целей этой организацией дают право на существование и другой, наиболее правдивой версии устранения Ларка: ЦРУ пошло на его выдачу КГБ, но не живым, а только мертвым. Там понимали, что живой Ларк даст КГБ достаточно большую оперативную информацию, которая неизменно будет широко использоваться в пропагандистских антиамериканских акциях. Допустить этого ЦРУ не могло. Ларк был для американской разведки отработанным материалом, он выдал все, что знал, и фактически разведывательного интереса уже не представлял. Его судьба была предрешена: пожертвовать в пользу другого пока важного и нужного ЦРУ дела — продвижения Калугина по служебной лестнице в ПГУ, а затем и в КГБ. Тем более, скорее всего, и он не скупился на описания своих близких отношений с некоторыми высокопоставленными работниками, от которых во многом зависела его карьера. О своих желанных и якобы возможных перспективах вплоть до должности председателя КГБ он часто говорит в книге.

ЦРУ также могло исходить из того, что однозначности выполнения убийства Калугиным Ларка не было — слишком многое определялось случайными обстоятельствами и ставить в зависимость от них исход операции было рискованно. Соли и Хаусман перед выходом Ларка на последнюю встречу имели возможность скрытно применить яд, который воздействует через заданное время. Свое же спецсредство с ядом, опять-таки с согласия ЦРУ, Калугин использовал лишь из опасения, что венская доза не подействовала, или на всякий случай. Такое в “мокрой” практике разведок бывало не один раз. Конечно, правдивый ответ по уничтожению Ларка можно получить только в ЦРУ.

При любой версии устранения Ларка ответственность за его

смерть лежит на Калугине как на исполнителе убийства — “киллере”. С точки зрения законов США он подлежит уголовному преследованию по подозрению в умышленном убийстве американского гражданина Николаса Джорджа Шадрина. В России же — по подозрению в умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах (с целью сокрытия еще одного преступления — государственной измены) советского гражданина Николая Федоровича Артамонова. Прокурорское следствие обеих сторон должно установить, имеется ли в действиях Калугина в отношении Ларка состав уголовного преступления, пока есть еще свидетели в Российской Федерации и США. Мне представляется, что признаки совершения Калугиным подобного преступления налицо.

Из открытых источников известно, что ЦРУ не смогло установить контакт в Москве с Кочновым, хотя сотрудники резидентуры видели его несколько раз. После возвращения из Вашингтона он со скандалом развелся. И лишь женитьба на дочери бывшей в то время министром культуры СССР Екатерины Фурцевой спасла его от увольнения из КГБ, он был выведен в действующий резерв под прикрытие Академии наук СССР. Кочнову также не было никакого смысла рисковать, продолжив контакты с ЦРУ, — он себя материально обеспечил женитьбой.

Операция в Вене по вине Калугина закончилась для КГБ неуспешно. ЦРУ ее продолжило, осуществив в середине 1977 года целевую “утечку” информации в прессу о Кочнове. В газете “Вашингтон пост” была опубликована небольшая заметка о том, что в 1966 году советский разведчик Игорь Кочнов, посетивший Вашингтон под прикрытием 3 секретаря советского посольства, позвонил по домашнему телефону заместителю директора ЦРУ Хелмсу и предложил стать агентом американской разведки. Таким образом, ЦРУ показало КГБ, что операция в Вене проводилась Калугиным не напрасно, и будь Ларк жив, он разоблачил бы предателя в рядах советской разведки.

После появления статьи Кочнов был взят в агентурную разработку, но получить прямые доказательства о его предательстве не удалось. Служба наружного наблюдения фиксировала выставление им визуальных сигналов и снятие их американскими разведчиками в Москве, но на дальнейшие операции он, видимо, не решался. Кочнов узнал о публикации в американской прессе от своих коллег по службе. Когда они рассказали ему об этом, то он не смог скрыть волнения и был близок к обморочному состоянию. В начале 80-х годов он скоропостижно скончался. Смерть Кочнова, агента ЦРУ Китти Хока, была естественной. КГБ к ней отношения не имел.

Остается еще один не объясненный читателю вопрос. Знали ли Ларк и Кук, естественно, каждый в отдельности, о том, что Кочнов и Калугин работают на американские спецслужбы, и они подставлялись в угоду их просьбам? Ответ интересен для понимания методов работы разведки, выявления ошибок при проведении острых и рискованных разведывательных мероприятий, какими были эти дела.

Сначала о Ларке. После предложения Кочнова, конечно, в ЦРУ обсуждался вопрос: говорить или нет Ларку, что его будет вербовать предатель — советский разведчик? Как мне представляется, Китти Хок высказался за то, чтобы сказать. Он считал, и в ПГУ санкционировали вербовку на основании того, что Ларк совершил предательство не по идеологическим соображениям, а на почве возникшей любви к иностранке. На флоте и близкими к нему людьми он характеризовался положительно, имел блестящие перспективы на службе, конфликтных ситуаций у него не было. Ларк действительно мог пойти на сотрудничество с нашей разведкой. Однако в отрывочных материалах американской прессы проходили сообщения, что Ларк после вербовочного подхода сразу же доложил о нем ЦРУ. Если это соответствует действительности, то ЦРУ не обсуждало с ним подход, не готовило к “вербовке” и не последовало совету Китти Хока. Но даже в случае подготовки Ларка к его мнимой вербовке, ЦРУ не должно было сообщать ему, что Кочнов перешел на сторону американцев. Таковы правила конспирации во всех спецслужбах.

Однако факты все-таки свидетельствуют о том, что Ларк знал о предательстве Кочнова. Может быть, ему сказали об этом, чтобы убедить участвовать в столь рискованном и в общем-то чисто по-человечески не нужном ему мероприятии. На первых встречах с Ларком, как помнит читатель, мною постоянно поднимался вопрос о Net Fish, но материалов по этому проекту он не представил. Можно предположить, что они в каком-то варианте с частичной дезинформацией предназначались для Кочнова, чтобы вербовка Ларка выглядела в оценке резидентуры и Центра более весомой и результативной. Кроме того, Ларк якобы по своей инициативе написал письмо в резидентуру, в котором просил о том, чтобы работу с ним поручили только Кочнову, характеризуя его весьма положительно. В разведывательной практике такие факты встречаются очень редко, тем более Кочнов уже знал, что Центр возражает, несмотря на просьбы резидента о направлении его на постоянную работу в Вашингтон. Показательно еще и то, что за все годы нашего общения Ларк ни разу не интересовался Кочновым.

Если все-таки предположить, что Ларка не готовили к “вербовке” и решили его проверить, то вся задумка Китти Хока могла закончиться провалом. И если бы он согласился сотрудничать с советской разведкой, американцы были бы вынуждены обязательно лишить его любой разведывательной информации, что, естественно, не способствовало бы карьере Кочнова, или же арестовать его и объявить его “хендлера” персоной нон грата, то есть самим себе создать проблемы. Предупредив же Ларка, подготовив его к “вербовке”, ЦРУ ничего не теряло — он работал под жестким контролем и никогда бы не осмелился пойти на предательство, тем более понимая, что Китти Хок будет знать истинное состояние дел…

И последнее о Ларке. Калугин в книге исказил развитие событий венской операции. Он говорит, что Ларк умер, когда его волоком тащили к границе и чехословацкие врачи, которых он якобы вызвал, после безуспешных попыток его реанимировать констатировали смерть. Присутствие в группе врача Татьяны, ее настойчивые просьбы осмотреть еще живого Ларка и игнорирование их Калугин скрывает. Чтобы преподнести себя гуманным человеком, а в действительности инициировать жену Ларка Еву Бланку потребовать выдачи останков мужа у российских спецслужб, он в книге “хоронит” его под латышским именем на одном из московских кладбищ. Зная правду о кремации и утрате праха Ларка, это — отъявленное и, как мне представляется, непростительное кощунство и жестокость.

Кук должен был знать от ФБР, что Калугин стал сотрудничать с американцами. Об этом, кроме всего прочего, свидетельствует факт активного участия Калугина в деле Кука с 1978 года. Сигнал, поданный Куку в Лефортове, явился отчаянным шагом, на который его вынудило серьезное опасение, что Кук может признаться в принадлежности к спецслужбам США и выдать его. Только крайняя опасность вынудила его поступить именно так.

Следует ответить еще на несколько вопросов: какая американская спецслужба работала по Калугину и Куку, Кочнову и Ларку — ЦРУ или ФБР? Были ли допущены этими службами оперативные ошибки?

ФБР или ЦРУ?

Из анализа доступных на сегодняшний день материалов видно, что Калугин инициативно завербовался в нью-йоркском отделе ФБР. Подставленные ему Кук и его жена являлись надежными агентами ФБР. Трудно определить, передавалось ли

дело Калугина из ФБР в ЦРУ после его отъезда в Союз в 1959 году. Учитывая, что Калугин находился в США по линии американского отдела ПГУ, его вскоре должны были направить туда в долгосрочную командировку, о чем он, конечно, рассказал своим новым хозяевам. Возможно, с учетом этого и по его просьбе, связь с ним в Москве в 1959 и 1960 годах не устанавливалась, и его дело оставалось в ФБР. Тем более, что в эти годы резидентуры ЦРУ в Москве, как структурного подразделения, не было. Работники ЦРУ в американском посольстве выполняли конкретную разведывательную работу.

По возвращении в Нью-Йорк в 1960 году и до весны 1964 года Калугин находился на связи у ФБР. После отзыва его из-за предательства Носенко в 1964 году в Москву, его дело, вероятно, было передано в управление внешней контрразведки Энглтону, так как быстрое возвращение в США после предательства Носенко не ожидалось.

Вынужденный вывод Кука в Москву в 1964 году для прикрытия Калугина, с моей точки зрения, являлся оперативной ошибкой американцев, которая повлекла за собой через пятнадцать лет фактический провал Калугина как агента. Он был взят в разработку по шпионажу, переведен из разведки во внутренние органы, хотя и на высокую должность, но лишенный тех огромных разведывательных возможностей, какими располагал в ПГУ. Кука можно было вывести из США не в Союз, а в третью страну типа Франции, где он мог бы устроиться на работу и восстановить связь с нашей резидентурой. Калугин в своей книге везде, где только возможно, всячески подчеркивает, что его карьера, так блестяще начавшаяся с вербовки Кука, так же бесславно закончилась после его ареста. Складывается впечатление, что он этим укоряет американские спецслужбы в грубом просчете. Действительно, вывод агента ФБР Кука в Москву оказался настоящей ловушкой для их ценного агента, каким являлся Калугин. Только непониманием оперативной обстановки в Советском Союзе и низким профессиональным уровнем сотрудников американских спецслужб в работе против советской разведки можно объяснить проведение такой нелепой операции.

В 1965 году при выезде Калугина в долгосрочную командировку в вашингтонскую резидентуру ФБР вновь пыталось установить с ним связь. Но, как мне представляется, он отказался работать с ФБР и потребовал передать его в ЦРУ, чем вызвал глубокое недовольство прежних “хендлеров”. У Калугина, кроме претензий по Куку, имелись и другие основания для такого решения. Ему было известно, что в 1964 году в нью-йоркскую резидентуру нашей разведки неоднократно обращался сотрудник

наружного наблюдения ФБР, работавший по советской колонии, с предложением купить у него за несколько тысяч долларов данные на агента ФБР из числа советских разведчиков. Но бывший в то время резидентом Борис Иванов посчитал эти действия провокационными, от контакта с наружником отказался и информация не была получена. Материал по этому случаю в 1964 году находился в производстве у меня, когда я работал в американском направлении Службы внешней контрразведки. С ним были ознакомлены также работники американского отдела (Калугин в книге говорит, что к этому работнику в 70-х годах делали вербовочный подход, но он от сотрудничества отказался).

Скорее всего, Калугин, опасаясь повторения подобных случаев, выдвинул ФБР условие — работать с ЦРУ. Вероятно, с этого времени у него и возник конфликт с ФБР, который, как видно, продолжается и до наших дней. Свидетельством такого вывода являются и неоднократные упоминания им в своей книге фактов публикаций, во время его нахождения в Вашингтоне, во влиятельных американских газетах “Вашингтон пост” и “Нью-Йорк Таймс” статей, показывающих его как сотрудника КГБ и по “непонятным причинам” не выдворенного из США. Калугин уверен, что статьи были написаны с “подачи” ФБР и в значительной мере отрицательно повлияли тем, что после Соломатина его не назначили резидентом. По его словам, Центр обоснованно опасался, что в любое удобное для американцев время он может быть выдворен из страны и тем самым резидентура на какое-то время останется без руководителя.

Весьма характерен также факт использования ФБР материалов книги Калугина для установки и осуждения за шпионаж в пользу СССР в сентябре 1997 года бывшего рядового армии США, работавшего в АНБ, Липки. Как заявляли на всю страну представители ФБР, при разоблачении Липки они использовали данные из книги Калугина и даже включили выдержки из нее в первоначальное обвинительное заключение. Такие официальные заявления контрразведки можно рассматривать как месть Калугину. Трудно объяснить эти прямые выпады чем-то другим. Кстати, отношения ФБР и ЦРУ никогда не были идеальными. Из американских документальных источников известно, что в 60-х годах ФБР и ЦРУ в течение более года не поддерживали оперативных контактов.

Энглтон

Ведущим Калугина в ЦРУ, по всей вероятности, являлся сам

Энглтон вплоть до его отставки в декабре 1974 года. Досье на столь высокопоставленного агента находилось и, скорее всего, до сих пор находится в той самой сверхсекретной комнате за “семью печатями”, доступ в которую имел только Энглтон. Можно вполне понять неистовое стремление этого главного контрразведчика ЦРУ найти советского “крота”, если он знал, что “кротом” его разведки является заместитель резидента в Вашингтоне, затем заместитель и начальник управления внешней контрразведки ПГУ, друг ряда высокопоставленных руководителей советской разведки и контрразведки генерал-майор Калугин. Энглтон и Калугин были равны по служебному положению.

Энглтон не был параноиком, как многие считают, и как цинично пишет Калугин о человеке, в руках которого находилась его жизнь. Он был высококвалифицированным контрразведчиком, руководствовался реальными фактами, и поэтому находил поддержку своим действиям у шести директоров ЦРУ, владевших достоверной информацией. Наоборот, было бы непонятно, если бы Энглтон так упорно не искал “крота”.

После ухода Энглтона ведущим Калугина стал, вероятно, директор ЦРУ Уильям Колби, с которым у него сложились близкие отношения, ставшие широко известными лишь после 1994 года. Уже находясь на пенсии, Колби совместно с Калугиным, применив свой профессиональный опыт, создали в 1996 году увлекательную компьютерную игру “Спай крафт” на трех компакт-дисках, написали книгу по истории разведок. Неожиданная смерть Колби в 1997 году прекратила их дружбу.

Из всего сказанного по Энглтону можно выдвинуть интересную версию его “мягкого” увольнения из ЦРУ. Нет сомнений в том, что Энглтон верил агентурным материалам Калугина. Но лишь после декабря 1973 года, возглавив внешнюю контрразведку, Калугин смог убежденно и ответственно утверждать, что у ПГУ нет “крота” в ЦРУ.

Энглтон не мог остановить запущенный много лет назад маховик поиска “кротов”, не мог отказаться от сложившегося стереотипа шпиона в ЦРУ, хотя, может быть, и сомневался, как во многих других случаях, в честности Калугина (и не напрасно). Скорее всего, руководство ЦРУ разделилось на сторонников и противников продолжения ловли “крота”, нанесшей действительно большой ущерб оперативной работе. Верх взяла группа Колби и главного контрразведчика ЦРУ убрали ровно через год после назначения Калугина таким же контрразведчиком в ПГУ. Случайное ли это совпадение? Мне кажется, что нет.

С Ларком и Кочновым вопрос решается проще. На первом этапе Кочнов встречался только с работниками ЦРУ, но затем на

короткое время к нему подключили ведущего от ФБР Элберта Тэрнера. С Ларком как своим агентом все время работало управление контрразведки ЦРУ — операцией по подставе вплоть до его гибели в 1975 году руководило оно.

В деле Ларка, Китти Хока и Кука можно ставить точку. Остается еще один персонаж в этой сложной, противоречивой и, как всегда, трагической истории предателей — Олег Калугин, агент ЦРУ с 1959 года. О нем я продолжаю свое повествование.

УГОЛ ПАДЕНИЯ

Среда позволяет тебе сменить облицовку — но не более.
То, что в человеке заложено, все равно остается при нем,
и никуда от этого не деться.

Агата Кристи.

Конец карьеры генерала

1979 год для Калугина оказался крайне неудачным. Где-то летом он попал в скандальную историю, которая могла быть организована и контрразведкой, но, скорее всего, оказалась случайностью. Во всяком случае, подобное могло произойти с ним в любое время. Калугин имел репутацию страстного любителя женщин, не пропускающего «любую юбку». Понятно, что каждый мужчина имеет свою «любовную карту», отличается индивидуальным подходом к женщинам. Калугин сближался с ними, пытаясь, как правило, заверить их в своей искренности, а подчас и в любви, говорил немало красивых и ласкающих женское ухо слов. Одно это потенциально грозило излишним углублением отношений и иногда приводило к неприятным историям. Не могу называть имя женщины, жены сотрудника ГРУ, но она, случайно встретив его на филевской линии московского метро в начале 90-х годов, на виду у незнакомых людей плюнула ему в лицо за обман и лживые уверения в любви.

И еще одной особенностью отличался Калугин в любовных похождениях. Он обхаживал женщин значительно моложе себя, не имевших жизненного опыта. Это опасное занятие для женатых мужчин, всегда грозящее привести к любовному скандалу, его не останавливало. Но бывало и другое. Так, в 1960 году по завершении учебы в Колумбийском университете для советских

стажеров была организована поездка по стране. В группе вместе с Калугиным и другими стажерами колумбийского университета находился упоминавшийся выше стажер из бостонского Гарварда Олег Брыкин, также молодой сотрудник разведки, знавший Калугина по Ленинградскому институту КГБ. Вот еще несколько строк из его книги «Исповедь офицера разведки»:

— Вдова очень богатого американца побывала в СССР. Там ей понравилось и она решила пригласить нескольких наших студентов погостить у нее на ранчо где-то под Вашингтоном. Нас было пятеро, в группу входил и Олег Калугин. За все было уплачено. Поместье поражало обширностью, программа насыщенностью… Вдова не жалела денег. Мы в шутку бросили жребий, кто из нас будет ее любовником. Жребий пал на одного из нас, большого любителя по этой части. Не знаю, что там происходило, но, когда Олег Калугин разбил дорогой автомобиль хозяйки, та и бровью не повела.

Трудно сказать каковы были истинные отношения у Калугина в семье, но его отношения с женой на людях выглядели безукоризненно.

Сауна

Долгое время судьба хранила его, но, вероятно, молитвы брошенных и обманутых дошли до Того, кому они возносились. Где-то в середине 1979 года в Москве он и его друзья организовали модную и интригующую не только генералов разведки сауну с участием симпатичных молодых женщин. Нет, они не были проститутками, они честно трудились на московских предприятиях. Отлично прошел затянувшийся вечер с великолепной закуской и приятной выпивкой, что служило, и вполне в те времена оправданно, не только хорошей платой за услуги, но и проявлением особой доброжелательности и легкого уважения.

В сауне лишнего пространства не бывает, и поэтому все по-дружески парились и отдыхали вместе. Конечно, не обошлось и без приятного массажа. Советским разведчикам, как и всем советским гражданам, заниматься любовью «на стороне» категорически воспрещалось. Парткому ПГУ известно было немало разведчиков, «погоревших» в обыденной жизни на любовных похождениях. Не могу сказать, что многие отличались этим «грехом», знаю значительно больше других, остававшихся верными женам до конца своих дней.

Вероятно, волею случая можно объяснить, что среди

отдыхавшей в сауне компании оказался один из числа так называемых диссидентов, который находился под наблюдением КГБ. Все происходившее в сауне негласно было снято на кинопленку, а разговоры записаны. Более того, Калугин, находясь в легком подпитии, хвалился своими знаниями кремлевской жизни и политики, и, как многие в те годы, критически отзывался о Брежневе и других тогдашних «старцах». Материал попал на самый верх — Председателю Андропову. В подавляющем большинстве участников таких происшествий, что время от времени случались с рядовыми и руководящими сотрудниками, из органов госбезопасности увольняли или в лучшем случае понижали в должности. С Калугиным случай был особый — он уже находился под подозрением в шпионаже, и организовывалась его агентурная разработка. Уволить — означало начинать все заново, потерять время, затянуть разоблачение. Новая обстановка после увольнения потребовала бы организации разработки в новой среде общения. И оставлять на работе в центральном аппарате в Москве, переведя на другой участок вне разведки на генеральскую должность, также нельзя, это не было бы понято ни самим Калугиным, ни другими. Председатель нашел правильное решение. Случай с сауной пришелся ко времени.

В сентябре 1979 года в день его сорокапятилетия Калугин был приглашен Крючковым в здание КГБ на площади Дзержинского на комиссию, созданную для разбора «сауны» под председательством заместителя Андропова по кадрам Василия Лежепекова. По дороге из Ясенева в Москву в служебной черной «Волге» с радиотелефоном он с беспокойством просчитывал возможные варианты в своей судьбе, предполагая, что будет обсуждаться вопрос о сауне и решаться его дальнейшая карьера. Не исключал он и обсуждения дела Кука — мысли о провале и аресте постоянно крутились в голове. Невольно накатывалось отчетливое ощущение опасности и, как всегда, по его же словам, в ее предчувствии поднывало под ложечкой справа.

Войдя в большой кабинет Лежепекова, он с удивлением для себя увидел сидевших за длинным столом основных руководителей КГБ, членов коллегии — своего друга начальника Второго главного управления Григория Григоренко, начальника Следственного управления Александра Волкова, главу Московского УКГБ Виктора Алидина и своего шефа Владимира Крючкова. Стало понятно, что его вызвали сюда для серьезного и основательного разговора. Присутствие руководителя московских чекистов Алидина указывало на то, что будет поставлен вопрос и о Куке.

Лежепеков начал с сауны. Все резко осудили его поведение

как аморальное, чуждое руководителю такого ранга и недопустимое для члена партии и чекиста. Он признал свои ошибки, просил простить его, пытался заверить присутствующих, что предан своей семье и говорил много других слов, которые произносятся в оправдание в таких случаях. В итоге он понял, что серьезных мер принято не будет и все закончится лишь обсуждением. Так оно и получилось. Настоящие неприятности начались, когда Лежепеков стал задавать вопросы по Куку:

— Что заставило вас заниматься делом Кука и тем более его защищать? Вам известно, что он подозревается в шпионаже? Какие основания имелись у вас интересоваться ходом следствия по человеку, которого не видели двадцать лет? Считаете ли его двойным агентом ЦРУ? Мог ли быть он подставой ФБР?

Ответы Калугина на эти и другие аналогичные вопросы были им продуманы заранее:

— …Я руководствовался только человеческими чувствами сострадания к невинно обвиненному и осужденному человеку. Он пожертвовал своим благополучием и спокойствием ради нашего государства, а получил за это тюремный срок. Я знаю, что он не американский шпион, и абсолютно уверен в этом. К ЦРУ и ФБР он не имеет никакого отношения.

Однако у комиссии была своя задача — добиться от Калугина хотя бы устного согласия, что Кук мог быть агентом спецслужб США и возможно был подставлен в 1959 году советской разведке. Записанные оперативной техникой слова Калугина о допустимости шпионажа Кука давали потенциальную возможность интерпретировать их в разных вариантах при его допросах и предоставили бы следствию немалый шанс добиться признания. Калугин отлично понимал это и осознавал шаткость и нелепость своих доводов, но не мог высказать другое мнение. В действительности же, любой оперативный работник, тем более не имевший опыта агентурной работы, каким являлся Калугин в 1959 году, за все случившееся с Куком не нес бы ни оперативной, ни моральной ответственности. Калугин видел Кука лишь три раза и, естественно, не мог быть уверенным в его честности. Кук, как агент любой разведки мира, подвергался прежде всего проверке, несмотря на то, что представленные им материалы первоначально получили высокую оценку. Вся ответственность лежала на резидентуре и Центре. Если бы Калугин был честен, то в деле Кука руководствовался бы только такими соображениями. Против этой оперативной истины он был вынужден выступать, опасаясь признания Кука и, вероятно, проклиная ФБР за допущенные ошибки в этом деле. Заседание комиссии закончилось безрезультатно. Лишь в конце возникла недолгая

перебранка с Алидиным, который открыто возмутился односложными и несуразными ответами Калугина. Каждая сторона осталась при своем мнении.

Ленинградская ссылка

Вскоре Калугин отправился в отпуск в крымский санаторий КГБ, а по возвращении в ноябре 1979 года Крючков сообщил, что его вновь вызывает Лежепеков. Поехали они вместе. Естественно, неожиданный повторный вызов в управление кадров вновь заставил немало поволноваться и вызывал тревожные мысли. Лежепеков начал разговор примерно так:

— Мы решили перевести вас на работу в ленинградское Управление КГБ на должность первого заместителя начальника, которую ввели специально в связи с вашим назначением. Основанием для такого решения явилось нарушение дисциплины. Нам неприятно вспоминать об инциденте в сауне, но вы запятнали честь работника КГБ.

На вопрос Калугина о том, сколько времени продлится «ссылка», Лежепеков ответил, что все зависит от него. Усердная работа и успехи в ней определят и сроки. Возражения Калугина, что он разведчик и не имеет опыта контрразведывательной работы во внутренних органах госбезопасности, не были приняты. Крючков присутствовал молча.

Ноябрь и декабрь прошли в передаче дел новому начальнику управления внешней контрразведки Анатолию Кирееву. 2 января 1980 года поездом «Красная стрела» Калугин выехал в Ленинград. Его провожали жена и друзья.

Отстранение от работы в разведке и неувольнение из КГБ для него, с одной стороны, не стало неожиданностью, но перевод из Москвы в Ленинград оказался и неожиданным, и непонятным. Он старался определить причины такого решения Андропова. Оно могло быть связано и с делом Кука, и со случаем в сауне.

В своих воспоминаниях Владимир Крючков, являвшийся тогда начальником разведки, пишет:

— Инициатива перевода Калугина исходила не от меня, а от Андропова. И на мое замечание, не стоит ли повременить, поглубже разобраться в Калугине, Андропов ответил категорическим отказом, сказал, что решение принято и со временем я тоже приду к выводу о его правильности.

Для Андропова все было предельно ясно. Увольнять Калугина не имело оперативного смысла. Появилась обоснованная причина убрать его из Москвы. Перевод в Ленинград оставлял его под наблюдением КГБ и не давал достаточных оснований

предполагать, что он разрабатывается по шпионажу. Немаловажным являлось также отдаление Калугина от его высокопоставленных друзей в КГБ.

Ленинградское управление Председатель выбрал не случайно. Оно считалось в оперативном плане весьма надежным, располагавшим сотрудниками с хорошим контрразведывательным опытом работы по приезжим иностранцам и против резидентуры ЦРУ, обосновавшейся под крышей американского консульства.

Среди оперативного состава ПГУ пошли слухи, что Калугин переведен в Ленинград с тем, чтобы заменить уже немолодого начальника управления генерала Дмитрия Носырева, автоматически стать членом коллегии КГБ, приобрести опыт работы во внутренних органах госбезопасности и вернуться в Москву чуть ли не председателем КГБ. Такие разговоры были выгодны его разработчикам, их не подтверждали и не опровергали. Единицы знали об истинных причинах перевода. Немногие знали и о сауне.

В книге Калугин пишет, что в день отъезда в Ленинград вечером его вызвал Председатель, чтобы попрощаться. В разговоре Андропов якобы заверил Калугина, что примерно через год он вернет его в Москву. Однако Председатель его не принимал, он уже был уверен, что Калугин агент ЦРУ.

В «Большом доме»

Гордыня предшествует падению.

Агата Кристи.

Спустя двадцать лет Калугин вновь оказывается в своем родном Ленинграде. Ленинградское Управление КГБ размещалось на Литейном проспекте в «Большом доме», как его еще со сталинских времен называли старожилы. На первой встрече начальник управления генерал-полковник Дмитрий Носырев, вопреки ожиданиям Калугина и якобы заверениям в Москве, определил его обязанности: курирование районных отделов в области, информационного подразделения, а также надлежит представительствовать в ленинградской Комиссии по выездам за границу при городском комитете партии. Хотя он и являлся первым заместителем Носырева, его обязанности оказались второстепенными. К основным функциональным отделам — разведывательному и контрразведывательному — допущен не был. Безусловно, это не могло не вызвать скрытого протеста. В

какой-то мере Калугин расценивал такое решение шестидесятидвухлетнего генерала как боязнь соперника — молодого ставленника Центра, направленного в Ленинград для его замены, о чем ходили слухи среди сотрудников и знал Носырев. Но эта перспектива Калугину все-таки казалась маловероятной. Если бы Андропов переводил его для замены Носырева, то, несомненно, ему поручили бы курировать основные направления работы. Поэтому единственным утешением оставалось — надеяться, что перевод в лучшем случае вызван «сауной» и не связан с делом Кука.

Уже через несколько недель на совещании в присутствии других руководителей управления Носырев обвинил Калугина в несанкционированных поездках в Москву и в самовольном занятии конспиративной квартиры для проживания:

— Мне известно, что вы нарушали служебную дисциплину в Москве в разведке, но здесь я не позволю этого делать, — заявил генерал.

Бросив несколько язвительных слов в оправдание, Калугин демонстративно покинул совещание. Конфликт можно было предвидеть. Единственная линия поведения, которую он продумал еще в Москве и убедился в ее правильности в Ленинграде — находиться в «профессиональной» оппозиции к ленинградскому шефу и этим самым демонстрировать свою независимость. Ведь он «блистательный» разведчик и Носырев не ровня ему!

Объективности ради следует отметить, что опыт работы в центральном аппарате, хорошее знание обстановки и расклада сил в КГБ в целом, дружеские отношения с рядом его руководителей, умение вживаться в непривычную среду — все это, естественно, помогало Калугину определить свою нишу и могло бы способствовать созданию определенного положительного образа среди оперативного состава. Но у Калугина в Ленинграде стояли другие задачи. Забегая вперед, можно сказать, что в итоге семилетнего пребывания в Ленинграде он не получил признания своих «особых заслуг», не пользовался каким-либо особым уважением среди сотрудников. Наоборот, многие его осуждали и рассматривали как человека, умевшего ловко использовать личные связи в карьерных целях. Для этого были веские основания. Я не буду подробно рассказывать о его жизни в Ленинграде и остановлюсь лишь на тех обстоятельствах, которые относятся к теме данной книги.

Вернувшись в свой кабинет после стычки с Носыревым, Калугин понял, что новый начальник не оставит попыток подчинить его себе, психологически сломать и взять под полный

контроль. Находясь под впечатлением неприятного разговора, он был готов немедленно писать рапорт Андропову с просьбой возвратить его в Москву. За этими мыслями и застал его вошедший без стука в кабинет заместитель Носырева контр-адмирал Владимир Соколов. Бутылка коньяка, предложенная адмиралом, подсказала, что он пришел с добрыми намерениями. Завязалась беседа. Соколов характеризовал Носырева как человека, предпочитавшего воинские порядки, привыкшего подчинять всех себе и не терпящего возражений, пусть даже обоснованных.

· Не обращай внимания на эти причуды, тем более до него дошли слухи, что ты рассматриваешься как возможный кандидат на его замену, и он этим весьма обеспокоен, — говорил Соколов.

Разговор затянулся, и к концу выпитой бутылки Соколов неожиданно рассказал:

— Ходят разные слухи о причинах твоего перевода к нам из разведки. Но близкие мне люди доверительно рассказали, что тебя убрали из ПГУ потому, что ты защищал своего агента Кука. Ты был заподозрен в связях с ЦРУ и Кук рассматривался как твой сообщник.

Калугин внешне остался спокойным, но это известие воистину его поразило. После этой встречи Соколов и Калугин стали надолго друзьями. Постоянно встречаясь, они обменивались мнениями о политических событиях в стране, текущих делах в Центре и управлении, взаимоотношениях в коллективе. Калугин считал, что Соколов сугубо доверительно рассказывает ему о кознях Носырева. Оставшись наедине, Калугин, как он пишет в книге, размышлял:

— Я знал, что следователи спрашивали Кука о возможной моей связи с ЦРУ, но я отверг эти подозрения, и отнес их к попытке следователей сфальсифицировать его дело. Сейчас же высокопоставленный и хорошо информированный работник КГБ говорит мне о том, что в Москве меня и Кука подозревают в работе на ЦРУ, и меня убрали из разведки по этой причине. Более того, я предполагал, что дело Кука содержится в секрете, о нем знают немногие. Но оказалось, что даже подробности дела и слухи о моем шпионаже ходят по всему КГБ.

Эти слова Калугина в книге, скорее всего, были близки к его размышлениям в те дни: он знал, что в какой-то мере подозревается в шпионаже в пользу США, и Кук являлся первопричиной этому, но впервые услышал не о Куке, как о возможном агенте, а о себе, работающим в паре с ним на ЦРУ.

Возникает вполне оправданный вопрос: почему и зачем контр-адмирал Соколов рассказал обо всем этом Калугину?

Рюмка коньяка ли в этом повинна? Можно, конечно, предположить, что преследовались обычные цели — заставить Калугина нервничать, сделать ошибки и поймать на связи с американской резидентурой в Ленинграде, куда он мог бы обратиться за помощью сразу же после такого известия. Не исключено также и то, что Соколов по заданию разработчиков стремился войти в доверие к Калугину и якобы откровенно рассказал ему о подозрениях. По всей вероятности, реализовывались одновременно эти две цели. В серьезных делах случайных разговоров не ведут. Калугин помнил о письме Селены, лефортовские встречи и понимал, что Кук мог являться одной из причин перевода в Ленинград. С точки зрения контрразведки «откровенные» слова Соколова не могли негативно повлиять на ход разработки. Они, конечно, произвели неприятное впечатление, насторожили Калугина, но помогли Соколову войти на несколько лет к нему в доверие. Конечно, надеяться на получение каких-либо серьезных данных по Калугину от Соколова было неразумно, но нужную информацию по обыденным повседневным делам генерал мог получать.

В Ленинграде Калугин проживал в центре города недалеко от Эрмитажа в элитном доме, где его соседями были известные деятели искусств. Он сумел установить близкие отношения с Георгием Товстоноговым, Евгением Мравинским, Юрием Темиркановым, Борисом Пиотровским. Был знаком с другими выдающимися артистами, музыкантами и режиссерами, проводил много времени в их кругу. Пользуясь служебным положением, постоянно посещал спектакли в ленинградских театрах. Являясь представителем УКГБ в Комиссии по выездам за границу, имел доступ к конфиденциальной информации на тех деятелей культуры, которым иногда закрывали выезд за границу. Выступая поклонником, а подчас якобы и защитником искусства, свою информированность и возможность влиять на решения комиссии нередко использовал для установления личных отношений. Семья в Ленинграде с ним не проживала, и он время от времени на выходные дни выезжал в Москву навещать жену и дочерей.

Вызов в Москву

В 1982 году, спустя пару недель после смерти Леонида Брежнева и прихода к власти Андропова, Калугину сообщили, что летом следующего года он направляется в Москву на краткосрочные курсы для руководящего состава. У него затеплилась надежда, что его «ангел хранитель» Андропов, ставший руководителем партии и советского государства,

наконец-то вернет его в Москву, назначит на высокую должность в КГБ. По управлению вновь поползли слухи о замене Носырева Калугиным в ближайшее время. Но ожидания не оправдались. За неделю до окончания курсов Калугина вызвали в Управление кадров и неожиданно предложили перейти на преподавательскую работу в Высшую школу КГБ в Москве.

— Я не мог поверить своим ушам! Высшая школа была тупиком. Несмотря на сильное давление, я отказался. Обратился к заместителю председателя КГБ Филиппу Бобкову и напомнил, что Андропов обещал вернуть меня в Москву через два года. Сейчас осень 1983 и я отбыл свой срок в Ленинграде. Просил Бобкова передать новому председателю Виктору Чебрикову, что хотел бы с ним переговорить. Бобков ответил, что Чебриков сможет меня принять, но несколько позднее, — написал Калугине в своей книге.

Вернувшись в Ленинград, через несколько недель он позвонил Бобкову и напомнил об обещанной встрече.

— Чебриков хочет увидеть тебя, позвони в декабре, — ответил Бобков.

Следующий звонок Калугина у Бобкова раздался в январе 1984 года, и он вновь получил неутешительный ответ:

— Подожди немного. У нас много дел и твое — не первой важности, — сухо ответил Бобков. Калугин не отступал:

— Сколько мне ждать? Я хочу, чтобы меня приняли.

— Не знаю, не знаю, — коротко в ответ бросил Бобков и положил трубку.

После предложения перейти на преподавательскую работу и неприятных и ничего не обещающих разговоров с заместителем председателя Калугин окончательно понял, что его карьера в Центре закончилась, и он никогда не будет переведен в Москву на достойную должность.

Смерть Андропова

9 февраля 1984 года умирает Генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов. Это известие ввергло Калугина в глубокую депрессию. Те небольшие надежды, которые он еще питал, рухнули. Многие ленинградские сослуживцы рассматривали Калугина как выдвиженца Андропова. Такое мнение о себе он всячески поддерживал и усиливал своими рассказами в ближайшем окружении о неоднократных встречах и якобы даже задушевных беседах с Андроповым. Теперь, после ухода Андропова из жизни, мифическая аура Калугина также ушла в небытие. Мало кого интересовало, а тем более влияло на

отношение к нему, что бывший руководитель, может быть, когда-то неплохо относился к бывшему генералу разведки. Андропов действительно назначил Калугина руководителем управления внешней контрразведки ПГУ, присвоил звание генерал-майора, поддерживал его начинания по расширению службы и ждал конкретных результатов. Лишь в 1979 году в связи с делом Кука он согласился с мнением руководителя московских чекистов Алидина, что Калугин является агентом ЦРУ.

С этого времени отношение к Калугину Андропов резко изменил, формально использовал случай с сауной для перевода в Ленинград. Все выглядело естественно, и Калугин верил еще в свое прощение, хотя допускал, что он может подозреваться в шпионаже и Андроповым. Зная Председателя как весьма строгого руководителя, такие мысли он прогонял от себя, полагая, что тот не стал бы держать его в кадрах КГБ и нашел бы пути справиться с ним. Но он также твердо знал и верил, что Андропов не пойдет на нарушение законов, не станет его арестовывать, не имея для этого веских юридических оснований. Поэтому самым главным являлось не выходить без особых причин на любые контакты с американской разведкой, проводить односторонние тайниковые операции от себя — исключительно в крайнем случае, тем более не допускать личных встреч и не иметь при себе каких-либо вещественных доказательств, то есть не дать контрразведке даже малейших оснований для реализации подозрений в шпионской деятельности.

Смерть Андропова четко определила его будущее — возврата в Центр нет, в Ленинграде перспективы роста нулевые, только одни неприятности от Носырева, с которым явно не сложились отношения. Разведывательные возможности для ЦРУ по работе в ленинградском управлении слабые. Передачу малоценных материалов никто в Лэнгли не будет приветствовать и просто это ему запретят. Самому излишний риск тем более не нужен. Встал обычный в трудных ситуациях вопрос: Что делать? Временное решение пришло — посвятить жизнь себе и семье. Он участил поездки в Москву, где встречался с друзьями из КГБ и проводил время в кругу семьи. Были и другие выезды. Вскоре появились и новые интересы.

Старые друзья

Скажи мне, кто твой друг и я скажу, кто ты.

Народная мудрость.

В 1983 году возвратился из Канады в Союз, где с 1972 года пребывал в качестве посла СССР, его старый друг Александр Яковлев. Он сумел подружиться с Секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству Михаилом Горбачевым, когда тот посещал Канаду в 1983 году. С помощью Горбачева Яковлев сразу же получил в Москве престижное место — директора академического Института мировой экономики и международных отношений.

Дружба Калугина и Яковлева, как уже известно читателю, началась в 1959 году с их совместного пребывания в Колумбийском университете в Нью-Йорке.

Яковлев, как уверены некоторые бывшие сотрудники КГБ, был тогда завербован ФБР в качестве агента на антисоветской основе. Когда органам госбезопасности в 1960 году стало известно о его несанкционированном контакте с американцами, он объяснил это стремлением получить секретные материалы из американских библиотек и от ученых. «Инициатива Яковлева не была поддержана представителями нашей службы безопасности и дальнейшего развития, будем считать, не получила. Никаких претензий к Яковлеву предъявлено не было».

Сам Яковлев все вышесказанное будет отрицать:

— Все разведки мира одинаковы — «интересуются», прежде всего, теми, кого можно на чем-то подловить: на выпивках, женщинах и тому подобном. Что касается меня, то это был заведомо не тот случай.

Бывший заведующий общим отделом ЦК КПСС, руководитель аппарата президента СССР Горбачева Валерий Болдин писал:

— Яковлев, вернувшись в Москву из Канады, рассказывал, что во время учебы в Колумбийском университете, роясь в библиотеках, встречаясь с американскими учеными, добывал такую информацию и отыскивал такие ее источники, за которыми наша агентура охотилась не один год.

Бытует молва в сведущих чекистских кругах о том, что Калугин, как сотрудник КГБ, отвечавший за безопасность группы из четырех человек стажировавшихся в университете в Нью-Йорке, узнал о тайной связи американцев с Яковлевым, но скрыл это от резидентуры.

Калугину было известно, что Яковлев с 1953 года в возрасте двадцати девяти лет стал работать инструктором ЦК КПСС по идеологической линии, являлся слушателем Академии общественных наук при ЦК КПСС и готовил докторскую диссертацию. Рассматривался как перспективный партийный работник. Заполучить такого «друга» и иметь на него серьезный компрометирующий материал было мечтой Калугина — всегда

можно рассчитывать на поддержку.

Весьма характерен для понимания этой ситуации и личности Калугина еще один бесчестный поступок, внешне выглядевший вроде бы оправданным. По возвращении в Москву он написал докладную записку о нарушении дисциплины во время совместного пребывания в Нью-Йорке его другом и коллегой по разведке Геннадием Бехтеревым, который якобы имел связи с американками, излишне выпивал, поддерживал несанкционированные подозрительные контакты и допускал другие негативные поступки. Бехтерев был наказан, ему закрыли выезд за границу. Ни в чем другом он обвинен не был. Такой упреждающий прием по отвлечению внимания от себя и переводу подозрений на другого весьма типичен для людей с нечистой совестью. Распознать его можно, но оправдаться подчас сложно, он может основываться на частично правдивых сведениях, хотя в целом является обманом и подлостью.

Следует более подробно рассказать о некоторых появившихся относительно недавно в открытой печати сведениях о Яковлеве, чтобы понять его роль в дальнейшей судьбе Калугина.

С 1989 года в КГБ стала поступать новая информация от надежных источников о связи Яковлева с американскими спецслужбами. В частности, была получена стенограмма от мая 1978 года беседы посла СССР в Канаде Яковлева с одним из членов канадского правительства, из которой видно, что посол полностью одобрил бегство к американцам в 1978 году заместителя представителя СССР при ООН Аркадия Шевченко (умер в США в марте 1998 г.). Заодно сообщил некоторые известные ему «подробности завершившейся в марте 1978 года операции по внедрению в спецслужбы Канады работника КГБ (Анатолия Максимова — Примечание автора), в результате чего разразился громкий политический скандал. Эта операция имела кодовое название «Турнир». Надежный источник в ЦРУ (теперь его имя известно всему миру) сообщил, что в этом ведомстве его давно, еще со времен стажировки в Колумбийском университете, считают «своим человеком» и возлагают большие надежды». Эта информация стыковалась с более отрывочной, но не менее достоверной, полученной от другого сотрудника ЦРУ, незадолго до этого покинувшего США по политическим мотивам».

В 1990 году КГБ, как по линии разведки, так и по линии контрразведки, получил от нескольких разных проверенных источников крайне настораживающую информацию. По оценкам западных спецслужб, Яковлев занимает выгодные для Запада позиции, надежно противостоит «консервативным» силам в Советском Союзе и на него можно твердо рассчитывать в любой

ситуации. Одному американскому представителю было поручено провести с ним беседу и прямо заявить, что от него ждут большего. Поэтому информация была расценена КГБ как весьма серьезная. Материалы свидетельствовали о том, что американцы рассматривали Яковлева в качестве своего агента. Председатель КГБ СССР Крючков вынужден был доложить Президенту Горбачеву суть дела и получить согласие на тщательную и срочную проверку всех материалов. Самостоятельно Крючков решения принять не мог, так как Яковлев являлся членом Политбюро и Секретарем ЦК КПСС. Реакция Горбачева оказалась неожиданной. Придя в себя от сильного смятения от этого известия и задав Крючкову несколько вопросов, он дал указание «поговорить с Яковлевым напрямую, посмотреть, что он на это скажет». Крючков, возражая, пытался убедить в несуразности такого решения, что это предупредит Яковлева и не позволит никогда узнать истину. Но решение Президентом было принято. Его пришлось исполнять.

Крючков дважды разговаривал с Яковлевым, но в ответ тот только тяжело вздыхал и молчал. Ему было дано время подумать. Горбачев с Яковлевым не разговаривал и мер не принял. Молчал и Яковлев.

Свидетелем встреч Крючкова с Яковлевым по просьбе Горбачева должен быть Болдин. С чувством горечи вспоминая об этом, он пишет, что «генсек» поручил одному члену Политбюро ЦК сообщить о подозрениях в связях со спецслужбами и потребовать объяснений от другого члена Политбюро, Секретаря ЦК. И каким образом? В частном разговоре!

— Признаться, я думал, а что бы сделал сам, оказавшись под подозрением КГБ. Если бы Крючков сказал, что у него имеются материалы такого рода обо мне, я непременно пошел бы к Горбачеву, рассказал о предъявленном обвинении и потребовал разобраться. А до тех пор, пока нахожусь под подозрением, сложил с себя все полномочия. Вот что можно и нужно было сделать в подобной ситуации. Но, когда спустя некоторое время я спросил Горбачева, приходил ли к нему Александр Николаевич для объяснений, тот ответил: Нет, не приходил.

Как далее вспоминает Болдин, первое время Горбачев ограничил количество особо секретных документов, рассылаемых по особому списку Яковлеву. После ухода Яковлева из Политбюро в руководители Группы консультантов при Президенте и вовсе перестал направлять ему сколько-нибудь секретные материалы. Горбачев не дал согласия на проверку агентурных данных, по мнению Крючкова, потому, что «генсек» прочно связал свою судьбу с Яковлевым». Конечно, проверка материалов, полученных

от надежной агентуры, только бы их подтвердила и в этом случае от принятия серьезных мер Президенту деваться было бы некуда. Вероятны арест и следствие. Скорее всего, такой поворот дела по каким-то причинам не был выгоден Горбачеву в те смутные для него времена.

История с Яковлевым впервые была опубликована в открытой печати 13 февраля 1993 года. Газета «Советская Россия» поместила статью Крючкова «Посол беды», вызвавшую весьма широкий резонанс в обществе. Прочитав ее, Яковлев по понятным причинам отрицал даже сам факт беседы с ним Крючкова по поводу агентурной информации. В данном случае налицо явное лукавство, грешит Александр Николаевич. Факт беседы прямо подтверждается Болдиным и косвенно Горбачевым.

Начальник Генерального штаба СССР маршал Ахромеев в беседе с тем же Болдиным также подтвердил, что военная разведка располагала по Яковлеву приблизительно такими же данными, что и КГБ. Вопрос о сотрудничестве Яковлева с американскими спецслужбами так и повис в воздухе, ни Горбачев, ни Яковлев в беседах с Крючковым его не поднимали. Отношения между Горбачевым и Яковлевым не претерпели никаких изменений, они по-прежнему оставались в высокой степени доверительными.

Однако в связи с публикацией статьи Генеральная прокуратура Российской Федерации, возглавляемая тогда Валентином Степанковым, провела расследование. Были допрошены в качестве свидетелей Горбачев, Бакатин, Калугин, Шебаршин, другие бывшие работники КГБ. Но уже 18 июля 1993 года Генеральная прокуратура вынесла постановление о прекращении уголовного дела по фактам изложенным в статье Крючкова за отсутствием события преступления.

Интересно, что вопрос о связи Яковлева с американскими спецслужбами поднимался Крючковым во время следствия по делу ГКЧП, начатого еще в 1991 году, но сюжет также не получил должного развития. И не удивительно:

> *— Крючкову всюду мерещились “агенты влияния”, он все время ссылается на какие-то только ему одному известные источники информации о том, что Запад вынашивает идею “сокращения” населения СССР, что “демократы намечают резню коммунистов и прочее, прочее. В КГБ вообще большие параноики. Воображают порой нечто невероятное, — считает бывший советский разведчик Олег Гордиевский. КГБ мог рассчитывать на сохранение своего могущества только в атмосфере*

всеобщего страха перед внутренним и внешним врагами. Вот, где истоки шпиономании и неиссякаемых разглагольствований о коварном Западе, который не спит, не ест, а только думает, как бы навсегда покончить с "этими русскими",

— писали в своей ставшей скандальной книге "Кремлевский заговор" бывшие тогда Генеральным прокурором Степанков и его заместителем Евгений Лисов.

При таком конъюнктурном и искаженном взгляде на интересы страны и использовании аргументации даже изменника, осужденного преступника, агента английской разведки в 1974-84 годах Гордиевского, бежавшего на Запад в 1984 году и признавшегося в шпионаже — можно вполне обоснованно предположить, какими же могли быть результаты следствия по Яковлеву в 1993 году под руководством того же Степанкова. Ответ: только такими, какими они и стали — безрезультатными.

Вот такая, вполне вероятная, отчасти расшифрованная колумбийская агентурная "сцепка" появилась в 1983 году, но начала успешно действовать немного позднее.

Теперь о результатах ленинградских контрразведчиков, разрабатывавших Калугина по шпионажу. Получить юридические доказательства или взять с поличным Калугина, как мне представляется, было задачей мало реальной и очень сложной. Он, как и большинство советских разведчиков, наружное наблюдение за собой обнаруживал в считанные минуты. Конечно, контрразведка выставляла наружное наблюдение, но оно ожидаемых результатов не давало. Вероятный слуховой контроль и другая оперативная техника также были бесполезными: Калугин их применение предполагал и, скорее всего, использовал для дезинформации, так же как и контр-адмирала Соколова, оказавшегося рядом с ним, как он выяснил через пару лет, по указанию Носырева. Все-таки кое-какие оперативные материалы были получены. Вот некоторые данные, свидетельствующие о контактах Калугина с американской разведкой в Ленинграде.

Генерал армии Крючков пишет, что за время работы Калугина в Ленинграде контрразведка неоднократно фиксировала интерес к нему со стороны американцев. Отмечались случаи, когда и Калугин, и американские разведчики "попадались" на одном маршруте.

В середине 80-х годов в ПГУ поступила информация о том, что в Советский Союз под измененной фамилией выезжает установленный разведчик ЦРУ для встречи с важным агентом из числа советских граждан. Встреча должна была состояться в

Ленинграде, но обеспечение ее безопасности возлагалось на резидентуру ЦРУ, работавшую под прикрытием посольства США в Москве. Прибывшего разведчика взяли под усиленное наблюдение сразу же в международном аэропорту в Шереметьево. Задача стояла одна — установить агента, с которым намечалась встреча. В Ленинград для координации оперативных мероприятий с местными контрразведчиками был направлен один из опытнейших работников Центра генерал В. Позднее он рассказывал, что допустил, по его мнению, непростительную ошибку, раскрыв перед Калугиным цель своей поездки.

— Не могло быть у меня сомнений, ведь Калугин был заслуженный разведчик, генерал, первый заместитель начальника ленинградского управления. Мне и в голову не могло прийти подозревать его, — с горечью говорил В. позднее.

Но не все подробности проводившихся в Ленинграде мероприятий В. рассказал Калугину. Он не раскрыл, что за сотрудником ЦРУ параллельно с ленинградцами ведет слежку бригада наружного наблюдения из Москвы. Она и сумела зафиксировать момент, когда на одном из мостов через Неву пересеклись на встречном движении маршруты американского разведчика и Калугина. После этого американский разведчик быстро покинул Ленинград, и после краткого пребывания в Москве вылетел в Вашингтон. Встреча в Ленинграде не состоялась.

Все это произошло вечером в четверг. Разведывательный почерк ЦРУ в подобных делах был хорошо известен контрразведчикам. Можно было предположить, что по четвергам каждой последующей недели в определенное время Калугин будет подтверждать “сигнал опасности”, который он передал на Невском мосту, означавший отказ от личной встречи или от какой-либо другой операции по причине опасности. Исходя из этого, генерал В. взял под наблюдение силами московской бригады самого Калугина. И он оказался прав. В последующий четверг в одном из театров был зафиксирован визуальный контакт Калугина с хорошо известным ленинградским контрразведчикам сотрудником ЦРУ — агентуристом, работавшим под прикрытием Генерального консульства США в Ленинграде.

Теперь надо было ждать, каким образом американские разведчики передадут Калугину ответный сигнал о приеме его “сигнала опасности”, - рассказывал генерал В.

Ожидания оправдались. В следующие два четверга напротив дома, где жил Калугин, американская разведчица ленинградской резидентуры в одни и те же часы парковала свою машину так,

чтобы ее можно было видеть из окон его квартиры.

Из всего сказанного понятно, что Калугин испугался “промашки” генерала В. и стал допускать ошибки, вынужденно пойдя на визуальные контакты с ЦРУ с тем, чтобы предупредить о невозможности проведения операции и тем самым уйти от неизбежного провала и возможного ареста. Сами по себе визуальные контакты редко могут служить юридическим доказательством — их можно всегда объяснить случайным стечением обстоятельств. Но теперь стало вполне понятно, что разведчик из Лэнгли приезжал в Ленинград для встречи с Калугиным. Сам он, будучи осведомлен генералом В., скорее всего, видел наружное наблюдение, которое велось за американцем во время пересечения их маршрутов на мосту, но не предполагал, что находится “под колпаком” московской контрразведки.

Во всей этой истории много неясных вопросов. Но из сути дела очевидно, что Калугин располагал условиями связи с американскими разведчиками в Ленинграде — визуальные сигналы на мосту, в театре и на улице около дома были обусловлены с ним заранее. Когда он их получил? Возможно, в Москве или Ленинграде на личных встречах или через тайник. Факт налицо — он имел контакты с ЦРУ, и, естественно, мог периодически передавать наиболее важные материалы.

В своей книге Калугин иначе излагает эти события. Он утверждает, что один из знакомых ленинградских контрразведчиков доверительно рассказал ему, что однажды, когда за ним вели наружное наблюдение, он запарковал свою машину и прогуливался по набережной Невы, то в это же время в этом районе оказался работник американского консульства. Поэтому чекисты сделали вывод, что Калугин имел с ним “секретное свидание”. Он не отрицает своих прогулок и возможности нахождения вблизи консульских работников.

Все сказанное о данных, полученных контрразведкой на Калугина в Ленинграде, ни в коем случае не претендует на их полноту. Да, и реальные события развивались лишь примерно таким образом. В ситуации, устроенной ему генералом В., Калугин, похоже, находился на грани провала.

Ленинградским контрразведчикам, конечно, известно значительно больше. Но, в принципе, понятно, что все-таки им не удалось получить доказательства, которые позволили бы привлечь Калугина к уголовной ответственности.

Новые подруги

В конце 1986 года еще одна неприятная история произошла с ним в Ленинграде. Она связана с “любовно-оперативными” целями и привлекательной девушкой по имени Ирина, как он ее назвал в своей книге, которая была моложе его лет на двадцать пять. Впервые он увидел ее в библиотеке Ленинградского обкома КПСС. Она печатала для него выборки материала из книг и газет для докладов и лекций на различные политические темы. Не известно, испытывал ли Калугин какие-либо теплые чувства к Ирине или она была ему нужна только для своих шпионских целей. Хотя, возможно, присутствовало и то и другое. Видимо, соблазнив малоопытную девушку выгодными в те времена поездками за границу, он устроил ее на работу в представительство американской авиакомпании “Пан Американ”. Она летала в разные страны, в том числе и в США, в качестве сопровождающей групп советских граждан.

Однажды на заседании Комиссии по выездам руководитель ленинградского Интуриста представил список лиц, которые “своим поведением скомпрометировали себя” и рекомендовал закрыть им выезд за границу. Решение было принято и подписано в отсутствие Калугина одним из его работников. В списке была Ирина. Основанием явилось заявление некоего работника “Пан Американ” о том, что Ирина использует поездки за границу для личного обогащения. На одном из следующих заседаний комиссии Калугин заявил, что не согласен с таким мнением и лично ознакомится с материалами. Спустя некоторое время, по его предложению комиссия отменила решение на том основании, что “фактор риска при выездах” у нее отсутствует. Об изменении решения, как и положено, был письменно информирован горком КПСС. Однако секретарь горкома Юрий Соловьев, будучи не согласен с подобным поворотом дела, сообщил обо всем происшедшем генералу Носыреву.

Через несколько дней шеф вызвал Калугина для объяснения. Состоялся неприятный разговор. Обвиненный в некомпетентности и, хуже того, в использовании служебного положения в личных интересах — принуждении молодой женщины к сожительству и поэтому “неправомерной защите” ее на комиссии, а также в нелегальной поездке с ней на отдых за границу, — Калугин в конце беседы не выдержал и заявил, что не может больше работать в ленинградском управлении под началом Носырева.

Однако основания для таких обвинений у Носырева имелись. Ленинградским контрразведчикам было достоверно известно, что Калугин имел интимные отношения с Ириной. Однажды, ревнуя ее к руководителю ленинградского отделения “Пан Американ”, более молодому, чем он, затеял с ним скандальный разговор,

вышедший за рамки троих.

Свои отношения с Ириной он строил на основе якобы большой любви, полного взаимного доверия и личной преданности. Для доказательства искренности своих чувств сумел, как бы жертвуя даже своей карьерой, совершить, казалось бы, немыслимый весьма рискованный и откровенно дерзкий поступок, который в те времена действительно так и выглядел: не ставя никого в известность вылететь с ней на отдых на Канарские острова. К своему великому удивлению, ленинградские контрразведчики об этом узнали значительно позднее. Возможно, что этой поездкой Калугин проверял надежность негласного канала для побега из Союза при возникновении опасности ареста и лишь прикрывался Ириной.

Если рассматривать отношения с Ириной через призму шпионажа Калугина, то он фактически готовил ее для использования “втемную”, но при непременном условии, чтобы она никому и никогда не рассказывала об их истинных отношениях — “взаимная любовь” была основой. Во многом своей цели он достиг. Ирина могла быть использована Калугиным для связи с ЦРУ, как курьер. Вся эта история закончилась тем, что руководитель ленинградского отделения “Пан Американ” позвонил в главный офис в Москве и рассказал, что его служащая сожительствует с местным генералом КГБ, который по непонятным причинам ревнует его, и просил совета, как ему поступить. Ирина была уволена.

ОЛЕГ КАЛУГИН. «ПЕРВОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Демократия! Это слово, которое люди всюду толкуют по-разному.

Одно несомненно. Она никогда не существовала.

Какой-нибудь болтун, во весь голос восхваляющий себя,

придя к власти, будет рубить голову каждому, кто посмеет

с ним не согласиться и будет называть это демократией,

где все от имени народа и во имя народа.

Агата Кристи.

Новые задачи ЦРУ — новое задание агентуре

В январе 1983 года президент Рональд Рейган подписал секретную директиву Совета национальной безопасности № 75, в которой определялись новые стратегические цели США — “фундаментальные изменения советской системы”. Главная ставка делалась на создание и консолидацию “внутренних оппозиционных сил” в СССР и социалистических странах, которые при поддержке извне должны добиваться захвата власти и политической переориентации своих стран на Запад. В основу конкретных действий была положена “программа демократии и публичной дипломатии”. На нее выделялось в первые два года свыше ста миллионов долларов. Из них, в частности, восемьдесят пять миллионов шло на подготовку будущих кадров, денежные дотации нужным людям, оплату их зарубежных поездок, снабжение компьютерной техникой и другие подобные цели.

Подготовка к глобальному прорыву в борьбе с социализмом началась еще в 1981 году сразу же с приходом к власти Рейгана. Главным объектом был СССР. Доклад директора ЦРУ Уильяма Кейси президенту содержал подробные материалы о состоянии обороны страны, экономики, валютных и золотых запасах, а также сверхконфиденциальные данные об агентуре, в том числе об агентах влияния в государственных структурах СССР. Директор ЦРУ, руководствуясь национальными интересами США, полагал, что “наступила благоприятная ситуация для нанесения

серьезного ущерба Советам, ввергнуть в полный хаос их экономику, взять под контроль и оказывать влияние на развитие событий в обществе и государстве". Кейси писал: "Я считал, нужны разведка, тайные операции, организованное движение сопротивления нам нужны еще несколько Афганистанов. В будущем эти методы могут оказаться более результативными, чем снаряды и спутники".

Агенты и контакты влияния

Далеко не всегда речь шла о подготовке шпионов для получения разведывательной информации. Для американских и других западных спецслужб не менее важным стало приобретение агентов и контактов влияния, которые проводили бы в своих странах выгодную для США политику. Они, в своем большинстве, не находятся на постоянной связи у резидентур, не встречаются конспиративно с разведчиками, не "крадут" секретные документы и не закладывают их в тайники, не обучены проверяться от наружного наблюдения. Связь с ними и инструктаж проводятся на официальных встречах или при выездах за границу. Некоторые из них осознанно выполняют задания разведки, другие могут использоваться "втемную" под флагом любых общественно-политических организаций, третьи выступают в виде оппозиционеров правящему режиму как самостоятельные лидеры. В "Энциклопедии шпионажа", изданной в Лондоне в 1985 году, "агент влияния" определяется как один из тех, кто в первую очередь стремится повлиять на общественное мнение, а не заниматься сбором разведывательной информации.

Формы их привлечения и использования существуют самые разнообразные и определяются сугубо конкретной ситуацией. Многие из них работают на идеологической основе, отказываясь от материального вознаграждения. Вполне понятно, что такая агентура и контакты приобретается в странах с враждебными или недружественными политическими режимами. Разоблачение ее контрразведкой и сбор доказательств о преступной деятельности весьма затруднительны, вещественные улики отсутствуют, хотя косвенных признаков бывает предостаточно. Агенты и контакты влияния числятся в оперативных учетах большинства спецслужб, как действующая агентура.

С постепенным развитием советско-американских межгосударственных отношений в 70-х и последующих годах значительно расширилась вербовочная база по созданию агентурной сети. Любые поездки советских граждан в США

привлекали усиленное внимание ФБР и ЦРУ. Следует отметить, что английская разведка МИ-6, американское ЦРУ и разведывательные службы других западных стран в 70-х годах сменили тактику и стали вести вербовочную работу среди советских граждан на территории своих стран.

С наступлением периода гласности для американских спецслужб особенно важной стала разработка советских политических деятелей и других контактов, которые могли оказывать влияние на ход событий в стране. Этих людей полу скрытно обрабатывали сотрудники посольства США в Москве или более массировано и активно во время их поездок за рубеж. Такие агенты, или контакты влияния, не находились на содержании иностранных спецслужб и получали завуалированное вознаграждение в виде щедрой оплаты расходов во время поездок, бесплатного отдыха и лечения, повышенных гонораров за публичные выступления, устройства детей в престижные учебные заведения за границей и многое другое.

Еще в 1977 году Председатель КГБ Андропов в секретном письме в ЦК КПСС “О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан” предупреждал советское руководство, что “в последнее время ЦРУ разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи… Деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках разведки…По замыслу ЦРУ, деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания по тупиковым направлениям. При выработке своих планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях…Осуществляемая в

настоящее время американскими спецслужбами программа, будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом западных идеалов".

Наряду с работой по созданию сети агентов влияния, американцы, естественно, поддерживали секретную связь с классической агентурой, добывающей информацию. Разоблачить шпиона и предать суду за его деятельность является весьма сложной, но все-таки вполне посильной задачей. Подозрения и даже уверенность, основанная на оперативных данных и профессиональных оценках, судом не принимаются. Со своей агентурой американские разведчики работали через тайники, максимально ограничивая личные встречи.

В середине 80-х годов советской разведке и контрразведке удалось выйти на обширную агентурную сеть в Советском Союзе. Были разоблачены десятки агентов ЦРУ и других западных спецслужб, вербовка которых состоялась в разное время — от одного года до тридцати лет тому назад. Выявлено и разоблачено ряд агентов из числа сотрудников советских спецслужб. В вашингтонской резидентуре агентами ЦРУ являлись сразу двое — работник научно-технической разведки подполковник Валерий Мартынов и внешней контрразведки майор Сергей Моторин, в боннской резидентуре Геннадий Вареник, в ПГУ — работник внешней контрразведки Леонид Полещук и другие, в ГРУ — руководящий работник генерал-майор Поляков, муж и жена Сметанины. В одном и том же отделе Института США и Канады — Сергей Федоренко и Владимир Поташов, ведущий инженер в области систем управления ракетами и самолетами в Министерстве радиопромышленности Адольф Толкачев и многие другие. Из Москвы западные спецслужбы негласно вывезли агента МИ-6 полковника внешней разведки Олега Гордиевского и агента ЦРУ ответственного сотрудника шифровального управления майора Валерия Шеймова с семьей.

В книге американского писателя Пита Эрли "Признания шпиона", написанной в 1997 году о высокопоставленном сотруднике ЦРУ Олдриче Эймсе, работавшем на советскую и затем на российскую разведку с 1985 по 1994 год, по этому вопросу есть такие слова:

— Изучая стопки советских дел, Рик (Эймс — Примечание автора) постепенно осознал исключительность своего положения. В 1983 году в СССР работало больше шпионов ЦРУ, чем когда бы, то ни было за всю историю существования Управления. Степень доступа ЦРУ к советским секретам была поистине

ошеломляющей. Где только “кроты” не прорыли свои ходы.

Из-за всего этого советская система напоминала кусок швейцарского сыра.

Бог мой! — в последствии вспоминал Эймс, — наши были везде. Шпионы ЦРУ проникли во все участки советской системы: в КГБ, ГРУ, Кремль, научно-исследовательские институты. У нас буквально шпион сидел на шпионе.

Отдельные высказывания бывших руководящих работников КГБ СССР также свидетельствуют о значительных успехах агентурного проникновения американской разведки в эти годы в важнейшие государственные структуры советской страны. Конечно, большинство агентов были разоблачены, в том числе и Эймсом, но ущерб был нанесен значительный. Кстати американские спецслужбы не любят обсуждать тему о своих предателях. Интересно отметить, что к пятидесятилетнему юбилею ЦРУ в 1997 году в американской прессе незаметно все-таки промелькнуло сообщение, что за это время в его личном составе было разоблачено свыше 200 предателей. Если считать, что предатели категория неизбежная и постоянная для всех без исключения спецслужб, то можно сделать предположение о примерном паритете успехов противоборствующих разведок в области вербовки агентуры. И если это соотнести с российскими спецслужбами, то можно предположить, что за это же время ими было вскрыто также не менее 200 вражеских агентов.

Надо ли спецслужбам иметь такое количество агентов и не является ли погоня за ними навязчивой идеей разведок? Возможно, отчасти и так. Интересны высказывания на эту тему бывшего заместителя начальника советской разведки начальника Управления “С” генерала Юрия Дроздова. Отвечая под ночным звездным небом Афганистана на “философский” вопрос Председателя КГБ Владимира Крючкова: “А сколько вообще нужно иметь агентуры, чтобы знать, что происходит в мире?” — понимающий толк в разведчиках генерал, назвав несколько имен, ответил: пять, шесть человек, а вся остальная агентурная сеть должна обеспечивать их, отвлекать от них внимание.

Вот такая оперативная обстановка для ЦРУ сложилась в 80-х годах, когда у Калугина в Ленинграде возникли трудные проблемы. Он понимал, что не может долгое время находиться вне связи с ЦРУ. Могли появиться подозрения в уклонении от сотрудничества, что ни один раз из-за страха случалось в подобных ситуациях с другими агентами. Американцы могли бы повторить попытку провести личную встречу и вновь направить представителя в Ленинград. Тогда от провала уйти было бы невозможно. Использование канала “Пан Американ” провалилось,

чудом удалось прикрыться любовной интригой. Выезды за границу закрыты. Тревожным мыслям не было конца, тем более он слышал о многих арестах американской агентуры в Москве.

Нужно было что-то предпринимать! И вновь появляется Яковлев. Как пишет в своей книге Калугин, он впервые после возвращения из Канады посетил своего старого друга осенью 1984 года, до прихода Горбачева к власти. Он хотел предупредить команду Горбачева, в том числе и Яковлева, о той опасности, которую мог представлять для них Крючков:

· Я работал с Крючковым около десяти лет и знаю его, как опасного человека.

· Не верьте ему!

Вспоминая эту встречу, он пишет, что Яковлев в Москве сразу же становится ближайшим советником Горбачева. Калугину было понятно, что они уже тогда готовили план действий “по захвату власти” Горбачевым после смерти Черненко. Во время их разговора Яковлеву позвонил Горбачев. Яковлев сразу же сказал, что разговаривал с членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС Горбачевым и добавил:

— Он великий человек. Если станет Генеральным секретарем, то произойдут огромные перемены в нашей стране. Он реформатор с большой буквы “Р”.

Из всего сказанного Калугиным об этой встрече вызывает недоумение вопрос: почему он считал необходимым предупредить Горбачева и Яковлева об опасности со стороны Крючкова? Будем полагать, что Калугин в книге говорит правду. В 1984 году Крючков являлся начальником советской разведки, участвовал в формировании внешнего и внутреннего курса страны, не влияя на сложные партийные игры при выборе Генерального секретаря. Все-таки, цель поездки одного “колумбийца” к другому состояла не в предупреждении Горбачева. Как свидетельствуют последующие действия Калугина, видимо, на первой встрече со “старым другом” он рассказал о своих злоключениях с 1979 года, связанных с Куком и о ленинградских проблемах. Крючков в данном контексте действительно представлял для них опасность, так как могла всплыть еще и “колумбийская” история. Она влекла для них реальную угрозу.

Калугин в книге упоминает лишь об этой единственной встрече с Яковлевым за то время, пока он находился в Ленинграде. Но их конспиративные встречи в Москве были зафиксированы контрразведкой неоднократно. По каким-то причинам Калугин и Яковлев не хотели, чтобы об этом знал КГБ. Предположения могут быть разные. В некоторых источниках

указывается, что Яковлева в то время в КГБ считали резидентом ЦРУ в Москве. Но эту версию чекистам не удалось проверить — слишком высокие кресла занимал он на Старой площади. Трогать партийных функционеров, даже при наличии серьезных компрометирующих данных, Комитету категорически запрещалось: Ахиллесова — пята КПСС.

После неприятного разговора с Носыревым Калугин в очередной раз выехал в Москву для негласной, причем длительной, встречи с “колумбийцем”. Возвратившись, он встал на новый путь поведения, который, вероятнее всего, был окончательно отработан совместно со “старым другом” — идеологом грядущей перестройки, давшей необратимый стремительный толчок к разрушению советского государства. Слишком коротким оказался отрезок времени от возвращения Калугина в Ленинград до его следующих неожиданных шагов, чтобы предполагать иное.

Новое амплуа Калугина полностью соответствовало задачам ЦРУ на этом этапе борьбы против советского государства, в которой особое место отводилось операциям против КГБ. Роль главного руководителя, исподволь готовящейся пропагандистской кампании, явно была возложена на Яковлева, а исполнителем нагнетания ненависти к Комитету становился под крышей “диссидента в КГБ” генерал от разведки Олег Калугин. Яковлев к этому времени усиливает свое влияние на прессу.

После этой встречи Калугин встал на путь борьбы с КГБ.

— Достаточно, с меня хватит. КГБ не верит в мою преданность и продолжает следить за мной. Ничто меня не остановит, сказал я себе, — откровенничает он в книге.

Я дословно привожу его слова. В данном случае они нуждаются в комментариях. Будучи честным человеком, не связанным с ЦРУ, Калугин так бы не сказал. Ведь он действительно соблазнил и заставил подневольную молодую женщину лечь с ним в кровать. Она была вынуждена согласиться, понимая, что ее работа во многом зависит от него. Выезд за границу он мог ей закрыть в любое время, что повлекло бы затем и трудности с устройством на другую работу.

Его отношения с этой женщиной выглядели, как аморальные и не достойные мужчины. Чувство настоящей вины всегда гнетет человека. А Калугин, как видно из его слов в книге, стал обвинять во всех своих бедах Комитет, но только не себя. Хотя, казалось бы, основой недовольства Калугина должно было стать его расхождение со службой во взглядах на мораль. Но тогда он не смог бы публично обосновать свою “диссидентскую” позицию.

Поверить в правдивость его слов невозможно — так в жизни

не бывает. Он вынужден их написать для оправдания своего “диссидентского” будущего, пытаясь убедить, что его новая линия поведения вызвана политическим недоверием к нему, необоснованным подозрением в шпионаже, несогласием с методами работы службы. Фактически же он начал выполнять новое задание ЦРУ, играя роль схожую с ролью агента влияния. Теория здесь не важна, главное — действия и результаты.

Первое, что он сделал, вернувшись от Яковлева, — написал письмо на шести страницах под грифом “Совершенно секретно” на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева и отправил его фельдъегерской связью в Москву. Этот шаг, конечно, был разработан с Яковлевым.

В письме Калугин обвинял ленинградских партийных, советских руководителей и генерала Носырева в нежелании бороться с коррупцией, некомпетентности и протекционизме, нарушении норм партийной морали.

Спустя две недели в Ленинград прибыла специальная комиссия во главе с заместителем председателя КГБ СССР по кадрам Виталием Пономаревым. В ее состав входили также работники ЦК КПСС. Но, как пишет Калугин в книге, комиссия не расследовала указанные в письме факты, а стала собирать сведения о нем — связях с женщинами, участьях в попойках с подчиненными, саунах, присвоении и растрате служебных денег, связях с иностранцами и т. п… Появление комиссии было в его интересах: отвлечь внимание от разработки по шпионажу, создать имидж борца с несправедливостью, выяснить, какой компромат имеется на него в Ленинграде и Москве, а также наиболее важное и тайное — положить начало решению вопроса о его возвращении в Москву как “реформатора” КГБ.

Но решить поставленные задачи удалось лишь частично. Через некоторое время его вызвали в Москву и объявили о переводе в резерв Комитета и назначении офицером безопасности в Академию Наук СССР. Якобы недовольный такой невысокой должностью, он попытался отказаться и просил дать время на обдумывание. На следующий день встретился с Яковлевым, который посоветовал согласиться с предложением. Яковлев рассказал, что разговаривал с Горбачевым и Крючковым, пытаясь убедить их вернуть его в Москву и назначить на руководящую должность в КГБ, но все старания закончились безрезультатно. Об этих днях Калугин говорит:

— Я не видел другого пути, но смутно предчувствовал, что впереди лежат большие задачи. Я не знал, какие они, но понимал, что сыграю большую роль в реформах службы, которой посвятил свою жизнь…Я возвращался в Москву с главной целью: взорвать и

реформировать этот гигантский кусок тоталитарной машины.

Вновь придется кратко прокомментировать его слова. Скорее всего, он ничего не предчувствовал и тем более не предвидел, и написал их в книге, чтобы показать себя этаким провидцем. Но можно с уверенностью предположить, что на встрече с Яковлевым были очерчены его будущие задачи по борьбе против КГБ.

Прощанье с коллегами в Ленинграде было быстрым, немногие пришли сказать до свидания, большинство сторонилось общения, смотря на него как на опасную и запачканную личность. В начале января 1986 года, после семи лет, принесших много бессонных ночей и тревожных ожиданий, Калугин возвращается в Москву.

“Борец” за реформу КГБ

Он приступил к исполнению новых задач, поставленных ЦРУ на этом этапе перестройки. Вскоре вновь посетил Яковлева. Было решено написать пространное письмо Горбачеву. В нем он настаивал на необходимости немедленного проведения коренных реформ в КГБ, требуя, прежде всего, усиления контроля со стороны ЦК КПСС, раздробления функций и ликвидации “государства в государстве”, сокращения на одну треть штата и снятия большинства ограничений на выезд за границу и многого другого. В противном случае, пугал Калугин Горбачева, перестройка “захлебнется” и не достигнет своих целей.

Отдельные предложения отвечали задачам времени и с ними трудно было не согласиться — Комитет, как и многие другие государственные структуры, нуждался в реформировании. Постепенно немалые изменения в работе уже происходили. Но смысл предложений Калугина заключался не в улучшении работы органов госбезопасности. Он понимал, что реализация его предложений, основанных на ликвидации Комитета, как системы якобы противостоящей государству, не на одни год выведет такой сложный и громоздкий аппарат из работы. Преследовалась цель — лишить государство важного органа в то время, когда было необходимо, как никогда, его охранять. Постепенное же реформирование для противников СССР было опасным — оно в действительности укрепило бы государство, сохранив и усилив его стража.

Калугин отвез письмо Яковлеву, который одобрил его и лично передал Горбачеву. “Диссидентское” прикрытие генерала от КГБ окончательно определилось. Хотя Яковлев заверял Калугина, что Горбачев внимательно ознакомился с письмом и согласился с некоторыми предложениями, ожидаемого результата

они не получили. Хуже того, через некоторое время Калугина вызвал председатель КГБ Чебриков и стал расспрашивать о содержании письма. Во время разговора Калугин, в частности, заявил:

— Я не могу понять, как эта организация, которой я преданно служил свыше тридцати лет, может подозревать меня как агента ЦРУ все это время. Вы знаете об этом?

Ответ председателя был понятен:

— Мы вправе проверять любого.

В январе 1988 года Калугина перевели в Министерство электронной промышленности, где он занимался вопросами рассекречивания объектов. Работой удовлетворен не был, но положенными льготами пользовался и был доволен. В сентябре 1989 года, когда ему исполнилось пятьдесят пять лет, его вызвали в кадры и объявили о предстоящей отставке. В планы Калугина увольнение из органов госбезопасности не входило — окончательно пропадала надежда на карьеру в КГБ, на что он и Яковлев еще продолжали надеяться. Калугин предпринял неординарный ход и, как мне представляется, совершил ошибку, явно переоценивая влияние “колумбийца” и искренность Горбачева. Он попросил ставшего к этому времени председателем КГБ СССР Владимира Крючкова принять его для личной беседы. На приеме он прямо заявил, что хотел бы и далее работать в органах госбезопасности, причем в Москве. При положительном решении он обещает ничего отрицательного о Комитете не писать, а жить и работать мирно. Но если его все-таки уволят, то он начнет публично выступать против КГБ и никакого мира не будет. Конечно, такой разговор с Председателем КГБ не мог закончиться в пользу Калугина. Прямой шантаж еще раз убедил Крючкова в правильности мнения о Калугине как о беспринципном человеке, способном ради своих целей одевать любую маску, скрывавшем долгое время свое истинное лицо — откровенного врага своего государства. Об этой встрече с председателем он в своей книге не рассказывает.

26 февраля 1990 года он был уволен. Получив удостоверение пенсионера, он направился от Лубянки по Никольской улице в Историко-архивный институт. Разговор с директором института Юрием Афанасьевым, выступавшим за коренные преобразования в СССР, был непродолжительным:

— Я хочу помогать демократическому движению. Я уверен, что мой опыт и знания будут полезными. Вы можете использовать меня так, как сочтете нужным, — заявил Калугин. Его собеседник, казалось, не был удивлен:

— Я всегда считал, что такие люди, как Вы, придут к нам, —

ответил, приветливо улыбаясь, Афанасьев.

Калугин ощущал, что с его плеч “свалилась тяжелая ноша”, чувство собственной ничтожности и страха постепенно покидало его, и, наконец, он сможет “жить так, как хотел”. Вот такие откровенные мысли посещали его после увольнения из КГБ, где он стал “самым молодым руководителем в разведке и самым молодым генералом”, и так этим гордился?

Из сказанного в этой части книги видно, что “колумбийские друзья”, Яковлев и Калугин, делали основную ставку при выполнении своих задач на поддержку Горбачева.

Перестройка

Все зависит от характера гласности.

Агата Кристи

К концу 80-х и началу 90-х годов американцы резко усилили разведывательную работу в СССР. Сотрудники московской резидентуры и “чистые” дипломаты проводили по нескольку встреч в день со своими контактами, собирая информацию и давая рекомендации. На помощь им из США в срочном порядке направлялись десятки экспертов, делегаций, “гостей посла”, значительно расширялся корпус журналистов. Государственными органами был утерян контроль за направлением приглашений для иностранцев от различных политиканствовавших личностей и за выдачей виз.

Развал государственной машины неуклонно вел к снижению дисциплины и ответственности, у многих вызывал ощущение нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне. Глубокий кризис постепенно охватывал все сферы общественной жизни и государственной системы. Горбачев и Яковлев — основные действующие лица перестройки — не дали реальной программы экономического и политического развития. Обещанные людям перемены и улучшение жизни не наступали, народ слышал лишь надоевшую всем болтовню, катившуюся как снежный ком. Роль государства дискредитировалась его правителями. Произошла невиданная до сих пор политизация широких масс населения. В стране появлялось все большее число разнообразных политических и общественных течений во главе с новыми лидерами. Шел неизбежный исторический процесс — смены общественной формации.

КГБ располагал обширной достоверной информацией,

которая постоянно докладывалась Горбачеву. Однако никаких действенных мер ни им, ни его приближенными не принималось. “Мои попытки поговорить с Горбачевым заканчивались или пустыми отговорками или уклончивыми обещаниями разобраться. Неискренность Горбачева сомнений не вызывала. Лидер партии действовал против партии, Президент Союза разрушал Союз…Явно просматривалась зловещая роль Яковлева” — такими словами характеризует Председатель КГБ СССР Владимир Крючков те смутные времена.

Первое публичное выступление Калугина с обвинениями в адрес КГБ состоялось 16 июня 1990 года в зале кинотеатра “Октябрь” на Калининском проспекте (ныне Новоарбатский) на собрании нового политического объединения — Демократической платформы в КПСС. Оно сразу же привлекло внимание прессы — впервые в советское время бывший работник КГБ, причем в звании генерала, выступал с обвинениями в адрес организации, критика которой стала только появляться. Все, что он говорил, принималось на веру и поддерживалось.

Сейчас, когда прошло время, хотя и не столь длительное, стоит напомнить читателю о том, что “перестройка”, начатая Горбачевым в 1986 году, привела к гласности во всех областях жизни советского общества. В силу именно такой ситуации и поддержки Яковлева Калугин получил неограниченную возможность выступать в советской и иностранной прессе, по зарубежному и центральному радио и телевидению, на собраниях и митингах.

Его слова воспринимались с интересом, хотя бы потому, что тема КГБ и вообще органов госбезопасности среди населения стала востребованной. Впервые за время советской власти появилось множество, правильнее сказать, лавина книг и статей о “деяниях” большевиков в первые годы после революции, гибели невинных людей, Белом движении, сталинских репрессиях, нравах и ужасах ГУЛАГа и тому подобное. Конечно, многое было откровением, быстро раскупалось и читалось. Старые дела ЧК-ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ перекладывались волей неволей, а во многом и преднамеренно, на КГБ. О заслугах органов госбезопасности никто не вспоминал, наоборот все очернялось. Поэтому не удивительно, что немногие фолианты и обширное словоблудие Калугина оказались ко времени. Пресса активно ему помогала.

Нельзя сказать, что он так правильно смог рассчитать время для раскачивания недоверия людей к органам. Время само создало благоприятные условия для его “разоблачений”, и он им воспользовался. В принципе, ничего нового или неизвестного

прежде сказано не было, и это отмечалось даже его единомышленниками. Но для людей несведущих и не особо вникавших в политику он казался первооткрывателем, и в оценке органов — борцом за справедливость. Сейчас, в наши дни, читая его статьи и выступления, диву даешься, как быстро можно было в те годы заслужить популярность столь пустыми словами и демагогическими измышлениями. Но таково было время — грядущих коренных, слава Богу, эволюционных преобразований в жизни всей советской страны. Общество требовало перемен, и впитывало любую правдивую и неправдивую информацию.

Нет необходимости подробно останавливаться на всех его выступлениях, но для доказательности своих оценок, все-таки сгруппирую основные обвинения по предметам критики. Такой подход даст возможность четко определить и обосновать, где он говорит правду или ложь, и почему? Важно учесть, что ложь, обман, подтасовка фактов и прочие приемы “виртуозного обмана венчают все усилия игрока” (помните его слова о Гордиевском?), то есть, проще говоря, являются у Калугина как агента ЦРУ средством достижения цели. Моя задача показать применение этого “средства” (лжи) на конкретных примерах.

Все его обвинения КГБ сводились к следующему:

— Вербовка агентуры в среде инакомыслящих; денежная оплата работы агентов.

— Подслушивание телефонных разговоров, перлюстрация почты, сбор компрометирующих материалов на всех советских граждан.

— Политическое руководство КГБ аппаратом ЦК КПСС и в силу этого сопротивление перестройке.

Требования, которые он выдвигал:

— Коренная реорганизация КГБ, разделение функций, сокращение штатов на 50 процентов.

— Отказ от платной агентуры.

— Прекращение политического “сыска” и всех связанных с ним действий.

— Контроль парламентом за КГБ, полная “прозрачность” деятельности, деполитизация.

В выступлениях не приводились факты, хоть как-то подтверждавшие его слова. Давался набор фраз и слов, верить которым следовало бездумно. Например, КГБ “вмешивается по воле партии во все государственные дела и общественную жизнь — в экономику, культуру, науку, спорт, религию…Новый облик — это наведение румян на сталинско-брежневскую школу. Основы, методы, практика остались старые. Там есть мошенники,

вымогатели, убийцы, контрабандисты, преступники всякого рода. Любая организация, будь то ЦК КПСС, или КГБ, должна быть поставлена на равные начала с любой другой организацией. Вот во что превратилось, в конце концов, наше общество, которое за идею стало отправлять и в ссылку, и на каторгу, и под расстрел миллионы и миллионы граждан".

В этом наборе слов, хаотично нагроможденных друг на друга и рассчитанных на нетребовательную стихию людского брожения тех лет, трудно увидеть мысли и стремления человека, действительно желавшего чего-то полезного своей Родине и той Службе, в которой он "честно прослужил свыше тридцати лет". Мне кажется, что другие комментарии здесь не нужны. Можно лишь отметить, что органы госбезопасности никогда не управляли экономикой, наукой или другими отраслями народного хозяйства. Всемирно известный правозащитник академик Андрей Сахаров, немало обид вынесший от КГБ, открыто признавал, что "именно Комитет оказался благодаря своей элитарности почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии". Сахаров говорил о структуре в государственной системе, не об отдельных грязных личностях, которые, как и во всем обществе, не могли не встречаться и в КГБ. Калугин же, преднамеренно пытался распространить эти частности на всю систему органов госбезопасности. Прием избитый, но его цели требуют любых средств.

Кстати, Калугин на протяжении всех лет работы в госбезопасности, в том числе и в Ленинграде, проявлял себя как особо ретивый "партиец". Он постоянно требовал усиления партийного руководства, особенно по линии отдела административных органов ЦК КПСС, видел в этом главное средство решения органами госбезопасности стоящих перед ними задач. Усердно клеймил тех, кто, по его мнению, отступал от принципов партийного руководства". Вероятно, многие читатели помнят, как в 1977 году всю страну ЦК КПСС заставил обсуждать на читательских конференциях три "выдающихся" произведения Леонида Брежнева. Подавляющее большинство людей воспринимало кампанию как очередной партийный фарс, и сотрудники разведки не являлись "белыми воронами". Однажды секретарь парткома управления внешней контрразведки ПГУ Николай Штыков в присутствии Калугина выразил сомнение — надо ли изучать, как это предписывалось свыше, литературные произведения Брежнева — они, мол, ничего не дают, да и не им самим написаны. Калугин при всех резко осудил Штыкова, затем добился снятия его с должности и перевода из управления. Этот

случай живо обсуждался в коллективе, как пример показной “верности партийному знамени и принципиальности” Калугина. Трансформация взглядов? Исключено, их никогда не было, существовала скрытая конъюнктура, ложь и тогда, и сейчас.

Способность использовать ситуацию, добиться, чтобы обману поверили, влияет на успех работы любого агента. Вопрос об аморальности решается ответом — ради решения каких задач применяется такой метод? В случае с Калугиным задачи, которые он решал, всегда и для всех аморальны — нанести ущерб Родине, системе обеспечения безопасности государства, причем за деньги главного в то время противника этого государства — американских спецслужб.

Вот его слова о Куке: “…Оказал немалую помощь советским специалистам в создании современных видов ракетного топлива. Был осужден по сфабрикованному обвинению в спекуляции антиквариатом и валютой. Долгие годы разрабатывался как шпион ЦРУ, но подтверждения не нашлось. В этой связи в 1980 году Андропов, тогда еще председатель КГБ, направил меня в Ленинград, считая, что я наделал много шума и, пока все не осядет, мне надо там пересидеть. Но, чтобы я не обижался, меня сделали первым заместителем начальника УКГБ”.

Как видите, о настоящей причине перевода в Ленинград — сауне с женщинами — не говорит. Конечно, если скажешь, люди могут отторгнуть аморальную личность, и необходимая карьера честного поборника справедливости не сложится. Надо ложью закрыть правду! О помощи Кука в создании топлива — ущерб от такой “помощи” составил 80 миллионов рублей, о чем он знал из следственного дела. Но аудитория не знает правду, можно с выгодой для себя подкидывать неправду. В словах об обиде звучит явное возвышение своей личности и не очень скрытые амбиции.

Характерны его высказывания в эти времена о своем “ангеле-хранителе” Андропове, оценка которого резко изменилась, — не стало нужды говорить о нем восхитительно:

— Что бы ни говорили сегодня об Андропове его апологеты, он никогда не был демократом. При нем общество жило в атмосфере запуганности внешним врагом, шпиономании, подозрительности в отношении каждого, кто вел себя неординарно, выделялся своими суждениями и внешним видом.

Этой фразой он защищает себя, кого Андропов, и вполне обоснованно, подозревал в шпионаже. То же средство — ложь. Не было во времена Брежнева и Андропова никакой шпиономании и запуганности. Наоборот, Советский Союз смотрелся в глазах его граждан как несокрушимый оплот мира и все ощущали его

величие. Телесериал “Семнадцать мгновений весны”, кинофильмы “Мертвый сезон”, “ТАСС уполномочен заявить” о советских разведчиках и контрразведчиках имели огромный успех, книги на эту тематику шли нарасхват. И опять намек на свою неординарность, выгодное отличие от других. Конечно, Андропов и все другие, посвященные в его разработку, для агента американской разведки Калугина являлись опасностью № 1, но такое сказать он мог только в ЦРУ. Сейчас его задача — опорочить всех и вся.

Не стоит доказывать, что все измышления Калугина весьма противоречивы, мало в них здравого смысла — навороты, подмена понятий и очень много прямой лжи. Это соответствовало его задачам, а время позволяло.

Особого внимания заслуживают его слова о своих достижениях в разведке. На вопрос корреспондента газеты “Аргументы и факты”, за что он получил государственные награды, он отвечал:

— Первый из трех орденов — Знак Почета я получил в 1964 году, скажем так, за активную работу по приобретению источников информирования за границей. Ордена Красной Звезды в 1967 году и Красного Знамени в 1977 году были мне вручены за операции, условно говоря, направленные на обеспечение национальной безопасности.

Зная о работе Калугина в КГБ и его личных оперативных “достижениях”, можно высказаться и по его наградам. Орден “Знак Почета” за Кука — читатель знает о “пользе” материалов по твердому топливу от этого подставленного агента. “Красная Звезда” — за работу короткое время по составлению “выжимок” для Центра из материалов “агента XX века” Джона Уокера. За “выжимки” орденов не давали. Понятно — получил по протекции высокопоставленных покровителей. Третий и самый почетный орден “Красного Знамени” — за операцию по Ларку в Вене, фактически же за его тайное умышленное убийство. Да, КГБ, награждая его, не знал правды, но Калугин ее знал досконально, и, несмотря на это, с трибуны говорил о своих орденах с достоинством и гордостью, как заслуживший их “верой и правдой”. В итоге, Калугин оказался “голым”, он не достоин ни одного ордена: все получены обманным путем. Читателю также известно, что ни одной вербовки агента за тридцать с лишним лет работы в органах госбезопасности он не провел. Непонимание вызывает также фраза: за обеспечение “национальной” безопасности. Не было такого выражения в среде чекистов в то время — было принято говорить за обеспечение государственной безопасности. Такими словами определяют заслуги перед своей

страной именно американцы.

Еще один пример. В интервью газете “Коммерсант” 2 июля 1990 года он рассказывал, что в феврале месяце этого же года подготовил большую аналитическую статью по реформированию КГБ для журнала “Огонек”, заручившись обещанием главного редактора Коротича ее опубликовать. Коротич показал ее в КГБ для оценки на предмет содержания государственной тайны. Затем его якобы вызвали аж в Политбюро и запретили печатать. Спустя четыре года в своей книге Калугин уже по-другому описывает тот же факт:

— Я написал большую статью по реформированию КГБ для “Огонька” и передал ее Коротичу для публикации. Одновременно показал статью моему близкому другу Яковлеву, который, прочитав ее, позвонил Коротичу и строго рекомендовал ее не публиковать. Яковлев мне объяснил, что у Горбачева слишком много других проблем, чтобы сейчас отвлекать его на КГБ.

О запрете статьи Комитетом и речи нет, оказывается, его друг решил ее не публиковать. Запамятовал Калугин, о чем говорил раньше?

Другой характерный пример. В той же беседе он неожиданно проговаривается: “Выступать с обвинениями в адрес КГБ начал, не находясь в плену эмоций. При Черненко я бы не вылез, это было бы чистой воды самоубийством. Я точно все рассчитал и первый тайм выиграл”. Ставка “колумбийцами”, как видно из смысла, сказанного делалась на Горбачева.

И еще откровение — и ложь: “За время моей работы в качестве начальника внешней контрразведки ни одного агента из числа сотрудников ЦРУ советская разведка не имела”. Знал ли Калугин обо всей советской разведке? Нет, знает обо всем только начальник разведки. Но известно, что лично Калугин был виноват в умышленном срыве всех известных ему операций по вербовке сотрудников ЦРУ. В итоге разведка не получила важнейшую информацию об агентурной работе американской разведки в СССР. А, дело Ларка? Потенциально оно принесло бы немалые оперативные результаты. Обо всем этом подробнее расскажу ниже.

Конечно, лучше всех об ущербе, нанесенном Калугиным, известно ЦРУ. Но об этом мы узнаем лишь лет через тридцать-пятьдесят или более, когда в соответствии с американским законодательством будут открыты архивы Лэнгли.

Прямой обман, подтасовка и прочая фальсификация были направлены в первую очередь на рядовых читателей, профессионально не знакомых с данной тематикой и фактами. Кажется, вполне достаточно сказанного, чтобы понять истинные

позиции и задачи Калугина и при использовании “демократического движения”, как прикрытие для своих истинных целей.

30 июня 1990 года по представлению Председателя КГБ своим Указом Президент СССР лишил Калугина государственных наград, а Совет Министров СССР — звания генерал-майора запаса. Примерно в это же время против него было возбуждено уголовное дело по факту разглашения государственной тайны. И вновь поднялась газетная шумиха в защиту Калугина, в главном огульно повторявшая его измышления.

В конце июня в газете “Правда” опубликовано заявление КГБ СССР по поводу выступлений и интервью Калугина, а затем текст беседы корреспондента газеты в Центре общественных связей КГБ с более подробным изложением оценок основных его высказываний. Однако все выкладки Комитета были восприняты “свободной” прессой в духе времени — любой обиженный брался под защиту, он — герой, все нападающие обвинялись, они — антиподы. Таково было время, и так действовала броская на любые “жареные” факты неразборчивая пресса. Может быть, хотели лучше, а получилось как всегда — во вред.

Осторожно! Депутат!

Как пишет Калугин в книге, совсем неожиданно для него в середине июля 1990 года ему поздно вечером позвонили домой из Краснодара, и незнакомый голос сказал, что коллектив какого-то исследовательского центра газовой промышленности хочет выдвинуть его кандидатом в народные депутаты СССР на освободившееся место. Он сразу же дал согласие и через несколько дней вылетел в Краснодар. Но звонок не явился столь неожиданным, как в этом пытается убедить читателя книги Калугин. В то время в отличие от прежних лет действительно трудовой коллектив получил право выдвигать любого по его мнению достойного кандидата в депутаты разных уровней законодательной власти. Но вариант с Калугиным не был спонтанным — о «друге» позаботился Яковлев. Он настоятельно рекомендовал проверенного «демократами» своего друга единомышленникам в Краснодаре — слова человека, близкого к Президенту, для краснодарцев были фактически беспрекословным советом, хотя сказаны они были, как всегда, в мягкой и хитрой, иезуитской манере «идеолога перестройки», «перевертыша, академика от упраздненных наук».

В кратчайшей предвыборной кампании Калугина не было ни экономических, ни политических программ. Все выступления

носили популистский характер. В сентябре он был избран депутатом и пробыл им пятнадцать месяцев вплоть до декабря 1991 года. Депутатский иммунитет был обеспечен, ушла опасность ареста, и наконец-то после десятилетнего перерыва появилась возможность так ему нужного свободного выезда за границу. Фантастический, очень нужный успех!

Возвращаясь назад, все-таки для полного понимания ситуации следует обратить внимание еще на один момент в действиях Калугина в те времена. Он пытался втянуть в свою орбиту борьбы против КГБ и других сотрудников госбезопасности. Как он это делал в отношении одного из них, он рассказывает в своей книге. Еще в 1987 году, подготавливая очередное письмо в ЦК КПСС, он обратился за помощью к своему другу бывшему резиденту Борису Соломатину, который к этому времени так же, как и Калугин, находился в резерве КГБ и работал под крышей Госплана СССР. Соломатин хотя и поддержал Калугина, но принять участие в публичной критике отказался. В 1990 году, когда они вдвоем уже находились на пенсии, Калугин вновь приехал к Соломатину с такой же просьбой, но получил в итоге также отказ.

Выступления Калугина открыто поддержали всего два бывших сотрудника. Один из них бывший начальник Гатчинского районного отдела Ленинградского УКГБ и другой — бывший работник ПГУ. Свои протесты они, конечно, опубликовали в СМИ.

Первый — подполковник запаса Юрий Шутов, осуждать которого в поддержке Калугина трудно. Он был его подчиненным, видел в нем карьерного разведчика и, вероятно, не разобрался в личных качествах. Калугин в 1989 году показал ему свое первое ленинградское письмо в ЦК КПСС и получил согласие на поддержку. Тогда он прикрылся перед Шутовым своими партийными позициями.

Второй — полковник запаса Михаил Любимов, бывший работник ПГУ, в письме, опубликованном в еженедельнике «Московские новости» 8 июля 1990 года, в частности, пишет:

— Многое в заявлениях КГБ рассчитано на простаков. Скажем, утверждения о том, что после освобождения Калугина от руководства управлением внешней контрразведки оно «заработало так же, как оно и должно было работать». Разведка не колбасный завод, где новый директор может заменить всю технику и кадры, наладить мясопоставки и завалить своей продукцией всю страну. В разведке успехи в большой степени зависят от долговременных факторов и от случая (например, предложение секретной информации сотрудником ЦРУ); механизм, кадры и методы работы разведки не могут вдруг

кардинально меняться с приходом и уходом нового начальника. Протестуя против гонения Калугина, я отказываюсь от знака, который КГБ вручает за заслуги: «Почетный сотрудник госбезопасности».

Не останавливаясь подробно на этих бессодержательных высказываниях и не комментируя отказ от почетного знака (хотя скрытая подоплека понятна), кстати, высоко ценившегося оперативным составом разведки, скажу кратко — без полной веры своей Службе не надо было и начинать служить в ней. Каждому ясно, что в разведке есть много того, чего не могут знать все. Ее словам просто надо всегда верить, иначе работа не сложится. Наверное, агент ЦРУ — Калугин — не способствовал вербовкам агентов советской разведкой среди своих американских коллег. Мог ли препятствовать? И мог, и препятствовал, и срывал, и предавал. Поэтому колбасный завод, используя метафору Любимова, часто выпускал брак, простаивал — директор тайно воровал сырье, полуфабрикаты и готовую продукцию! Подпольную продукцию продавал из под прилавка — все как в обычной жизни, так и в разведке. И тут с уверенностью можно применить сослагательное наклонение: находись Калугин во главе внешней контрразведки не было бы Эймса и других. Не так ли?

Но все-таки следует еще раз подчеркнуть, что не только Калугин наносил ущерб государству. Наряду с ним успешно действовала и другая агентура, в том числе и агенты влияния. Поэтому вопрос о чистоте рядов государственных служащих, и в первую очередь обеспечивающих безопасность страны и не только в спецслужбах, всегда должен рассматриваться как главный. Проблема не из легких, нужен обширный и глубокий анализ, трезвые оценки и выводы, но основе которых следовало бы выработать этический кодекс служащих России. Материала для этого, как мне кажется, вполне достаточно.

Став депутатом и получив дипломатический паспорт, Калугин при первой же возможности выезжает на Запад. Первая поездка состоялась в сентябре 1990 года в Голландию на международный конгресс по перестройке. Вот, как он описывает в книге свое появление за границей:

— Я был опьянен чувством свободы, которую впервые испытывал после десяти лет жизни в СССР. Я гулял вдоль каналов Амстердама, наполняя свежим морским воздухом свои легкие, и ощущал себя заново рожденным.

За пятнадцать месяцев депутатства он посетил Голландию, ФРГ, Японию, Францию, Болгарию и дважды США. Работать депутатом не было ни времени, ни тем более нужды и желания. О

таком прикрытии можно было лишь мечтать.

Где-то в августе 1991 года, за несколько дней до политических событий, известных как «путч ГКЧП», Яковлев позвонил Калугину и попросил срочно встретиться. Влияние «колумбийца» на Горбачева в этот период времени ослабло, и в первую очередь, благодаря материалам КГБ о связях с американскими спецслужбами. Встреча произошла на улице в районе Белорусского вокзала, недалеко от которого жил Яковлев. Как вспоминает позже Калугин, во время встречи они находились под плотным наружным наблюдением КГБ. На вопрос Калугина, почему надо встречаться на улице, Яковлев ответил, что «их квартиры прослушиваются». Яковлев рассказал, что знакомый ему работник КГБ доверительно предупредил его о возможности организации покушении на него и бывшего министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе: Я хотел, чтобы ты знал об этом, если что-нибудь со мной случится. Я написал записку об этом предупреждении и положил ее в сейф. Скажи мне, возможно ли такое? Калугин ответил, что во времена Андропова политические убийства были невозможны. Но при нынешнем руководстве, он их не исключает.

19 августа 1991 года в шесть часов утра Калугин, услышав по радио сообщение о создании ГКЧП, сразу же позвонил Яковлеву. Короткий предупредительный разговор закончился фразой: Мы должны быть готовыми ко всему.

21 августа стало известно об аресте членов ГКЧП. В стране во всю разворачивается политическая буря. 22 августа КГБ временно возглавил новый председатель, начальник разведки Леонид Шебаршин. На совещании руководства Комитетом подготовлен приказ о запрещении деятельности партийных организаций в системе госбезопасности. Голос вновь испеченного «демократа» Калугина звучит на волнах радио Би-би-си: «КГБ выступил в роли главного организатора антиконституционного заговора. Я бы сейчас на месте президента не только расформировал КГБ СССР, а подверг аресту его руководителей».

Вечером при свете прожекторов с комитетского здания на Лубянке, включенных чекистами по просьбе организаторов проходящего митинга, мощными автокранами под крики толпы низвергается памятник Феликсу Дзержинскому. Ни в чем не виноватый «железный Феликс» ответил за прегрешения предшествовавших поколений.

«Ликвидаторы»

23 августа президент назначает председателем КГБ СССР

Вадима Бакатина.

На быстро собранной коллегии «мягким актерским тоном он заявил, что «пришел в КГБ, чтобы его ликвидировать», — воспоминает ее участник генерал Николай Леонов.

И вновь рядом с Горбачевым всплывает «непотопляемый» Яковлев. Не теряя ни дня в это стремительно летящее время, он получает согласие президента на создание группы советников по реформам КГБ при новом председателе. Одним из них по рекомендации Яковлева Бакатин назначает колумбийского друга Калугина. В книге Калугин пишет: «Неделю спустя после низвержения памятника Дзержинскому, мне позвонил Яковлев, который вновь был с Горбачевым. Он просил меня поработать с новым руководителем КГБ Вадимом Бакатиным. Я отказался, полагая, что мне достаточно моих лет работы в КГБ. Но Яковлев настаивал: «Бакатин позвонит тебе, не отказывайся. Пойди и поговори с ним». Через несколько дней я оказался в кабинете…».

Требования, якобы выдвинутые им Бакатину — восстановление звания и наград, прекращение уголовного дела.

Бакатин же об этом времени пишет: «Генерал Калугин, уже в годы перестройки лишенный воинского звания, пенсии за то, что осмелился честно рассказать о порядках и нравах, царивших в КГБ. Он один из первых попросил о встрече, и в дальнейшем откровенные разговоры с ним немало помогли мне в работе по реформированию Комитета. Калугин был полностью восстановлен в своих правах». Оказывается, не Бакатин вызывал Калугина, как он пишет, и заимствованным из нее диалогом между ними начинается эта книга, а Калугин попросил о встрече и, сойдясь во взглядах, предложил «реформатору КГБ» свои «услуги». Опять попытка скрыть свои истинные устремления, но уже у двоих — у Калугина и Бакатина. Вот такова честность обоих! Зачем эта ложь? Задумаемся.

Поразительный для восприятия, но, вероятно, не вымышленный факт — еще один агент ЦРУ являлся членом советнической группы при Горбачеве по реформированию КГБ. Советский дипломат, специализирующийся на вопросах разоружения, служащий ООН до 1977 года, предложивший свои услуги ЦРУ в Нью-Йорке в 1972 году, затем работник Института США и Канады в Москве — Сергей Федоренко, посетивший Нью-Йорк в ноябре 1989 года, восторженно рассказал об этом своему куратору из советского отдела ЦРУ Олдричу Эймсу: «Жизнь полна приятных совпадений, Угадайте, в реформации какого органа советского государства я участвую? КГБ! Я вхожу в команду советников Горбачева по реорганизации КГБ!». В июне 1990 года Федоренко и его жена бежали в США.

Следует отметить, что уже немало работников в те годы из Комитета уволились. Непопулярность Бакатина усилила отток кадров. Кроме того, сотрудники, имевшие право на неполную или полную пенсию по приказу нового председателя подлежали увольнению, а у кого выслуги лет не набиралось, списывались по статье «в народное хозяйство». На руководящие должности ставились, в основном, сторонники «демократов». Многие назначения проводились на личной основе. Профессиональные знания мало кого интересовали.

К Комитету госбезопасности Бакатин относился резко отрицательно. Он постоянно подчеркивал, что «традиции чекистов надо искоренять, чекизм как идеология должен исчезнуть». Его деятельность краткая по времени, но весьма разрушительная по содержанию, вызвала широкое недовольство оперативного состава. Впервые за всю историю органов госбезопасности дело дошло до образования в Комитете общественной организации, требовавшей отстранить Бакатина от должности.

В такое смутное время можно было выловить любую рыбку. За ней и бросился Калугин. Первым делом постарался убрать из КГБ тех людей, которые хорошо его знали и могли воспрепятствовать его целям. Он сразу же передал Бакатину перечень, примерно, двадцати фамилий работников, которым можно доверять и значительно больший список тех, кто мог якобы выступить в защиту «старого режима» и кому верить нельзя. Вторым объектом стал архив КГБ — надо срочно уничтожить все компрометирующие материалы на себя и «колумбийского» друга. Эти цели также преследовал подготовленный Бакатиным проект Указа президента о восстановлении Калугина в звании генерала в запасе и возвращении государственных наград. Все материалы, на основе которых готовился прежний Указ того же президента о лишении, были признаны сфальсифицированными «путчистами» и подлежали уничтожению. Через неделю Указ был согласован с Горбачевым и подписан, уголовное дело прекращено за отсутствием события преступления. Но слишком откровенные действия Бакатина по защите своего сторонника получили тайное противодействие. Материалы на Калугина и Яковлева формально были уничтожены, но в целом сохранились. Такой вывод подтверждается известным «Письмом генералов КГБ А.Н. Яковлеву»: …Что касается разоблачительной информации, можете не обольщаться: ваши коллеги по стажировке в США не сумели ее уничтожить. Можете поверить нам на слово: в КГБ никогда и ничего не пропадало. Мы заблаговременно

позаботились о том, чтобы ничего не пропало.

5 декабря 1991 года Бакатин передал американскому послу Роберту Страусу схемы расположения техники для съема информации в новом здании посольства США в Москве. Американцы таким действием председателя КГБ были крайне удивлены и долго не могли поверить в искренность намерений, выдвигая различные предположения. Одним из них было то, что часть технических устройств умышленно оставлено для дальнейшего контроля и усыпления бдительности американских спецслужб.

Возмущение многих людей акцией Бакатина, нашедшее выражение в прессе, было настолько сильным, что 23 декабря против Бакатина возбудили уголовное дело по обвинению в измене Родине. На все обвинения он отвечал ссылками на согласие, полученное «наверху», явно намекая на Горбачева. Об одной из версий, объясняющей причины передачи Бакатиным техники, расскажу в последующей главе.

Оперативный состав откровенно беспокоился о том пределе, до которого Бакатин мог дойти в своей «откровенности» со спецслужбами противника. И не напрасно. Олдрич Эймс, находившийся в эти годы на связи в резидентуре советской разведки в Вашингтоне, после ареста и осуждения в 1994 году за шпионаж в пользу России, рассказывал, что он был напуган возможностью своего разоблачения, когда КГБ «для разрушения» возглавил Бакатин. Пока Крючков находился у власти ему ничего не угрожало, но теперь у него такой уверенности не было».

После 107 дней разрушения системы государственной безопасности, раздробления функций Комитета и образования самостоятельных структур, Бакатин был снят с должности председателя КГБ СССР, оставив о себе крайне отрицательное мнение. Он нашел временное пристанище в одном из многочисленных, возникавших как грибы после теплого дождя, фондов — фонда «Реформа».

В 1992 году Калугин, успевший стать другом Бакатина, организовал для него приятную «бесплатную» поездку в США. Они, естественно, были хорошо приняты, имели многочисленные встречи, в том числе с приговоренным к расстрелу за измену Родине бывшим сотрудником токийской резидентуры Левченко.

Заканчивая эту главу книги, хочу обратить внимание читателя на весьма характерное высказывание «колумбийца» Яковлева, по которому вполне определенно можно составить мнение и о его честности. На вопрос корреспондента, молодого коммуниста делегата XXVIII съезда КПСС в июле 1990 года — Кто лишил всех почестей и разжаловал Олега Калугина? Партия?

Президент? — он ответил:

— Я, честно говоря, не знаю, как этот вопрос решался. Хотя знаю Калугина.

Так случилось, что вместе учились в Колумбийском университете. Я был в то время аспирантом Академии общественных наук. Давно это было, в годы молодости. Ничего плохого о том времени я сказать не могу. И все же я полагаю, что, когда человек поступает на работу в такие довольно деликатные органы со своими специфическими законами и порядками, то он вынужден иногда выполнять функции, о которых так просто не расскажешь. При этом он должен до конца жизни держаться определенной лояльности, своей внутренней чести. И четко различать свою общественную деятельность в пользу демократии или против демократии и никогда не путать с тем, что он знал в прошлом. Мне методы работы Комитета госбезопасности не известны. Не знаю всех их тонкостей и правил. Но я на своем примере скажу. Я работал десять лет послом. И, как вы сами понимаете, я знал не только дипломатов. Но вот чтобы со мной ни случилось, я не своей информацией ни с кем никогда делиться не буду. Это не моя информация. И я думаю, что у Олега Даниловича есть информация не его.

Вот свою — пусть о ней говорит, сколько хочет, а не свою нельзя.

Из сказанного получается: Калугина знал лишь в годы молодости, с его выступлениями толком не знаком и даже осуждает, кивая в сторону чести. Конечно, не встречался десятки раз, не передавал «реформаторские» письма Горбачеву, не «внедрял» к Бакатину, не продвигал его в прессе и прочее… Вот какова искренность «идеолога перестройки»! Кто он и почему скрывает правду, предпочитая ложь? Ответ, мне кажется, дан предельно точный, хотя он и не предусматривался в моей книге.

Еще одно важное дополнение к характеристике Яковлева — мнение, сложившееся о нем к концу 1991 года у помощника Горбачева по международным вопросам (после многолетнего общения за годы перестройки) Анатолия Черняева, которого не обвинишь в предвзятости: «…Яковлев все шляется по митингам — и ни дня без интервью! Я подозреваю в нем непомерное тщеславие, но думал, что оно обуздывается интеллигентностью и умом. Оказывается, оно в нем сильнее всего и все подавляет».

Председатель КГБ СССР Владимир Крючков в своей книге «Личное дело», которая получила на Западе оценку экспертов-советологов как «абсолютно потрясающая» по достоверности, документальности и глубине анализа политических событий в СССР в 80-90-х годах, наравне со многими свидетельствами о

деятельности Яковлева по умышленному развалу советского государства, высказывает и такое мнение: «Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь он сам был участником войны, получил тяжелое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать все и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу». И еще — я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие «народ» для него вообще никогда не существовало.

Много можно написать о крайне отрицательной роли Яковлева в умышленном ослаблении и развале советского государства. Но о нем говорится лишь в связи с Калугиным. Один факт все же следует привести. Весной 1988 года председатель КГБ СССР Виктор Чебриков дал указание начальнику информационно-аналитического управления ПГУ генералу Николаю Леонову выехать в три прибалтийские республики и собрать информацию о реальной политической обстановке. В основном положение там КГБ было известно, но окончательный анализ следовало сделать. Три недели ушло для детального изучения обстановки в этом регионе — встречи генерала ранжировались от ответственных работников партийных аппаратов до директоров совхозов и простых тружеников. По возвращении было доложено, что сформированные новые общественно-политические структуры вроде «Саюдиса», народных фронтов ставят цель полного отрыва от Советского Союза, восстановление буржуазных порядков.

Были даны конкретные предложения по возможному решению этих вопросов. «Каково же было мое удивление, — пишет в своих воспоминаниях Леонов, — когда я узнал об оценках ситуации в Прибалтике, сформулированных А.Н. Яковлевым, съездившим туда чуть позже! Из его слов вытекало, что ничего тревожного в регионе не происходило, что общественно-политические структуры были ориентированы на поддержку «перестройки», никакой угрозы целостности СССР не было. Любой непредубежденный наблюдатель мог увидеть опасные для СССР политические метастазы, и только Яковлев рисовал совершенно неадекватную реальности картину. Предположить, что он не видел реалий, невозможно».

Накануне дня Победы, 8 мая 1998 года, в телевизионной программе «Подробности», отвечая на вопрос телекомментатора, Яковлев, даже не поздравив зрителей с праздником, настоящий период в жизни России, характеризовал как «ползучая

реставрация». Реставрация чего? — он не сказал, но, вероятно, идущее сейчас восстановление в России государственности для него, как и для другого «колумбийца», процесс весьма неблагоприятный и опасный.

И совсем недавнее. «Независимая газета» 10 октября 1998 года опубликовала пространное интервью с самой высокопоставленной в прошлом женщиной в правительстве США, являвшейся с 1985 по 1990 год советником американского президента по обороне и внешней разведке, Джинн Киркпатрик. Подводя как бы итоги второго тысячелетия, на вопрос о роли личностей в истории и политике в XX веке она наравне с такими фигурами, как Черчилль, Муссолини, Гитлер, Мао Цзэдун, Трумэн, Сталин назвала Горбачева и Яковлева. Удивленный журналист спросил: «Почему Яковлев? Встречались ли вы с ним?» Последовал неоднозначный ответ: «Пару раз. Я думаю, что он очень интересный человек и сыграл огромную и важную роль. Я надеюсь, что он знает, что я так считаю».

Большая ложь

Разговоры — безошибочное средство обнаружить то,
что человек старается утаить. Человек не может устоять
перед соблазном открыть свою душу и показать свою сущность,
а такую возможность представляет ему разговор.

Агата Кристи. В алфавитном порядке.

Ложь открывает тому, кто умеет слушать, не меньше,
чем правда. А иногда даже больше!

Агата Кристи.

31 декабря 1991 года Советский Союз прекратил свое существование, самоликвидируются законодательные органы и Калугин теряет депутатство. Опять наступили дни тревог. В 1993 году он пытается попасть в депутаты нижней палаты парламента Российской Федерации — Государственную Думу, но на выборах получает менее пяти процентов. В 1994 году срочно выезжает из

России и поселяется вблизи американской столицы. Опубликовывает книгу “Первое главное управление. Мои 32 года в разведке и шпионажа против Запада”. В 1995 году вносится в список кандидатов в депутаты в Думу от политического объединения Егора Гайдара, которое на выборах не набрало пятипроцентного проходного бала.

В своих частых появлениях в российской прессе и на телевидении, главным образом по НТВ, заявлял, что не намерен возвращаться в Россию “при нынешнем режиме из-за опасений за свою жизнь”. Как и ранее, продолжает высказываться по КГБ. В начале 1998 года в интервью газете “Совершенно секретно”, взятому в Вашингтоне его старым знакомым тем же Михаилом Любимовым, рассказывает о своей благополучной американской жизни, приобретенном за 140 тысяч долларов прекрасном доме с винным погребом, серебристом БМВ и профессиональной востребованности. Призывает приезжать в США, писать предательские книги о разведке, как это сделал другой перебежчик Швец, получать деньги и жить так же богато, как живет он — прямо-таки вербовочное предложение из-за океана со страниц российской газеты! Обвинил всех бывших коллег, кроме себя, в предательстве, поддержал политику США и добавил, что нечего “пыжиться и шуметь о великой России”. В общем, как и следовало ожидать, на Родину, как и на всех ее граждан, льет грязь. Видимо, деньги, и немалые, которые зарабатывал всю сознательную жизнь, продавая секреты Родины, от ЦРУ получил сполна. Россия еще и доплачивает ему в виде генеральской пенсии. Гражданство и прописка по местожительству у него российские и прав его никто не лишал. Если демократия, то по-русски, как всегда и во все времена, самая гуманная.

И, наконец, последнее. При написании этой книги мне представилась возможность спросить Председателя КГБ СССР Владимира Александровича Крючкова: “Почему не был арестован Калугин?”. Ответ последовал краткий и точный: помешали исключительно события августа 1991 года.

Дела агента ЦРУ

По прочтении предыдущих глав возникает оправданный вопрос: как же такой мощный разведывательный и контрразведывательный аппарат КГБ не смог на протяжении стольких лет поймать Калугина на шпионаже, получить не только оперативные данные, но и юридические доказательства его измены Родине? Этот вопрос неоднократно задавал себе и я. Но, как свидетельствует многовековая мировая история разведок,

подобное случалось неоднократно и не является редкостью. Причин этому множество, и все они в каждом случае особые, обусловленные конкретными обстоятельствами, в том числе и удачей, и, конечно, личностью разведчика, шпиона, предателя, агента и тому подобное. Называйте как хотите человека, который по разным причинам решил стать на сторону противников своего государства. Калугин в данном случае и есть американский шпион, который искусно использовал сложную ситуацию и ушел от разоблачения и наказания, работая на ЦРУ с 1959 года.

До конца 80-х годов политическая обстановка в стране была достаточно стабильной и не влияла негативно на ход его разработки, как это случилось после августовских событий 1991 года, когда она, вероятно, была прекращена в связи с назначением председателем КГБ Бакатина. Все-таки мне представляется, что одной из главных причин ухода Калугина от расплаты являются его профессиональные знания методов и средств работы советской контрразведки. Познавал он их не только читая оперативные документы, но и на свежих примерах разоблачения агентуры Вторым главным управлением КГБ, тем более его близкими друзьями были начальник и первый заместитель этого основного органа контршпионажа. Между собой они вполне могли делиться профессиональными достижениями и оперативными новшествами, что не рассматривалось бы как нарушение секретности и вполне соответствовало служебным обязанностям — Калугин отвечал за контрразведывательное обеспечение советских граждан за границей и осуществлял координацию действий с внутренними органами.

И еще весьма важное обстоятельство. Управление внешней контрразведки курировало работу агентов советской разведки, получивших заслуженное убежище в СССР после их провалов на Западе. В частности, Калугин, вплоть до перевода в Ленинград, поддерживал тесные личные отношения со знаменитым участником “кембриджской пятерки” Кимом Филби — некогда одним из руководителей английской разведки, человеком исключительно преданным советской разведке, сотрудничавшим с ней с 1934 по 1963 год, высоким профессионалом в области внешней контрразведки, стремившимся передать свои знания и опыт советским коллегам. Периодически Калугин встречался с Дональдом Маклином и Джорджем Блейком. Общаясь с ними, он, конечно, пытался впитать в себя все мысли этих легендарных разведчиков. Вот, в частности, лишь некоторые размышления Кима Филби, высказанные в лекции руководящему составу ПГУ в 1977 году, которые, скорее всего, учитывались Калугиным:

— Я действительно продвигался по службе очень быстро. В 1944 году мне поручили возглавить только что созданный контрразведывательный сектор, занимавшийся международной деятельностью СССР и Коммунистической партии, годом позже я уже руководил всей внешней контрразведкой СИС. Я не мог себе позволить работать спустя рукава, ибо меня тут же уволили бы. В то же время, добейся я ощутимых успехов, это нанесло бы ущерб нашим интересам (советской разведке — Примечание автора). В целом я принял на вооружение тактику оттягивания, с тем чтобы иметь возможность проконсультироваться с советским другом и, если позволяли обстоятельства, дать ему время посоветоваться с Москвой. Но порой надо было принимать решения незамедлительно, в течение нескольких часов. В подобных ситуациях приходилось полагаться только на собственное разумение. Несомненно, я совершал ошибки — кто их не совершает?

Когда на Филби пали подозрения в связи с нелегальным выездом в Советский Союз двух других членов “пятерки” Маклина и Берджесса, а он в это время являлся представителем СИС в ЦРУ, то возник вопрос: что делать? Вот его говорящий о многом ответ:

— У меня был план побега в случае возникновения чрезвычайной ситуации.

Следовало ли мне тоже бежать в укрытие или стоило попытаться отбиться? Я знал, почти наверняка, что с карьерой в СИС было покончено. Но, как гласит английская поговорка, “где жизнь, там надежда”, и мне подумалось, что, если удастся пережить шторм, я смогу еще принести пользу, возобновив работу по прошествии некоторого времени и в новых условиях. Поэтому я решил остаться и принять бой.

Заметьте, у меня было три огромных преимущества. Во-первых, многие высокопоставленные сотрудники СИС — от самого директора и ниже — были бы серьезно дискредитированы в случае доказательств моей работы в пользу Советского Союза. Они с удовольствием приняли бы на веру все, что бы я им сказал.

Во-вторых, я в мельчайших подробностях был знаком с архивами СИС и МИ-5. Я знал, что может быть вменено мне в вину. Таким образом, у меня было время подготовить ответы.

В-третьих, …я досконально знал процедуру работы британских служб безопасности. Я знал, например, что значительная часть имеющейся в их распоряжении информации не может фигурировать в суде в качестве улик либо потому, что ее невозможно подтвердить, либо из-за нежелательности раскрывать деликатные источники ее поступления. В подобных случаях контрразведка стремится в ходе допросов подозреваемого

добиться от него саморазоблачения. И когда служба безопасности начала работать надо мной, я сразу понял, что в ее распоряжении недостаточно информации, чтобы начать судебный процесс. Итак, я знал, что, если буду упорно отрицать какую-либо связь с советской разведкой, все обойдется. Это была затяжная битва нервов и умов, длившаяся с перерывами пять лет.

Я рекомендую всем вам принять во внимание следующее: агенту надо объяснить, что ни при каких обстоятельствах он не должен признаваться в сотрудничестве с советской или какой-либо другой разведкой. Ему не следует признавать достоверность, каких бы то ни было улик против него, тем более, что многие из них могут оказаться сфабрикованными.

Ни в коем случае он не должен подписывать изобличающих его документов. Если бы все провалившиеся агенты последовательно придерживались этих инструкций, наверное, половине из них удалось бы избежать суда, не говоря уже об обвинительном заключении.

Мне кажется, что все рекомендации Кима Филби Калугин применял сполна и других поясняющих слов здесь не требуется. Конечно, он сам и с помощью ЦРУ, вероятно, добавил к ним многое, но основа была известна.

Был он знаком и с делом сэра Энтони Бланта, о котором мир лишь в 1979 году узнал как о “четвертом” участнике “большой пятерки”, выдающемся советском разведчике, профессионале контрразведки МИ-5, знаменитом английском ученом, двоюродном брате королевы, достигшем высоких постов при Дворе Ее Императорского Величества. Восемь лет после предательства его другом, бывшим студентом Кембриджа, впоследствии известным американским журналистом и писателем Майклом Стрейтом, завербованным Блантом в советскую разведывательную сеть, служба безопасности безуспешно вела следствие, пытаясь доказать участие Бланта в шпионаже. В результате была вынуждена предоставить ему “судебный иммунитет, то есть иммунитет от ареста и юридического преследования, если он признается, что был русским шпионом и будет содействовать дальнейшему расследованию”. Но и после этого Блант не выдал ни одного секрета, который мог бы нанести вред либо его друзьям, помогавшим ему в разведке, либо всему делу в целом. Скончался Блант непобежденным в 1983 году.

Знанием всего этого объясняется поведение и занятая Калугиным позиция по Куку, установление близких отношений с некоторыми руководителями разведки и контрразведки, открытое противопоставление себя в Ленинграде, “перевод стрелок” на

реформаторскую стезю и многое другое. Он четко понимал, что его арест может быть только при наличии улик. Время беззакония и сталинских репрессий в Советском Союзе безвозвратно кануло в Лету, и реставрации не подлежало.

Поэтому основной, если не единственной задачей Калугина по своей безопасности являлось не попасться на связи с резидентурами ЦРУ в Москве и в Ленинграде или со специально направленными по каким-либо каналам в Союз сотрудниками из Лэнгли. Даже быть выданным каким-нибудь агентом советской разведки в ЦРУ еще не означало наличие юридических доказательств — нужны разработка, улики и их документация. Опасность исходила также от возможности признания Кука, особенно в первые месяцы после его ареста и осуждения. Именно в это время Калугин совершил вынужденный "прокол" — подал условный знак в Лефортовской тюрьме. Но знак не мог расцениваться как улика, Калугин и это понимал. Потенциальная опасность, исходящая от Ларка, была нейтрализована убийством. Конечно, в 1975 году, лишь год спустя после назначения Калугина начальником управления контрразведки, никто и не мог себе представить, что смерть Ларка — дело калугинских рук. Один Михаил Усатов обратил внимание на довольную улыбку Калугина после внезапной смерти Ларка, но тогда это было расценено лишь как странная и неадекватная реакция, и не более того.

Провокационные и откровенно наглые, но безрезультатные предложения Калугина двум председателям КГБ Чебрикову и Крючкову дать ему должность в центральном аппарате (речь шла о месте руководителя пресс-службы КГБ) в обмен на молчание также можно рассматривать как тактический ход агента, полностью уверовавшего в свои защитные наработки. Естественно, никакого "молчания" не было бы, наоборот, с этой должности переход на позиции "диссидента" смотрелся бы более эффектно.

Безусловно, несмотря на то, что он не был уличен в шпионской деятельности, острые критические ситуации у него возникали, он совершал ошибки и невольно давал достаточный оперативный материал для того, чтобы разработчики были уверенны в его шпионаже. Эти материалы, конечно, можно было использовать для получения улик, если бы наше законодательство и практика были более гибкими и допускали официально наряду с негласной разработкой проведение оперативных действий, которые, например, разрешены законодательством США — интенсивные психологические опросы и открытую проверку подозреваемого в шпионаже, как это делали

ЦРУ и ФБР с Орловым, его взрослыми сыновьями, Карлоу и многими другими.

Возможный арест Калугина, от которого он был вынужден спасаться бегством в США в 1994 году, формально, скорее всего, мог быть произведен за разглашение государственной тайны. В процессе следствия могли появиться доказательства о его шпионаже. Надежда на признание была малая. Но все могло быть и по-другому. В наши дни ему, конечно, можно вполне предъявить обвинения в разглашении государственной тайны и государственной измене, в частности, путем выдачи, хотя бы через свою книгу, агентуры советской разведки — государственные и другие преступления, совершенные в СССР, действующим законодательством РФ рассматриваются как преступления против Российской Федерации. В этом существует полная правопреемственность. Он все это осознает. Возвращаться в Россию не собирается и об этом открыто заявляет в прессе.

Цена предательства

Злодеяние не должно оказываться безнаказанным.

Агата Кристи.

Наконец, наступила очередь показать, какой же ущерб нанес Калугин Советскому Союзу, правопреемницей которого является современная Россия. Безусловно, полный ответ на этот вопрос могут дать только российские спецслужбы. Я же приведу факты шпионажа Калугина и его сообщников, которые следуют из его же книги “Первое главное управление”. При этом волей-неволей вновь сталкиваешься с обманом, который повсеместно используется им как агентом ЦРУ. Ложь не отличается большой хитростью — везде отчетливо видны следы предательства. Фактов вполне достаточно, чтобы понять насколько глубока, вредна и опасна его измена.

Ларк

Начну с наиболее знакомого читателю дела Ларка. Как было сказано, в 1970 году нами установлено, что он является подставленным агентом ЦРУ. Все проверочные мероприятия закончились весной 1971 года. Ларк в мае месяце встретился в Монреале с представителем Центра — началась операция по его

выводу в Союз. Одновременно от надежного источника в канадской контрразведке мы получили данные, подтверждавшие, что выезжавший в Монреаль Ларк связан с американскими спецслужбами: ФБР просило канадцев обеспечить его безопасность в Монреале. В дальнейшие годы дополнительная проверка не проводилась — ее не требовалось. Но вот как пишет Калугин в книге:

— Когда я возглавил в 1973 году Управление "К" (так называлось тогда подразделение внешней контрразведки — Примечание автора), то стал кропотливо изучать дело Артамонова и у меня возникли обоснованные сомнения. Нечто странное было в его деле. Ларк работал на нас в Вашингтоне с 1967 года (год дан неправильный, он стал агентом в марте 1966 года. — Примечание автора), но при внимательном рассмотрении передаваемых им материалов можно было увидеть, что, несмотря на то, что большинство их было секретными, они содержали мало информации о деятельности американской армии и разведки. Он многое обещал. Так, например, сообщить о перебежчике Юрии Носенко. Но все, что он мог сказать о нем, так это то, что он проживал где-то вблизи Вашингтона (Ларк сообщил точный адрес Носенко, по которому проводил установку наш нелегал. — Примечание автора). Я проинструктировал нашего работника в Вашингтоне передать Ларку, чтобы он снабдил нас элементарной информацией, из которой было бы ясно о его честной работе с нами. Один из документов, который я просил получить от Ларка, был секретный справочник внутренних телефонов Управления военно-морской морской разведки (задание было дано по справочнику РУМО. — Примечание автора). К нему Артамонов без всяких проблем имел доступ. На следующей встрече оперативный работник попросил Артамонова снять фотокопию этого справочника.

Далее Калугин подробно описывает, как Ларк "не смог" сфотографировать справочник, вернул фотокамеру, как второй раз "пытался" снять фотокопию и указывает все детали, которые в действительности имели место, но не в 1974 году, а в 1969-70 годах, и он о них тогда не знал. После всего происшедшего с фотографированием Калугин встревожился:

— Я стал все больше и больше убеждаться, что Ларк второй раз обманул свою страну. "Есть один путь определить, честен ли он", - сказал я своему помощнику — "Давай пригласим его в Канаду".

Калугин "посылает" Ларка в Монреаль в 1974 году на встречу со своим помощником, но, как известно читателю, это было весной 1971 и помощник был не его, а Боярова — Борис Копейко.

Сотрудник резидентуры якобы сказал Ларку, что там он встретится с представителем КГБ, ответственным за операции нелегалов в Северной Америке, и это вновь неправда — Ларку о нелегале было сказано в 1970 году. “От нашего высокопоставленного агента в канадской контрразведке стало известно, что ФБР контролировало встречу и обеспечивало безопасность Ларка, как своего агента. Все стало на свои места — Ларк дурачил нас шесть лет”, - пишет Калугин. И далее:

— Возник вопрос: что с ним делать?.. У меня была другая идея — получить его в наши руки. Мы знали, что американская разведка проглотит наживку — передачу Ларка на связь нелегалу. Вывести его в Австрию, захватить и переправить в Чехословакию, а затем перебросить в Москву.

У Калугина получается, что в 1974 году по его личной инициативе и под его руководством были проведены проверочные мероприятия по Ларку, составлен план вывода с “приманкой” нелегалом и прочее. Такая ложь вызывается оперативными соображениями ЦРУ, но и одновременно преследует цель самовосхваления — он в глазах читателя книги разоблачил подставу ЦРУ. В действительности же он до 1973 года не принимал участия в деле Ларка, никаких идей по нему не реализовывал. О проверке и ее результатах узнал не ранее начала 1971 года от Боярова. Но зачем бывшему генералу, начальнику внешней контрразведки ПГУ, такому “блестящему профессионалу”, как им он себя преподносит, выдавать чужое за свое, сдвигая сроки проверочных мероприятий? Ответ будет дан чуть ниже.

Касаясь дела Ларка, следует отметить каждую неверно описываемую Калугиным деталь. Он сдвигает и некоторые другие даты в этом деле. Так, описывая приезд в вашингтонскую резидентуру заместителя по линии КР Николая Попова и активизацию мероприятий по установке Ларка, указывает 1967 год, хотя вербовка Ларка состоялась еще в марте 1966 года. Попов и сотрудник нью-йоркской резидентуры Анатолий Киреев в июне 1967 года были объявлены персонами нон грата в связи с арестом двух раскрытых друг перед другом ценных агентов из числа шифровальщиков Пентагона, проработавших на советскую разведку много лет. В прессе разразилась весьма громкая антисоветская кампания, и Калугин не мог о ней запамятовать. Об этом деле в книге он вообще не упоминает, хотя пишет об аналогичных событиях. Причиной разоблачения этой агентуры американские спецслужбы, как обычно, назвали несоответствие их доходов расходам. Но, как несколько позднее сообщала американская пресса, в действительности к ним под видом

“нового друга” был подведен агент ФБР, которого они стали вербовать и он их “сдал”. Попов отработал с этой агентурой около двух лет и о ее существовании опять-таки знал Калугин. Мне представляется, что именно он сообщил ЦРУ о работе Попова и Киреева с этими ценными агентами и ФБР удалось их выявить. Этим и объясняется сдвиг даты приезда Попова и умолчание о провале. Кстати, весьма примечательно, что во все последующие годы вплоть до наших дней ни в прессе, ни в “шпионской” литературе этот случай не упоминается.

Агент “Икс” и Владимир Меднис

Но существует еще одна важная страница предательства Калугина в деле Ларка, дающая ответ на вопрос о мотивации искажения сроков его проверки. В августе 1972 года Владимир Меднис, резидент КГБ в Монреале, работавший под прикрытием советского консула, получил устную информацию от своего высокопоставленного надежного источника в канадской спецслужбе, назовем его условно агентом “Икс”, о том, что “в ближайшем окружении председателя КГБ Андропова действует агент одной из западных разведок, который располагает возможностями проводить кадровые перестановки в КГБ на довольно высоком уровне. ЦРУ крайне заинтересовано в том, чтобы использовать этого “крота” для продвижения своей агентуры в подразделениях КГБ на руководящие должности. Этот агент был завербован не ЦРУ, а разведкой одной из стран НАТО, которая не соглашается передать его американцам, предлагая работать с ним через них. Американцы же, в свою очередь, не намерены раскрывать даже перед союзником по НАТО свою агентуру в КГБ и решительно настаивают на передаче им агента. Переговоры по этому вопросу ведутся на межгосударственном уровне. Икс готов предпринять все усилия к тому, чтобы используя имеющиеся у него каналы получить дополнительные данные, которые позволили бы установить и разоблачить этого агента”.

Опасаясь утечки информации при пересылке этого сообщения в Центр обычным путем через резидентуру в Оттаве — а Меднис полагал, что для этого у него были достаточные основания, и возможного по этой причине провала своего ценного агента, он, получив разрешение, вылетел для личного доклада в Москву. В Ясеневе слово в слово изложил сообщение агента Калугину, являвшемуся в то время заместителем начальника Службы внешней контрразведки, который тут же доложил заместителю

начальника ПГУ Сергею Кондрашову. На следующий день Кондрашов вызвал Медниса и вместо постановки ожидаемых оперативных задач устроил ему настоящую “выволочку” за то, что он “не сумел наладить деловые отношения с резидентом в Оттаве” и поднял панику по поводу “непроверенных и явно сомнительных сведений” о ситуации в коллективе оттавской резидентуры, полученных от источника, “честность и искренность которого всегда вызывали сомнение”. Меднису было предложено навсегда забыть, что “в ближайшем окружении Андропова может действовать вражеский агент”. Было сказано: “Ты что-то тут не понял, или вообще это плод чьего-то воображения”.

Перед возвращением в Монреаль Меднис в разговоре с Калугиным заявил, что не согласен с мнением руководства, продолжит работу по установке “крота”, и письменное сообщение Икса по этому вопросу перешлет в Центр дипломатической почтой. Но только после того, как в оттавской резидентуре будет запрещено вскрывать почту монреальской точки. Калугин с этим предложением согласился, но в обговоренные сроки указания по этому вопросу Меднис от него не дождался.

На одной из встреч Меднис взял от агента письменное сообщение по “кроту”. И опять, следуя своему правилу несмотря ни на что сохранить источник, решил не направлять документ через Оттаву. Подошло время отпуска. Прилетев в Москву, Меднис передал Калугину и это сообщение. Ему сказали, что он может спокойно отдыхать и встреч с руководством ПГУ не будет. За пару дней до окончания отпуска Медниса вызвал руководитель внешней контрразведки Бояров и в присутствии Калугина объявил, что он освобожден от дальнейшей работы в ПГУ. На вопрос Медниса: «Почему?» — шеф ответил: «Сами понимаете».

В итоге выезд за границу Меднису закрыли, от оперативной работы отстранили, представление к награждению боевым орденом отозвали и присвоение очередного звания полковника отложили. От Калугина он получил указание никогда и никому не заикаться о “кроте”, которого, мол, нет и быть не может.

Однако Меднис решил не сдаваться и обратился за советом к бывшему тогда председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Арвиду Пельше, весьма авторитетному партийному деятелю, которого знали родители Медниса и он сам по партизанской борьбе с фашистской Германией. В течение двух часов рассказывал о наболевшем у него за время пребывания в Канаде, в том числе и о данных по “кроту”. Беседа закончилась словами Пельше: “В функции Комитета не входит расследование дел внешней разведки, но я обещаю тебе поговорить с Андроповым. Думаю, он захочет с тобой встретиться”.

Действительно, 22 августа 1973 года Председатель принял Медниса и, задав несколько вопросов по обстановке в ПГУ, молча, но внимательно выслушал информацию о “кроте”. Никакой реакции не последовало и после того как Меднис передал Председателю заранее подготовленный листок с двумя фамилиями тех, кто, по его мнению, основанному на данных агента, мог быть “кротом” в руководстве КГБ. Лишь при прощании Андропов обмолвился: “Да, нелегко вам придется!”.

Комментируя эту встречу, Меднис отмечает: “Все осталось на своих местах и даже “крот”. Люди, которых я подозревал, здравствуют до сих пор”. Вскоре он был переведен с понижением в должности на работу в учебное подразделение ПГУ, ныне это Академия Службы внешней разведки РФ.

Меднис полагал, что вопрос о “кроте” был “спущен на тормозах” тогдашним руководством разведки и до сих пор остается не решенным. Это мнение весомо подкреплялось и тем, что после его отстранения от работы в Канаде через некоторое время при таинственных обстоятельствах исчезает и агент Икс. Меднис не успокаивается и вновь проявляет настойчивость. В 1995 году пытается привлечь к нему внимание уже российской внешней разведки. Весной встречается с первым заместителем директора СВР Владимиром Рожковым, который обещал разобраться с этим делом. И опять странная неожиданность: Рожков, будучи в служебной командировке в Бонне, скоропостижно скончался сразу же после обеда в ресторане. Диагноз традиционный для шпионских триллеров — инфаркт.

Естественно, возникает вопрос: «А что на самом деле?»

Пусть читатель не подумает, что Меднис подозревал во всех злоключениях Калугина. Нет, он полагал, что “кротом” являлся работник КГБ, занимавший более высокое служебное положение. Он прав в оценке информации своего источника и для этого у него были достаточные основания. Да, источник Медниса являлся весьма ценным, все его материалы подтверждались, и получение от него дезинформации исключалось. Именно Икс весной 1971 года сообщил, что выезжавший в Монреаль на встречу с представителем Центра Ларк связан с американскими спецслужбами. Калугин пишет о нем в книге, называя его “наш очень высокопоставленный агент в канадской контрразведке”.

Но Меднис не знал, что уже в июне 1971 года Калугин, находясь в Хельсинки, передал ЦРУ данные о Ларке и агенте Иксе. Убирать источник Медниса спецслужбам Канады и США сразу было нельзя. Его арест стал бы известен советской разведке, привел бы к прекращению операции КГБ по Ларку и поиску источника провала — советская разведка могла предположить,

что Икс на допросах рассказал бы о контроле ФБР встречи Ларка в Монреале.

Спецслужба Канады совместно с ЦРУ стали использовать его “втемную” для дезинформации, подкинув компрометирующие материалы по оттавской резидентуре и “кроту” в высших эшелонах КГБ, и одновременно для прикрытия Калугина. Зная от него о ценности Икса для советской разведки, канадцы и ЦРУ преследовали цель организовать охоту на американского “крота” в руководящем составе КГБ по аналогии с ловлей советского “крота” в Лэнгли. К достоверной информации такого уровня секретности Икс после его выдачи Калугиным вряд ли имел доступ. Задумка была хитрая, но ожидаемого развития не получила, хотя вопрос решался на самом высоком уровне. К счастью, победила мудрость Андропова. Как принималось решение, каковы были аргументы участников, — нам не известно, и вряд ли эти сведения были задокументированы. Многие свидетели уже ушли из жизни, осталась лишь небольшая надежда на мемуары ныне здравствующих.

Жертвами измены Калугина стали Меднис, оперативная карьера которого, к сожалению, так рано закончилась, агент Икс и Ларк, хотя и находившийся в числе предателей, несколькими годами позже также принесенный в жертву. Цена предательства — сломанная карьера и две жизни.

И теперь можно ответить, почему Калугин искажает сроки проверки Ларка, перенося их с 1969-71 на 1974 год — для прикрытия выдачи им “высокопоставленного агента в канадской контрразведке”. Икс был убран в конце 1973 или в начале 1974 года. Но читатель книги Калугина смещением сроков умышленно вводится в заблуждение и по замыслу автора должен полагать, что если проверка Ларка через него велась в 1974 году, то Икс тогда здравствовал. Конечно, ложь эта распознаваема, если хорошо известны даже мелкие подробности. Все-таки, верна русская пословица: “Не будь лжи, не стало б и правды”…

Последний вопрос по Ларку. Зачем ЦРУ и Калугин пошли на операцию в Вене и умертвили Ларка? Наряду с оперативными целями существовала и еще одна — обвинить Советский Союз в несоблюдении прав человека, возложив на КГБ похищение гражданина США. Этого Калугин с ЦРУ добились и внесли немалую лепту в организацию “крестового похода” президента Картера за права человека в странах Восточной Европы и в СССР, и, как сказал Бжезинский в своих мемуарах, этим самым пытались “поставить Советский Союз идеологически в положение обороняющегося”.

С агентом Икс и предательством Калугина связано еще одно

значительное дело. Расскажу о нем кратко. В 1967 году сотрудник внешней разведки Анатолий Максимов, работавший под крышей “Союззагранпоставки” на всемирной выставке “Экспо-67” в Монреале, познакомился с представителем канадской фирмы “Барнет Дж. Дансон Ассошиэйтс Лимитед” бизнесменом Джеффри Вильямсом. У них сложились теплые отношения, канадец, хорошо знавший местную конъюнктуру, давал полезные советы Максимову и оказывал ему всяческое внимание. На одной из встреч Вильямс предложил Максимову выполнить небольшую коммерческую услугу за довольно приличную сумму денег. Максимов согласился. С этого момента началась операция “Турнир” по подставе оперативного работника Центра канадским спецслужбам.

После окончания выставки Максимов вернулся в Москву и вскоре был направлен в долгосрочную командировку в Монреаль с задачей внедрения в канадские спецслужбы.

Контакт с Вильямсом был восстановлен и на ближайшую встречу тот пришел с руководителем подразделения КККП (RCMP; орган разведки и контрразведки Канады) Дантремоном, который предложил ему деньги за информацию, обещая одновременно письменные гарантии правительства Канады его безопасности. Максимов колебался и не дал утвердительного ответа. В другой раз появился руководитель Дантремона начальник отдела разведки Билл Клифф, обаятельный остроумный человек лет сорока, который сказал Максимову, что он может стать гражданином Канады под именем Михаила Дзюбы и представил соответствующее письмо министра юстиции. На это имя был также открыт счет в банке. По роду своей работы по прикрытию во Внешторге Максимов часто выезжал в различные страны, где встречался не только с сотрудниками канадской разведки, но и с американской, получая все новые и новые, щедро оплачиваемые задания и передавая серьезную дезинформацию.

Примерно в конце 1973 или в начале 1974 года вместо Клиффа на встречу пришел некий Норман, который заявил Максимову, что с этого дня он больше не Дзюба, а Ярослав Стадник, торговый представитель фирмы “Хаски инджекшен холдинг системз лимитед” в Оттаве. Также нет больше Билла Клиффа — он якобы ушел на пенсию. Норман показал канадский паспорт с фото Максимова на новое имя. Был изменен и счет в банке. Операция “Турнир” продолжалась вплоть до марта 1978 года. В 1978 году начались переговоры с Канадой о поставках зерна в СССР, но они зашли в тупик из-за поднятой в прессе шумной антисоветской кампании, грозившей вообще срывом поставок, что сулило нам серьезные экономические трудности. В

ней приняли активное участие члены парламента Коссит и Еленик, имевшие прямое отношение к подложным документам, выданным Максимову. Было решено “пожертвовать” делом и опубликовать материалы в “Литературной газете”. В итоге переговоры завершились успешно.

Но вот что наиболее важное в этой необычной, даже для времен “холодной войны”, истории. Как читатель возможно уже понял, дело по подставе Максимова могло начаться, успешно развиваться и контролироваться советской разведкой потому, что в числе руководителей канадской разведки находился надежный и проверенный источник Икс, принимавший в нем активное участие. Он был вне подозрений до июня 1971 года, то есть до выдачи его Калугиным в Хельсинки. Предположительно, ЦРУ передало сведения о нем канадцам несколько позднее. В 1973-74 году он был убран, о чем советская разведка тогда не знала. В дальнейшем дело развивалось под контролем КККП и ЦРУ, хотя в конце концов принесло пользу и советской разведке. Более того, Калугин, как руководитель внешней контрразведки, был по каким-то причинам заинтересован в операции “Турнир” и лишь по решению начальника разведки Крючкова ее материалы использовались в переговорах по зерну. Мне кажется, это дело ждет своих исследователей, принимавших в нем участие и хорошо его знавших.

Уильям Лофгрен

В начале 1972 года руководство ПГУ поручило Калугину провести вербовку сотрудника ЦРУ Уильяма Лофгрена, работавшего в Дели под прикрытием третьего секретаря американского посольства. Об этом Калугин подробно рассказывает в своей книге, называя американца Леонардом. Вербовочную разработку Лофгрена вел сотрудник линии КР резидентуры в Дели Виктор Андрианов, установивший с ним “дружеские” отношения. Через свою агентуру Андрианов выявил практически все его оперативные дела, всю агентуру и, как говорят в таких случаях, сотрудник ЦРУ “лежал на ладони” нашего разведчика. Калугину предстояло в ходе вербовочной беседы показать Лофгрену, что как разведчик он раскрыт, его агентура и задачи по работе против Индии нам известны, и если все это довести до сведения руководства ЦРУ, а тем более до индийского правительства, то его разведывательная карьера скандально закончится. Вербовка рассматривавалась Центром как весьма вероятная.

Андрианов пригласил Лофгрена на обед к себе домой и познакомил с Калугиным. После обеда под благовидным предлогом оставил их один на один. Калугин, как и планировалось, провел “вербовочную” беседу. Лофгрен воспринял слова Калугина как провал в своей работе, внешне выглядел подавленным и расстроенным. На вопрос, готов ли он за материальное вознаграждение передавать КГБ известную ему секретную информацию, ответил, что не может сразу решиться на такой поступок и просил дать ему день на обдумывание. Калугин согласился, и они договорились встретиться на следующий день. Однако Лофгрен на встречу не явился. На следующий день американский посол направил письма в министерство иностранных дел Индии и советскому послу Николаю Пегову с протестом на “противоправные действия в отношении американского дипломата”. Посол США также посетил советское посольство и выразил устный протест нашему послу. В ответ Пегов заявил, что он осведомлен об этом деле и оно проведено специально для того, чтобы остановить имевшиеся ранее аналогичные действия американцев в отношении работников советского посольства.

Протест посла США был нейтрализован, но материалы по вербовке попали в прессу. Лофгрен покинул Индию. Как пишет Калугин в книге, оставалась одна загадка в этом деле. В письме

посла США и затем в прессе была указана фамилия Калугина, как разведчика, пытавшегося завербовать Лофгрена. Калугин въехал в страну по нерегистрируемому каналу под вымышленной фамилией Пулев и его истинное имя никто не должен был знать. Он пишет, что сразу же возник вопрос об источнике информации — некто, передавший его фамилию американцам, должен был находиться среди сотрудников посольства и его предстояло установить. В то время поиски были безрезультатными. Такого человека он назвал в 1994 году в своей книге. Оказалось, что по случаю приезда Калугина в Дели резидент советской разведки устроил в честь него дружеский ужин, на который был приглашен также резидент ГРУ Дмитрий Поляков. В действительности же на ужин был приглашен заместитель резидента ГРУ, но не в этом суть дела.

Либо резидент КГБ, либо он сам — Калугин якобы не помнит — произнес тост, в котором было сказано, что он прибыл в Дели для вербовки сотрудника ЦРУ. Как выяснилось через пятнадцать лет, пишет Калугин, Поляков уже десять лет работал на ЦРУ и, находясь на связи в американской резидентуре в Дели, сообщил цель приезда Калугина и его настоящую фамилию. “Вот в этом, — сетует он, — лежала причина провала вербовки Леонарда и появление моей фамилии в письме посла, а затем и в индийской прессе”.

Но в те годы Поляков в Индии не работал и не мог присутствовать на ужине. Он появился в Дели лишь спустя два года! Да, он уже был агентом ЦРУ. Инициативно, как и Калугин, завербовался в Нью-Йорке в 1961 году. В 1986 году был разоблачен, в шпионаже признался и по решению суда расстрелян. Кстати, важный штрих — во многих западных изданиях при описании шпионажа Полякова указывается, что он появился в Индии в 1970-71 годах. К примеру, даже такой серьезный исследователь разведывательной тематики как Дэвид Уайз в книге “Охота на “кротов” пишет: “В 1966 году Поляков был направлен в Бирму, в начале 1970 года откомандирован в Индию, где с ним поддерживал связь сотрудник ЦРУ Пол Диллон”. Это не случайная ошибка, исследователи такого уровня всегда сверяют даты по доступному ежемесячному справочнику госдепартамента США, в котором указаны дипломатические сотрудники посольств всех стран, включая и военных атташе. Почему не предположить, что американские спецслужбы прикрывают шпионаж Калугина, и писатели безмолвно выполняют их рекомендации?

Исходя из содержания лжи, вполне понятно, что Калугин сам передал все данные на Лофгрена резидентуре ЦРУ в Дели и предупредил о вербовке. Публичное упоминание его фамилии

американцами произошло, скорее всего, случайно по посольской линии без учета интересов ЦРУ, как это бывало не раз по другим делам. Калугин брал машину в посольстве, ездил в город один без водителя и даже однажды разбил ее, не имея навыков в левостороннем движении. Уже в наши дни сотрудники разведки вспоминают, что запись вербовочной беседы на магнитофон оказалась некачественной и по ней было трудно прослушать ход беседы. Калугин мог умышленно создать помехи, отвернуться от тайно вмонтированного микрофона. Случайности во лжи по Полякову быть не может, он не мог спутать его с кем-либо другим. Шпион прикрывает себя, обвиняя в предательстве другого такого же шпиона, зная, что мертвые не оправдываются. Еще раз виден циничный почерк Калугина.

Срыв тщательно и умело подготовленной вербовки рассматривался в Центре как ошибка оперативного работника (Калугина), необоснованно давшего сотруднику ЦРУ время на обдумывание. Как отрицательный пример начальник разведки Александр Сахаровский приводил этот факт в беседе на УСО весной 1972 года, когда там учился автор этой книги.

Разоблачение в 1977 году агента американской разведки Огородника, известного по фильму “ТАСС уполномочен заявить” как агент Трианон, как это ни странно может показаться на первый взгляд, непосредственно указывает на предательство Калугина. Об этом деле по-разному рассказывается в американской и российской прессе, в воспоминаниях начальника ПГУ Леонида Шебаршина “Из жизни начальника разведки” (1994), заместителя начальника ПГУ Николая Леонова “Лихолетье” (1997), генерала контрразведки Вячеслава Широнина “КГБ и ЦРУ. Секретные пружины перестройки” (1997), книгах Калугина — “Первое главное управление” (1994) и Пита Эрли “Признания шпиона” (1998).

Карел Кочер

В середине 70-х годов чехословацкая разведка установила связь со своим агентом Карелом Кочером, известным под кодовым именем “Ринат”, выведенным в США вместе с женой Ганной по каналу эмиграции в 60-х годах. К 1973 году они стали натурализованными гражданами США. Ринат сумел пройти проверку в ЦРУ, в том числе и на детекторе лжи, и был взят туда на работу по контракту. Свободно владея русским, английским и французским языками, он стал работать в группе переводов и анализа по программе СКРИН в советском отделе, переводя с

русского и чешского на английский оперативные материалы, полученные ЦРУ техническими средствами подслушивания в различных странах мира.

На одной из встреч в 1974 году Ринат передал разведке Чехословакии материалы о вербовочных разработках ЦРУ трех советских граждан, одним из которых являлся второй секретарь посольства СССР в Колумбии Огородник, вступивший в интимные отношения с подставленной ему привлекательной испанкой — агентом ЦРУ, — вроде бы забеременевшей от него. Их любовные встречи были зафиксированы на кинопленку и показаны Огороднику во время вербовочной беседы. Из-за боязни сломать карьеру он дал согласие на сотрудничество и стал агентом Тригоном.

Вернувшись в Москву после окончания срока пребывания за границей, Огородник был назначен на довольно высокую должность в Управлении по планированию внешнеполитических мероприятий МИДа СССР. Получил доступ к секретным аналитическим материалам МИДа, Министерства обороны и КГБ. В Москве старался заводить влиятельные связи и даже стал ухаживать за дочерью одного из секретарей ЦК КПСС.

Чехословацкая разведка данные Рината передала в ПГУ, где была проведена соответствующая серьезная и глубокая работа по этим сведениям и после получения новой, дополнительной информации материалы были направлены во Второе главное управление КГБ для реализации. В июле 1977 года Тригона арестовали, под давлением улик он признался в шпионаже, но во время первого же допроса выстрелил себе в рот из авторучки иглой с ядом и скоропостижно скончался. Смертоносным оружием его снабдило ЦРУ.

Сотрудница ЦРУ Марта Петерсон, молодая женщина, работавшая под прикрытием посольства США в Москве, была задержана 15 июля при закладке тайника с деньгами для Тригона и выдворена из СССР. Через месяц с небольшим ЦРУ якобы стало известно об аресте и смерти Тригона.

В Лэнгли расследование причин провала проводил заместитель начальника управления контрразведки Леонард Маккой. В итоге появилось заключение, что вина за это лежит на самом агенте, допустившем неосторожность при фотографировании материалов в МИДе СССР. В 1977 году дело было закрыто.

В августе 1975 года еще до ареста Огородника Ринат по завершении программы СКРИН был вынужден оставить работу в этом отделе ЦРУ, но иногда привлекался для выполнения срочных заданий. Несмотря на информацию Рината по Тригону и

двум другим советским гражданам, чехословацкая разведка не была уверена в том, что он передавал все материалы, к которым имел доступ. Для подозрений у чехословаков имелись определенные основания. Ринат по своему характеру был сложным человеком с немалыми амбициями, его отношения с чехословацкой разведкой не всегда были ровными и бесконфликтными. Он придерживался антикоммунистических взглядов, многие события рассматривал с антисоветских позиций, считал себя убежденным диссидентом. Однако в то же время был тверд в своем патриотизме. Жена Ганна, значительно моложе его необыкновенной красоты женщина, которой он очень гордился, также вызывала у него подчас нарочитое и излишнее проявление чувства собственного достоинства и независимости.

Находясь в очередной командировке в Чехословакии, Калугин поинтересовался, насколько чехословацкая разведка доверяет Ринату и осторожно выразил сомнение в правдивости сообщений по Огороднику. К этому времени у нашей контрразведки не было очевидных свидетельств его шпионажа, так как материалы еще не передавались во Второй главк. Чехословаки откровенно рассказали ему о Ринате и он настойчиво советовал провести его глубокую проверку. По его мнению, Рината следовало отозвать из США и предложить работу на родине. Такой вариант являлся личной инициативой Калугина и ведущими дело Огородника оперативными работниками не предусматривался. Оперативно он был бы безграмотен — наоборот, для проверки Рината следовало рекомендовать чехословакам расширять его разведывательные возможности.

Как пишет Калугин в своей книге, с ним не согласились. Ринат и его жена были вызваны в Прагу лишь для беседы. Калугин, будучи в 1976 году вновь в Праге, участвовал в опросе Рината. С первых же бесед у него якобы сложилось мнение, что Ринат не был откровенным. После того как он не смог назвать фамилии некоторых своих коллег по советскому отделу ЦРУ, фотографии которых он в разное время сам передавал, Калугин окончательно утвердился во мнении, что Ринат является двойным агентом и работает на ЦРУ. Он советовал чехословакам прекратить с ним агентурные отношения и выслать из страны. В 1994 году Калугин в книге пишет: “Они вроде бы моему совету не последовали. Но мои сомнения, может быть, не являлись справедливыми. В 1991 году я слышал, что супружеская пара, муж и жена, явно идентичная той, с которой я встречался в Праге, была заподозрена в шпионаже и выслана из США. Может быть, они вправду были честными”.

В действительности все происходило не так, как пишет

Калугин. Чехословацкая разведка последовала его совету: возвращению Рината в США не препятствовала, но агентурные отношения с ним прекратила. Значительно позднее, в декабре 1984 года они были арестованы в Нью-Йорке, и Ринат признался в шпионаже. В газете “Нью-Йорк Таймс” 28 ноября 1984 года было опубликовано интервью с сотрудниками ФБР Джеймсом Мэрфи и Кеннетом Гэйде, проводившими арест и допросы Рината и его жены, в котором они сказали, что Ринат работал на разведку Чехословакии 19 лет. Но в связи с тем что его признание было получено сотрудниками ФБР и ЦРУ провокационным путем, то есть без соблюдения юридических формальностей, министерство юстиции не решилось передать дело в суд. Все ограничилось пропагандистской шумихой в прессе. Когда чехословаки узнали об этом, то они пришли к выводу, что подозрения Калугина оказались необоснованными, а совет — дело рук предателя.

Начальник разведки Чехословакии Гладик в один из приездов в Москву рассказал своему советскому коллеге Владимиру Крючкову о “советах” Калугина. Боль потери была настолько глубока, что он не стеснялся своих слез. Понимая свою ответственность за происшедшую трагедию, Владимир Крючков предложил обменять Рината и его жену на известного диссидента того времени Анатолия Щаранского. По указанию Крючкова началось служебное расследование для определения — являлись ли действия Калугина оперативной ошибкой или злым умыслом. В это время Калугин работал в Ленинградском УКГБ и разрабатывался по шпионажу. Представленная им после долгих проволочек объяснительная записка на полутора страницах не давала ответа ни на один из вопросов: деталей не помню, не придавал значения, так думал и тому подобное.

В Прагу выехал опытный работник внешней контрразведки уже знакомый читателю Виктор Андрианов, занимавшийся с самого начала материалами Рината по Огороднику и подготовивший их для направления во Второе главное управление. Все документы были подвергнуты тщательному анализу, но доказательств об умышленных действиях Калугина или каких-либо документальных рекомендаций найдено не было.

Но дело Рината не давало покоя КГБ, время от времени к нему возвращались. В конце 1990 года, будучи уже Председателем КГБ, Крючков вновь напомнил о нем начальнику разведки Леониду Шебаршину: “Еще раз прошу вас внимательно посмотреть дело Рината. Калугин тогда предал ценного агента. Как мы не оценили своевременно? Проанализируйте, это не было ошибкой Калугина”.

Начальник разведки понимал, что сделать ничего не сможет:

“Я уже неоднократно читал довольно неряшливую кипу материалов. Там много пробелов, которые в 1977 году восполнялись телефонными разговорами между Москвой и Прагой. Никто не догадался (или не захотел?) зафиксировать эти переговоры на бумаге. Калугин консультировал чехословаков в довольно запутанной оперативной ситуации, по его совету они выдворили в США агента, который показался ему двойником, и агент угодил за решетку. Доказать, что Калугин совершил это с умыслом, а не по легкомыслию, мне кажется невозможным. Я уже говорил об этом председателю. Тем не менее, он вновь вспоминает об этом деле”.

Здесь необходимо уточнить слова Шебаршина “неряшливая кипа”. Имеются ввиду не вопросы делопроизводства, как можно понять, а содержание документов — по ним выяснить роль Калугина в выдаче Рината было невозможно. Кстати, в большинстве случаев Калугин обсуждал дело Рината по телефону “ВЧ” с представительством КГБ в Праге и с руководителями чехословацкой разведки, но справок по ним не составлял.

Но вот появилось еще одно свидетельство для получения ответа на этот, казалось бы, неразрешимый вопрос. В книге Эрли “Признания шпиона” говорится:

“ЦРУ стало подозревать Кочера после того, как его “засекли” передающим документы раскрытому чешскому шпиону. Однако Эймс сказал мне, что это объяснение использовалось ЦРУ и ФБР в качестве прикрытия, чтобы обезопасить один из своих источников. “Мы поймали Кочера, потому что наш чешский источник, работавший в их службе разведки, сообщил о нем”.

Из этих слов Эймса, сказанных им в тюрьме, ясно, что Рината “сдал” один из источников ЦРУ. По логике развития событий, им был Калугин и сделал он это где-то в 1977-78 годах. “Чешский источник” появился в США несколькими годами позже и использовался ЦРУ и ФБР лишь как прикрытие истинного источника. Провокационный арест Рината в 1984 году стал возможным на основании опроса этого источника. Калугин, таким образом, был прикрыт — прием типичный для спецслужб.

Калугин также сообщил ЦРУ, что арест Огородника последовал в результате информации Рината. В действительности, до сих пор в западных открытых источниках нет других сведений о том, каким образом американские спецслужбы выяснили, что Огородника выдал именно Ринат.

Также американская пресса продолжает утверждать и в наши дни, что спецслужбы США не могут якобы до сего времени достоверно установить, от кого конкретно Ринат или его красавица жена узнали фамилию Тригона. Они про- должают

прикрывать Калугина, который знал ответ, так как он был в 1974 году известен ПГУ.

Калугин все сделал, чтобы отдать Рината в руки ФБР. О выезде Рината из Чехословакии и прекращении с ним агентурных отношений он был осведомлен, но данный факт в книге скрывает. Он также знал, что Ринат снабдил чехословаков подробной информацией с характеристиками своих коллег по советскому отделу, многие из которых были русскими по происхождению или выходцами из стран Восточной Европы. Некоторые из них после завершения программы СКРИН продолжали работать в ЦРУ. В 80-х годах к некоторым были якобы сделаны вербовочные подходы КГБ и других спецслужб социалистических стран, и поэтому все они попали под расследование ЦРУ и ФБР. В допросах этих лиц участвовал сотрудник советского отдела Дэн Пэйн, позднее проверявший банковские счета Эймса. Но подозрения на них пали по данным Калугина.

На основании материалов чехословаков и ПГУ по Ринату доказать, выдал ли Калугин его умышленно или по недомыслию, невозможно. Он “советовал и отстаивал” свою субъективную оперативную точку зрения, подкрепленную негативной характеристикой Рината как личности. Никаких следов он и не мог оставить — их просто не было и не могло быть. Правдивый ответ находится у другой стороны — в ЦРУ. Но агентурные данные Калугина и затем показания “чешского источника” не являлись достаточными для предания Рината суду, а получить другие материалы, уличающие его в шпионаже стало невозможно, так как чехословацкая разведка прервала с ним агентурные отношения.

Примечательно, что в книге помещена сделанная чехословацкой разведкой служебная фотография его и Рината с подписью: “Встреча в 1976 году Калугина с двойным агентом чехословацкой разведки, проникшим в ЦРУ”. Он полностью его раскрыл и этим самым предал его второй раз. До появления фото в книге сам факт ее наличия ПГУ известен не был, в оперативном деле на Рината ее также не было. В тексте же книги о фотографии не говорится ни слова. Скорее всего, он каким-то образом получил ее, чтобы ЦРУ могло идентифицировать Рината в США. Возникает обоснованный вопрос: где Калугин взял это фото в 1994 году, когда в США издавалась его книга? Только два ответа: хранил дома в Москве или получил в ЦРУ при подготовке книги. Наиболее вероятный — второй. Держать фото дома, особенно с 1979 по 1994 год, было слишком опасно: он находился в разработке и понимал, что в случае ее обнаружения контрразведкой она могла стать уликой выдачи Рината. В 1994

году ЦРУ дало фотографию, тем более чехословацкое государство прекратило свое существование. Отсюда можно сделать однозначный вывод — ЦРУ активно помогало Калугину писать книгу.

И еще одна деталь. Калугин указывает, что якобы в 1991 году он слышал об аресте и высылке Рината из США. Дата названа, вероятно, не случайно, но и не аккуратно. Действительно, в 1990 году у ЦРУ возникла идея встретиться с Ринатом и “купить” у него информацию о советском “кроте” в ЦРУ, которого в очередной раз усиленно искали. Временами Рината видели в странах Западной Европы. Дэн Пэйн три раза встретился с ним в Бонне и предложил 50 тыс. долларов за сведения о “кроте”, но получил отказ. Выходит, что в 1991 году Калугин знал не об аресте Рината, а о встречах с ним Пэйна.

Агент чехословацкой разведки Кочер, или Ринат, имевший доступ к оперативной информации в советском отделе ЦРУ, был слишком опасен для Калугина. Его надо было убрать. Свою задачу он решил, хотя и оставил еще один глубокий след подозрений в шпионаже. Но со временем обоснованные подозрения неизбежно превращаются в улики.

Интересно, что Кочер и в наши дни участвует в играх западных разведок, вовсю развернувшихся в связи с гибелью принцессы Дианы. Так, по данным австрийской прессы, “легендарный Кочер” якобы анонимно подтверждал подлинность негласно добытых документов ЦРУ, свидетельствующих, что погибший в автокатастрофе вместе с Дианой Доди аль-Файед был устранен ЦРУ и разведкой Израиля “Моссад” по заказу английской МИ-6 и был причастен к наркобизнесу. Кочера в прессе иногда называют двойным агентом чешской контрразведки.

Эймс

После изучения книги Эрли “Признания шпиона” об Эймсе у меня возникли некоторые мысли, которыми я хотел бы поделиться. Во-первых, она заметно отличается от предыдущей его книги о советском агенте Джоне Уокере “Семья шпионов”, при прочтении которой возникает какое-то неприятное ощущение, чувство тревоги, непонятного раздражения ее содержанием. Во-вторых, по всему видно, что писатель крайне отрицательно относится к своему герою и пытается навязать свое мнение читателю. С трудом осилил эту книгу до конца, несмотря на то, что участвовал в вербовке Уокера и мне было интересно узнать

подробности его работы и вероятные причины провала. Ничего подобного не могу сказать о книге того же автора об Олдриче Эймсе “Признания шпиона”. Она читается с интересом и вызывает более положительные эмоции. Но я не литературный критик и хочу сказать о другом — об оперативном смысле некоторой информации в этой книге, мыслях самого Эймса из тюрьмы. В самом ее начале приводится письмо Эймса:

> *— Тем, кого это может касаться!*
>
> *Настоящим письмом я представляю Пита Эрли, хорошо известного и уважаемого американского автора, который пишет книгу обо мне. Порядочность господина Эрли, его приверженность принципам беспристрастности и честности убедили меня в том, что его книга будет самой лучшей и наиболее успешной из всех, что написаны о моем деле. Г-н Эрли является единственным автором, с которым я сотрудничаю посредством интервью и предоставления рекомендаций. Надеюсь, что каждый, кому дорого мое мнение, поступит так же.*
>
> *Любому повествованию о моей карьере не хватило бы полноты и взвешенности без привлечения информации, находящейся в распоряжении моих друзей, знакомых и сотрудников в России и бывшем Советском Союзе. Поэтому я горячо надеюсь, что каждый, кто в состоянии помочь г-ну Эрли в его работе, сделает это. Г-н Эрли пишет свою собственную книгу, я не располагаю правом ее редактировать и никак не могу влиять на ее содержание. Я также не получу никакого вознаграждения от автора или его издателя или иным путем в связи с публикацией данной книги.*
>
> *Искренне, Олдрич Х. Эймс. Алленвуд, Пенсильвания, 22 сентября 1994 года.*

Из этого письма можно сделать вывод: Эймс обоснованно полагает, что Эрли опишет близко к правде содержание их бесед в тюрьме. Хотя такое суждение выглядит наивным. В книге много дезинформации но все-таки ее следует читать внимательно.

Весьма интересно разобраться в истинных причинах провала Эймса в 1994 году, одного из ценнейших агентов российской разведки. Описываемая в книге официальная причина проверки и последующей разработки — несоответствие расходов доходам. Она у американских спецслужб стала стандартной при выявлении иностранной агентуры и может лишь прикрывать настоящие причины. Не секрет, что в провалах агентуры, особенно ценной,

все разведки прежде всего ищут предателя. Имеются и в деле Эймса ряд обстоятельств, дающих основание сомневаться в официальной версии, и выдвинуть другую.

Когда после августа 1991 года председателем КГБ СССР стал Вадим Бакатин, Эймс опасался, не выдаст ли его новый председатель американским спецслужбам? “При Крючкове он был спокоен. Бакатин же был известен, как критик и ненавистник КГБ, и от него можно было всякого ожидать”. Этот вопрос Эймс задал оперативному работнику на одной из личных встреч. Ответ его успокоил, но и удивил: “Мы вашего имени ему не называли”. Спустя три дня после развала ГКЧП, начальник советского отдела ЦРУ Милтон Берден назначил Эймса руководителем группы, создаваемой для “уничтожения” КГБ, заявив при этом: “Рик, я хочу, чтобы ты вбил кол в сердце КГБ”. Позднее Эймсу передали, что новый руководитель российской разведки Евгений Примаков информирован о нем, так же как и президент России Ельцин. “Господин Примаков выражает вам свою благодарность за столь длительное сотрудничество, — сказал оперативный сотрудник Эймсу. Он вручил ему пакет сто долларовых купюр на сумму 130 тысяч. Эта была самая крупная сумма, которую Эймс получал когда-либо наличными от КГБ”.

В начале 1991 года в ЦРУ была создана дополнительная группа “Джойрад” по поиску источника, приведшего к потерям в 1985 году многочисленной агентуры в Советском Союзе. Ей было выделено пять миллионов долларов для оплаты информации по “кроту”. Осенью этого же года четырем работникам российской разведки были сделаны вербовочные предложения, но ни один из них не пошел на сотрудничество. Кроме того, группа “вычислила” 198 сотрудников ЦРУ, которые по разным причинам могли подозреваться в шпионаже в пользу России. Затем из них было отобрано 40 человек, с которыми уже работники ФБР проводили беседы- “интервью”. 12 ноября 1991 года был опрошен и Эймс. Круг сузился до десятка с небольшим. Спустя несколько дней под предлогом реорганизации Эймса неожиданно перевели из отдела стран восточной Европы (СВЕ), так стал называться советский отдел после распада СССР, в Центр ЦРУ по борьбе с наркотиками.

В эти же осенние месяцы начальник СВЕ Берден готовился к официальному визиту в Москву на встречу с Бакатиным для обмена информацией по борьбе с терроризмом и распространением наркотиков. ЦРУ представляло больше материалов, чем могло дать в ответ КГБ, и шеф отдела раздумывал, что можно попросить дополнительно. На помощь пришел Эймс, как “руководитель спецгруппы по КГБ”. Он написал Бердену докладную с предложением попросить у Бакатина схемы

расположения подслушивающих устройств в здании американского посольства в Москве. “Я имею в виду, что Бакатин рассказывает всем о реформировании прежнего КГБ и какие мы теперь друзья. Короче, Милт обратился к Бакатину, и знаете что? Бакатин отдал нам чертежи! Он указал нам точно все места в посольстве, где были установлены жучки! ЦРУ никогда в жизни этого не признает, но это правда! Мы знаем, где стоят эти жучки!”, — передает слова Эймса Пит Эрли.

На эту тему Бакатин разговаривал с начальником советской разведки Леонидом Шебаршиным:

— Не стоит ли в интересах развития отношений информировать американцев о технике подслушивания, которая установлена у них в посольстве. Что мы уперлись, зачем это нужно?

“К этому вопросу я не готов, но сразу вспоминаю, что наше посольство в Вашингтоне буквально нашпиговано подслушивающими устройствами. Напоминаю об этом председателю и говорю, что, может быть, стоило бы подумать о том, чтобы эти проблемы решить на основе взаимности. Бакатин выражает уверенность, что жить по-старому нельзя и должен же кто-то сделать первый шаг. Не успеваю ничего возразить. Да, опять мы должны сделать первый шаг, Сколько этих первых, вторых и последующих шагов сделали Горбачев и Шеварднадзе?”, — пишет в своих воспоминаниях Шебаршин.

Когда Бакатин выдал схему, то американцы были крайне удивлены, а Эймс за свое предложение даже тешил себя надеждой получить продвижение по службе или награду. Калугин, являвшийся в то время советником Бакатина, мог хотя бы “втемную” получить от “шефа” информацию о наличии ценного источника в ЦРУ. На это он, безусловно, имел задание.

И уже в октябре 1992 года сотрудник спецгруппы по поиску “крота” известный читателю Дэн Пейн, который встречался с агентом Ринатом в Бонне, обнаружил финансовые счета Эймса в швейцарских банках. Он установил, что с 1985 по 1991 год Эймс получил неизвестно откуда 1,3 миллиона долларов. 15 марта 1993 года сотрудник ФБР Джим Милбурн закончил отчет на 80 страницах, где говорилось, что КГБ удалось будто бы внедрить своего агента в ЦРУ. 12 мая 1993 года контрразведка ФБР приступила к официальному негласному расследованию дела Эймса под кодовым названием “Найтмувер”, в переводе означающим кого-то работающего под покровом ночи. Прошло около девяти месяцев. 21 февраля 1994 года Эймс был арестован.

Из всего вышесказанного можно предположить, что ЦРУ весной или в начале лета 1991 года получило от надежного

источника сообщение о том, что причиной арестов американских агентов в 1985 году являлся советский “крот” из числа работников ЦРУ. Этой наводки хватило для организации проверки почти двухсот работников. Не исключено, что поздней осенью 1991 года, когда Эймс стал активно разрабатываться, были получены какие-то дополнительные материалы. Начиная с 1990 года, Калугин неоднократно выезжал на Запад и, имея даже отрывочную достоверную информацию о наличии “крота” в ЦРУ, которую он вполне мог получить через свои “высочайшие” связи, передал сведения американцам.

Имеется и другая версия провала Эймса, приведенная бывшим заместителем начальника СВР РФ, ныне ее главным консультантом генералом Вадимом Кирпиченко в статье “И снова о предателях, на этот раз о Калугине” в российской газете “Новости разведки и контрразведки” № 20 за ноябрь 1997 года помещенной затем в его книге “Разведка: лица и личности”. В ней, наравне с другими фактами, дающими право существования версии о выдаче Эймса Калугиным, говорится и о его близком друге по учебе в Ленинградском институте КГБ Викторе Черкашине, взятом в разведку по его же протекции. Черкашин являлся заместителем резидента по линии КР в Вашингтоне и, как указывается в книге Эрли, долгое время работал с Эймсом. Черкашин за успешную работу в августе 1986 года был награжден секретным указом орденом Ленина. Кирпиченко, хорошо зная и Калугина и Черкашина, моделирует разговор между ними. На вопрос друга, за какие заслуги он получил столь высокий орден, Черкашину стоило бы только ответить, что “задаром такие штуки не даются” и этого бы хватило для Калугина, чтобы дать сигнал в ЦРУ: “Ищите там-то, фамилия работника такая-то”. В этом же году Черкашин возвратился в Москву и был назначен не на оперативную должность, ему был закрыт выезд за границу из опасений случайного разглашения имени Эймса. Калугин в это время находился в Ленинграде. “Я был первым офицером КГБ, встретившимся с этим человеком. Это был взлет в моей карьере и предзнаменование ее конца”, — приводит эти слова Черкашина Эрли в своей книге об Эймсе.

Сам Черкашин считает, что разоблачение Эймса не обошлось без внедренного американцами в КГБ агента. “У меня нет сомнений в том, что у ЦРУ появился кто-то, кто мог рассказать им об Эймсе. Если бы они его “вычислили” в 1987-88 годах, то тогда я мог бы поверить, что ФБР и ЦРУ сами смогли до этого докопаться. Но этого не могло случиться в 1993 или 1994 годах, когда больше никто не погибал”, — заявлял он в одном из интервью в 1997 году.

Липка

Еще одно предательство Калугина, которое он постоянно и упорно пытается скрыть — виновность в аресте и осуждении в 1997 году за шпионаж в пользу СССР в 60-х годах бывшего рядового военнослужащего Агентства национальной безопасности (АНБ) США, секретнейшего ведомства радиоэлектронной разведки, шифрования и защиты линий связи, Роберта Стивена Липки. Вопрос о том, кто выдал Липку, приобрел даже свою историю.

В своей книге на 82 и 83 страницах Калугин пишет, что произошло тогда, во время его работы заместителем резидента в Вашингтоне: “Молодой солдат АНБ сам пришел в наше посольство в середине 60-х годов. Сказал, что работает в АНБ по уничтожению секретных документов и предложил передавать их нам за деньги. Он оставлял материалы в тайниках в близлежащих к Вашингтону районах штатов Мэриленд и Вирджинии. За каждую передачу ему платили по одной тысяче долларов. Это были оригиналы ежедневных и еженедельных сверхсекретных докладов АНБ в Белый дом (президенту США — Примечание автора), различных сообщений армии США и НАТО по всему миру. Со временем солдат ушел учиться в колледж. Может быть он и сейчас “крот” КГБ в АНБ или ЦРУ”.

В 1997 году Липка был арестован. ФБР по американскому телевидению на всю страну объявило, что арест Липки был произведен в том числе и на основании данных о нем в книге Калугина, текстуальные выдержки из которой были даже внесены в первичное обвинительное заключение. По российскому ТВ по каналу НТВ также показывали фрагменты выступлений сотрудников ФБР с книгой Калугина в руках. Но вот что говорит Калугин в упоминавшемся ранее интервью, взятом у него в конце 1997 года его другом Михаилом Любимовым и опубликованным в газете “Совершенно секретно” № 1 за 1998 год: «*Как можно вычислить человека в АНБ, где работают более ста тысяч человек, если не указана фамилия? Абсурд! Человек, которого я имел в виду, носил иной псевдоним. Скорее всего, Липку сдал совсем недавно кто-то из нынешних или бывших сотрудников Службы внешней разведки, возможно, предатель посоветовал американцам для отвлечения внимания от него свалить вину на Калугина. Ну, какого черта ФБР стало бы упоминать мою фамилию, если бы Липку сдал я?*

Это же не лезет ни в какие ворота! Между прочим, это заявление ФБР подорвало мою репутацию не только в России, но и в США. Это вызвало недоумение в деловых кругах. Должен

сказать, что к предателям всегда относятся с подозрением, на кого бы они не работали".

Да, можно согласиться с ним: и правда, абсурд, если брать только страницу 82, на ней лишь упомянуто, что агент КГБ — "молодой солдат АНБ". О странице 83 почему-то в интервью не упоминается. Манипуляция страницами рассчитана на людей, не читавших книгу, но это слишком наивно, или на то, чтобы вынудить службу российской разведки ради истины каким-то образом опровергнуть его явную ложь, прикрытую информацией 82 страницы, и тем самым подтвердить, что Липка действительно был агентом. Такова практика почти всех спецслужб: признание ими, а не судом, своих деяний — царица доказательств.

Сведения о Липке на странице 83 для ФБР более чем достаточные, чтобы установить его в АНБ. Безусловно, в группе военнослужащих, допущенных к уничтожению особой важности секретных документов для президента США, работало не более пятидесяти человек. Среди них далеко не все являлись рядовыми и установить солдата среди них весьма несложно, тем более ушедшего на учебу в колледж. Так что лукавство Калугина и столь упорное отрицание выдачи Липки бессмысленно. Его слова Любимову, что "ни одного государственного секрета я не разгласил и, между прочим, я был во главе управления контрразведки, имевшего около ста пятидесяти агентов", следует расценивать, как наглую ложь и прямой шантаж. Агенты были, но как он их выдавал, читатель уже знает.

Мои суждения не являются мнением российской разведки, я не имел с ней контактов при написании данной книги, и не знал ничего о Липке, когда в конце 60-х годов работал в резидентуре в Вашингтоне. Все суждения о нем — не очень сложные выкладки, основанные на материалах западной печати. Был ли агентом Липка или не был, не знаю, но могу утверждать, что Калугин его выдал за агента КГБ.

Оказывается, Липку ФБР стало разрабатывать еще в 1966 году, как это видно из официальных документов обвинения, опубликованных в американской прессе в 1997 году. Его подругой стала опытный агент ФБР, которой в 1966 году он хвастался тремя камерами для фотографирования секретных документов. Одна из них была аналогична камере, выданной позднее Ларку. В январе 1967 года показывал ей тайники с секретными документами для "Ивана" и с деньгами от него. В 1968 году признался, что прихватил из АНБ документы для передачи русским. ФБР вроде бы не сумело задокументировать все его шпионские действия, чтобы арестовать и осудить. Дело заглохло. Но взять Липку с поличным не составляло для ФБР никакого

труда, тем более рядом находился агент ФБР. Другого в таких случаях просто не бывает. Липка не был арестован в те годы лишь потому, что был бы засвечен источник информации о нем. Арест по этой причине перенесли на то время, когда предатель был вне опасности — на 1994 год, то есть на год побега Калугина из той России, которую он так хотел “построить”. С 1967 года Липка не представлял опасности национальным интересам США — он ушел (или его ушли) из АНБ. Вполне можно подождать до 1994 года. В итоге получилось — российская разведка не обозначила своего участия в очередном шпионском случае, но Калугина американские спецслужбы “подставили”, заставив выдать установочные данные на Липку на странице 83, так как суд не смог бы без них, спустя почти тридцать лет, вынести обвинительный приговор по его же агентурным данным за 1966 год. Липку вновь начали разрабатывать в 1993 году, зная наперед, что приезд Калугина в США вскоре состоится и появится его книга. ФБР пошло на провокацию, направив к нему под видом сотрудника российской разведки одного из предателей по фамилии Никитин. В конце концов, долго не веря провокатору, он все-таки попался на эту “удочку”. В совокупности материалов стало достаточно для его осуждения к длительному сроку заключения за шпионаж в пользу СССР. Единственные правдивые слова Калугина в этом интервью: “…к предателям всегда относятся с подозрением, на кого бы они не работали”. Видно, возникают проблемы и с его американским начальством!

Джон Уокер

Теперь о более сложном деле — провале Джона Уокера, о котором написал книгу “Семья шпионов” то же Пит Эрли. Провал Уокера в 1985 году, несмотря на хорошо выстроенную в западной и прежде всего американской прессе и книгах легенду о вшей жены-алкоголички, все-таки надо рассматривать как результат предательства и для этого с учетом сегодняшних данных по Калугину есть полные основания.

Прежде всего, уточню, какова была осведомленность каждого участника операции по вербовке Уокера на день проведения операции. Фамилия и место работы стали известны только Соломатину, Букашеву и мне. Андрианов знал, что пришел в посольство шифровальщик. Митяев и Середняков знали, что проводится важное мероприятие с американцем. В лицо его видели все эти сотрудники, кроме Соломатина. Мне удалось во время подготовки этой книги поговорить с некоторыми из них,

чтобы вспомнить и уточнить детали, ведь прошло много времени — тридцать лет. Но, оказалось, что их память хранит события тех дней. Виктор Андрианов рассказал: “Я не могу точно сказать, был ли Калугин в тот вечер в посольстве, но помню, что наверху в кабинете Бориса Соломатина его не было. Я несколько раз поднимался в резидентуру, чтобы принять участие в обсуждении операции по выброске Уокера, по просьбе резидента искал водителя Валентина Середнякова, брал плащ и шляпу Митяева, которые отдал внизу тебе, и в кабинете все время находился только Соломатин. Он никуда все это время не выходил, я не видел, чтобы он спускался вниз, слишком серьезное оказалось дело”. Владимир Митяев, также подтвердивший, что Соломатин вниз не спускался и с Уокером не беседовал, кстати, вспомнил, что у него на даче случайно до сих пор сохранился темносиний плащ из модного тогда материала “болонья”, который одевал Уокер во время выброски.

В своей книге Калугин подчеркивает, что он Уокера никогда не видел и находился якобы в этот вечер в помещении резидентуры с Соломатиным. Они вместе оценивали документы, которые принес Уокер. “Мы никогда не встречали такие документы, они слегка напоминали те, которые передавал солдат из АНБ (Липка — ***А.С.***). Сравнив терминологию и гриф секретности, мы пришли к выводу, что документы истинные”, — пишет он. Но Калугина в этот вечер ни в посольстве, ни в резидентуре я не видел. Скорее всего, ему стало известно об Уокере от Соломатина на следующий день, ибо затем в течение нескольких месяцев он обрабатывал его материалы.

Калугин приводит еще ряд деталей, якобы имевших место в тот вечер. В частности, что офицер безопасности Букашев после прихода Уокера позвонил по защищенной линии в резидентуру Соломатину и попросил, чтобы он послал кого-либо из сотрудников с хорошим английским языком для беседы с ним. Работник вроде был направлен и провел беседу. Но в действительности подобной телефонной линии в то время в посольстве не было по соображениям безопасности и ни о каком работнике речи не шло. Вербовочную беседу с Уокером проводили Букашев и я. Букашев владел английским вполне достаточно, чтобы решить те вопросы, которые стояли перед ним — он постоянно принимал посетителей и вполне справлялся со своими задачами. Справился с беседой и в этот раз. Кроме того, в добавление ко всему Калугин пишет, что на Уокера “надели огромное пальто и шляпу, кинули на пол машины между двумя крупными работниками КГБ”. Об “огромном пальто и шляпе” он переписал слово в слово ставшей уже историографией выдумку

другого предателя, тоже Олега, но по фамилии Гордиевский, из книги “КГБ”. Сам же добавил: “бросили на пол машины”. Все — вымысел! Цель просматривается вполне определенно — напугать американского читателя книги таким обращением с посетителями в подобных ситуациях уже в российском посольстве, чтобы хоть как-то предотвратить их приход с секретами. Это подтверждается и теми словами, которыми он описывает свое “печальное” впечатление от якобы увиденного им где-то за границей телеинтервью Уокера:

— Я был поражен разрушенной из-за шпионажа против США жизнью Уокера. Тем, что он остаток своих дней проведет в тюрьме, как изгой общества. Итог всех разведывательных игр, в которых Уокер тоже был простой пешкой, — тюрьма и унижение.

Но вот как Калугин оценивает роль Уокера в своей и других карьере:

— Для всех, кто был связан с делом Уокера, оно явилось большой удачей и послужило потрясающим толчком в нашей карьере. Соломатин получил орден Красного Знамени и был назначен заместителем начальника разведки. Юрий Линьков, первый оперативный работник Уокера, был награжден орденом Ленина, второму, работавшему с ним, Горовому присвоено звание Героя Советского Союза. Что касается меня, то я получил престижный орден Красной Звезды. И мое участие в работе с Уокером безусловно явилось значительным фактором в том, что в 1974 году я стал самым молодым генералом в послевоенной истории КГБ.

Не было бы Уокера — не было бы и “самого молодого генерала КГБ”. И для агента ЦРУ Калугина Уокер стал подарком судьбы. Амбиции Калугина, размышлявшего перед телевизором о его судьбе, стали настолько велики, что он даже не смог подумать о том, что обязан этому человеку всей своей удачливой, но построенной опять на обмане, карьерой в КГБ. Не только ордена оказались незаслуженными, но и генеральское звание получил за составление “выжимок” для Центра из материалов Уокера, выдавая эту совсем не генеральскую работу за высокие оперативные результаты. Бывает и так!

Не могу не обратить внимания на факты неправдивого изложения вербовки Уокера, которые позволяют себе некоторые российские писатели-мемуаристы. Отмечу лишь один из них. В частности, Михаил Любимов в книге “Шпионы, которых я люблю и ненавижу” пишет: “Вербовка — это главное, но еще главнее чиновничьи интриги: в результате многолетней работы с Уокером пять человек получили Героев Советского Союза, не говоря уже о горах боевых орденов, ключевая же фигура, его вербовщик

Соломатин, получил, как говорится, фиг с маслом". Но Соломатин получил за Уокера максимально из того, что можно было получить — должность заместителя начальника разведки, звание генерал-майора и высокий боевой орден "Красного Знамени" — совсем не "фиг с маслом".

Почему так подробно, касаясь даже незначительных деталей, я рассказываю о вербовке Уокера? К этому меня побудили случайные обстоятельства, возникшие после опубликования моей статьи в российской газете "Новости разведки и контрразведки" под названием "Как вербовали Джона Уокера" (№ 21, ноябрь 1997 г.). Ее я приурочил к 30-летнему юбилею вербовки советской разведкой этого выдающегося агента и одновременно в целях опровержения небылиц, витающих вокруг самого процесса вербовки. В статье, в частности, было сказано, что автор книги "Семья шпионов" писатель Пит Эрли некорректно использует интервью Соломатина, данное ему 23 апреля 1995 года, опубликованное в приложении к газете "Washington Post Magazine" и помещенное в русском издании книги в 1997 году. Отвечая на вопросы Эрли, Соломатин якобы сказал: "…я плюнул на все правила и инструкции и в течение двух часов беседовал с Уокером один на один". Зная, что Соломатин не беседовал с Уокером, по своей наивности я расценил эти слова как "некорректная фантазия" самого Эрли. Однако дело приняло неожиданный оборот и я оказался виноватым перед американским писателем.

Как выяснилось из моего разговора по телефону с Соломатиным где-то в феврале 1998 года, уже после опубликования статьи, он в действительности утверждает, что беседовал с Уокером и ему "нужно было посмотреть в его глаза, чтобы убедиться, что он не подстава". Я отметил, что все понимают его "руководящую и направляющую" роль в этом деле, но еще, кроме меня, здравствуют работники, которые подтверждают сказанное в статье о действиях участников вербовки, и которые также хорошо помнят, что с Уокером он не разговаривал и его не видел, так как все время находился в помещении резидентуры. Не буду здесь рассказывать о предпринятых Соломатиным "защитных" шагах и пусть они останутся на его совести, но, вскоре стало очевидно, что он отстаивает, к сожалению, свое кривое видение. Вновь в газете "Новости разведки и контрразведки" Соломатин в статье "Дело Олдрича Эймса: американская версия" пишет: "…Джон Уокер, которого я завербовал в Вашингтоне в 1967 году, нанес куда больший ущерб безопасности США, чем Эймс". Но этим откровениям уже не поверил даже Эрли. Оказалось, что статья в

газете одновременно являлась послесловием к книге Эрли об Эймсе “Признания шпиона”, изданной в России в 1998 году, и слово в слово там помещена, за исключением единственной фразы: “…которого я завербовал в Вашингтоне в 1967 году”. Американский писатель не стал поддерживать не- состоявшийся миф. Можно добавить ко всему сказанному, что Соломатин, будучи резидентом в Вашингтоне, “в поле” ни одного раза не выходил. Правда в разведке — материя тонкая, но порвать ее трудно!

Единоначалие в разведке — принцип основополагающий, но допускающий до принятия решения глубокое обсуждение оперативных вопросов. Решение принимает резидент и от него зависит вынесение вердикта о вербовке, тем более иностранцев-инициативников. Соломатин всегда шел на оправданный риск, который в данных случаях для успеха был просто необходим, и брал на себя всю ответственность за подчас непредсказуемый исход мероприятия. Вспоминаю один случай с приходом в посольство еще до появления Уокера сотрудника американских спецслужб, назову его “Барс”. Он срочно нуждался в деньгах, но сделал ошибку и материалов с собой не принес. Требовалось определить его честность. Оперативный работник линии КР Константин Зотов высказал Соломатину свою положительную оценку и получил “добро” на несколько встреч. Резидент пошел на риск. Запросили разрешение Центра на вербовку и выдачу требуемой суммы денег. Запоздалый ответ поступил отрицательный. Очень нужный агент, наверняка потенциально ценный, не состоялся. Пару лет спустя резидентура пыталась разыскать Барса, но, как выяснилось, разведывательные возможности его оказались к тому времени малопривлекательными. Немногие резиденты шли на риск так смело.

9 февраля 1984 года умер Андропов. Калугин пишет: “Наиболее важным было то, что после смерти Андропова я потерял все надежды на моего покровителя в восстановлении моей карьеры. К середине 1984 года мне стало понятно, что света в конце тоннеля не видно”. И вот здесь может скрываться дата выдачи Уокера американцам. Уокера арестовали 20 мая 1985 года, то есть пятнадцать месяцев после февраля 1984 года. Из них, примерно, семь-восемь месяцев уходит на разработку ФБР лица, на которое поступает информация о шпионаже. Можно предположить, что Калугин передал американцам известные ему данные по Уокеру через односторонний тайник где-то в конце лета или осенью 1984 года, когда все надежды на возвращение в Москву окончательно исчезли. Почему он не передал их раньше?

Он сам отвечает на этот вопрос: “Уокер был огромной добычей и я, и Соломатин знали, что если мы плохо сработаем, то это будет конец не только для одного из самых величайших агентов “холодной войны”. Это также будет концом нашей карьеры”. Действительно, об Уокере знали единицы и предателя можно было бы без особого труда вычислить.

Конечно, версия выдачи Калугиным Уокера — лишь версия. Вероятно, никто, кроме него и ЦРУ, не сможет сейчас полно ответить на этот вопрос. Но право на ее существование имеется — он, будучи агентом, должен был это сделать.

Мог ли он все-таки выдать Уокера сразу после вербовки в 1967? Скорее всего, нет. Американцы, получив сообщение о нем, не допустили бы такого положения, когда в случае военного конфликта с СССР их боевая Атлантическая триада фактически была бы обречена на гибель в первые же часы. Они реализовали бы материалы Калугина и арестовали Уокера. В этом случае его провал или побег на Запад были бы неизбежны. Тем более, в 1966 году он уже “сдал” Липку. Кроме всего, Уокер ему был нужен и для генеральской карьеры в КГБ, без которой он не заработал бы большие деньги в ЦРУ. По этим причинам он скрывал существование Уокера и выдал его, когда миновала опасность своего провала. И не ошибся. В 90-х годах после окончания “холодной войны” роль такого агента, каким был Уокер, перестала являться фатальной угрозой для США, он в итоге перед ЦРУ оправдался. Но конгресс США, если он рассматривал на закрытом заседании вопрос о предоставлении Калугину американского гражданства за “особые заслуги”, как это делается в отношении предателей, мог не принять такую позицию и решение “притормозил”. Может быть, поэтому в упомянутом раннее интервью газете “Совершенно секретно”, отвечая на вопрос о получении вида на жительство в США, Калугин говорит: “Пока глухо. Каменная стена. И никто не объясняет, в чем дело. Одни слухи. Например, говорят, что пенсионеры ЦРУ резко возражают. Ох уж эти ветераны!”. Но и эти слова могут быть ложью.

Другие

Можно закончить рассказ о выданной Калугиным агентуре, хотя имеются и другие свидетельства его предательства. Цель книги — показать на убедительных фактах, что он являлся агентом американской разведки, а не проводить расследование его преступных деяний и тем самым не вмешиваться в

прерогативы следственных органов. Но, все-таки, следует отметить, как расценивает в наши дни действия Калугина его бывший начальник Борис Соломатин. Нелегко, вероятно, Соломатину было публично признать предательство своего бывшего подчиненного и друга в интервью газете “Аргументы и факты” от 11 марта 1996 года. Но для мужественного человека, каким является Соломатин, предательство — категория неприемлемая. Привожу его основные доводы:

“В своем интервью Калугин недавно заявил, что “изложенные в книге сведения об агентуре не позволят ее идентифицировать, даже если сто следователей будут стремиться это сделать в течение десятков лет”. Вот список некоторых агентов КГБ, перечисленных в книге Калугина, которые, как он считает, не могут быть персонально выявлены.

Посол Норвегии в Вашингтоне, который скончался в США в 1965 году. Сколько послов Норвегии в США могло скончаться в 1965 году?

Ответ ясен. Если хочешь узнать, кто это — посмотри дипломатический справочник.

Старший дипломат (видимо, советник, первый секретарь) посольства одной из западноевропейских стран. Придерживался левых взглядов. До приезда в США работал в Бонне. Продолжал работать на КГБ в 70-х годах (после отъезда Калугина из Вашингтона). Проверка по официальным документам позволяет значительно сузить круг старших западноевропейских дипломатов, прибывших из Бонна. Фиксация ФБР любой встречи с ним Калугина подтвердит те данные, которые содержаться в книге.

Женщина архивист посольства крупной европейской страны, которая прибыла в Вашингтон из Москвы, где была два года. Имея такие данные из книги Калугина, даже самый ленивый сотрудник ФБР или ЦРУ сумеет определить, кто же это такая.

Посол крупной арабской страны, с которым Калугин встречался в течение года, и который покинул Вашингтон в 1966 году. Чтобы пересчитать послов крупных арабских стран в Вашингтоне, хватит пальцев на одной руке. Тем более известно, кто из них покинул Вашингтон в 1966 году и, как наверняка знают люди из ФБР, встречался с Калугиным”.

Все выкладки Соломатина говорят о предательстве Калугина путем выдачи агентуры в книге, то есть в 1994 году. Вопрос о шпионаже не поднимается.

Мне пришлось разговаривать со многими бывшими сотрудниками разведки разных уровней, которые знали Калугина, и подавляющее большинство считают, что он предатель, агент

ЦРУ и был непростительно упущен органами госбезопасности. Лишь немногие отвечали, что мало знакомы с последними сообщениями прессы и не следят за новостями. Единицы уклонились от разговора, как мне кажется, опасаясь по разным причинам этой темы.

Еще одно важное уразумение посетило меня при написании последних страниц этой главы. Калугин в своей книге говорит, что резидентура имела задание Центра по установке предателей послевоенного периода. В частности, он высказывает предположение, что если бы резидентуре удалось установить предателя Носенко, то, несомненно, Центр дал бы согласие на его физическую ликвидацию. Но длительные поиски предателей якобы оказались безрезультатными. По его словам, Ларк сообщал, что знаком с Носенко и лишь обещал найти его адрес, “водя нас за нос”. О предателе Голицыне он вспоминает вскользь. Но вот что привлекло мое внимание. К 1968 году Ларк сообщил точные адреса проживания этих двух предателей вблизи Вашингтона. По адресу Носенко, обитавшего в многоэтажном доме, работал даже наш разведчик-нелегал. К отдельному особняку Голицына я лично выезжал много раз и видел человека схожего с ним. Обо всем этом направлялись в Центр отчеты и Калугин их в 1973 году читал. Думаю, что ЦРУ через Ларка передало реальные адреса их проживания с тем, чтобы закрепить наше доверие к нему. И в этом был смысл — по “легенде” при успехе дела Ларка они получали в свои руки разведчика-нелегала. Кроме того, как свидетельствует мировая практика спецслужб, материалы, передаваемые подставленным агентом противной стороне, должны быть достоверными где-то на 95 % и только 5 % могут являться искусно подготовленной дезинформацией.

В моей работе с Ларком на протяжении пяти лет установка предателей разных мастей — от военных лет и позднее — занимала значительный удельный вес. Он был русским и общался в повседневной жизни, наравне с американцами, и со своими земляками. В те годы русских в Вашингтоне проживало очень мало, и все они практически были друг другу известны. Поэтому Ларк давал информацию по ним довольно часто, и по количеству она была намного весомее 5 % по сравнению с другими материалами. Кроме того, ее можно было проверить. Поэтому мы в большей части верили ей даже тогда, когда было определено, что он подстава. Что же касается проведения спецопераций по предателям, так называемых “мокрых дел”, то здесь Калугин умышленно вновь вводит читателя книги в заблуждение. Во время нахождения в отпуске в Москве зимой 1968 года я докладывал начальнику Службы внешней контрразведки

Григоренко в присутствие начальника управления нелегальной разведки о результатах работы линии КР по Голицыну, Носенко и другим предателям. Мне было дано указание прекратить работу по выявлению мест их проживания и вести только общее агентурное наблюдение. Фактически предатели перестали быть субъектами разработки и тем более объектами "мокрых дел".

Конечно, возникает тот же прежний вопрос: зачем Калугин скрывает сообщения Ларка по Голицыну и искажает данные по Носенко? Вероятно прежде всего потому, что информация Ларка в этой части была правдивая и из нее видно о "сдаче" ЦРУ предателей Комитету госбезопасности. Даже Голицын, которому полностью доверял и которого очень ценил Энглтон, был выдан "Советам" в угоду целям ЦРУ и подставлен, как наверняка предполагали в этом ведомстве, под явную смерть. Когда идет крупная игра разведок, такая "мелочевка" как предатели неизбежно приносятся в жертву. Таков удел этой категории отступников, которых в США в наши дни целая колония.

Весьма интересным представляется мнение знаменитого руководителя разведки ГДР Маркуса Вольфа, высказанное им в книге воспоминаний "Игра на чужом поле" в связи с делом Эймса. С Вольфом летом 1990 года встречался как уполномоченный директора ЦРУ Уильяма Уэбстера бывший начальник управления контрразведки этого ведомства и в 70-х резидент в Москве Гарднер Хэтэуэй. По его словам, в службе действует "крот", по вине которого с 1985 года было потеряно около тридцати пяти агентов, в том числе в Бонне и в аппарате КГБ. Он надеялся на помощь Вольфа, но, естественно, ее не получил. Вот впечатление, которое создалось у профессионала высокого класса от бесед с Хэтэуэем:

— Хэтэуэй был так хорошо информирован о структуре советского аппарата, особенно его внешней контрразведки, что я заподозрил в нем высокопоставленного сотрудника американской контрразведки.

Он осторожно упомянул имена известных предателей из Советского Союза — Пеньковского, Гордиевского и Попова. Американец высоко оценивал моего коллегу, начальника внешней контрразведки генерала Киреева, вместе с которым я планировал не одну операцию против ЦРУ. Мой собеседник, похоже, знал о некоторых из них.

Конечно, информированность контрразведчика ЦРУ бралась не из воздуха!

Перед тем как поставить последнюю точку в книге и завершить повествование, хотелось бы все-таки попытаться понять, есть ли у таких людей как Калугин хоть какие-то

ощущения своей родной земли, чувства корневых связей с местом, где они родились, непреодолимое желание общения с такими же, как ты людьми и просто — есть ли у них гордость, и честь человека земли русской? Какие истоки предательства у этого государственного преступника, кидающего грязь и так в многострадальную Россию, за мзду прибавляющего черные страницы к ее истории, в конце концов выбрасываемого прочь своими новыми хозяевами? Иными словами — о его людской совести и отношениях с Родиной.

Личность предателя и истоки измены

Должен признаться, что самой неприятной в написании главой оказалась именно эта — о психологической сущности Калугина. Неоднократно размышлял, надо ли и, если да, то, как характеризовать его личность, как понять, почему он пошел на измену в двадцать четыре года, в самом начале желанной, по его словам, с юношеских лет работы в советской разведке, в свой первый выезд за границу, когда, казалось бы, в жизни открывалась блестящая перспектива… Почему совершил самый большой людской грех — тайно, во лжи предал родину, родителей, семью и, в конце концов, “государеву” службу? Лишь одно сейчас можно утверждать бесспорно — “идеологических” мотивов у него тогда не было и оснований для их появления не существовало.

Говорить о каких-то его достоинствах, будь то личностные или профессиональные, просто не получается — слова с трудом вяжутся между собой, писать только плохое — неприятная банальность. Думать, что пошел на вербовку, находясь в сложной искусно созданной американской контрразведкой ситуации — идти против правды. Колебался, мучался в нерешительности, терзался и совестился — слишком циничной и изощренной была его карьера в КГБ и даже на пенсии в “диссидентстве”. Множество “почему” возникало постоянно. Быть может посмотреть по-другому: что все-таки самое главное в жизни не для него, а для тех людей, которые не совершают подобного ни при каких, даже самых жесточайших обстоятельствах, не говоря уже о добровольности предательства? Мне представляется, что жизненная опора каждого человека, и особенно россиянина — это его Родина, земля, где живут родители, где он родился, вырос, где могилы близких, город, лес или поле, то есть твое родное, без чего жизнь становится пустой и сам ты чужим и ненужным. Об этом редко говорится, это чувствуется, особенно на далекой чужбине. Родное — это как бы святое, и отнять его даже силой

невозможно. Предатель же отдает его добровольно и без боя, ему оно не нужно или он не понимает, что вершит над собой? Наверное, когда не понимает, то он — в трудной ситуации и не может ее сломать, не хватает воли, твердости и обычной храбрости. Здесь можно было бы о чем-то говорить. У Калугина таких обстоятельств не возникало. К сожалению, приходится полагать, что он отдал свое родное, как ему ненужное.

Идеология, строй, политика, система, личности в государстве и все подобные "переменные величины" здесь ни причем. Они для политиканствующих предателей — лишь отговорки, самозащита, оправдание, игры и обман, в большинстве случаев своего рода средства заработать деньги, вид бизнеса. Некоторые приемлют все это, не веря, дают возможность верить другим, но все отлично понимают, что обманувший раз, обманет и в другой. Предавшие и продавшиеся за "тридцать серебряников" всегда презираемы им. Нет людского оправдания, их терпят лишь по нужде спецслужбы.

В итоге — нравственная пустота, тьма, чужой прах в чужой земле порастает чужой незнакомой травой…

Пытался я было найти в книге Калугина и высказываниях сегодняшних дней хоть одно хорошее слово или достойную фразу о его родине России. Увы, к большому сожалению, увидел там лишь плохие слова, обиды и жгучий страх…

Скупо, несколькими штрихами рассказывает Калугин о своих детских, юношеских и студенческих годах. Откровенно говорит, что рос преданным поборником коммунистической идеологии и советской системы государства — увлекался патриотическими книгами Аркадия Гайдара, был активным комсомольцем, готовил себя к работе в системе госбезопасности, усиленно изучая английский язык. Нет упоминания о друзьях тех лет. Все люди, встречавшиеся ему в зрелом возрасте, и даже те, которые способствовали его карьере, обмазаны грязью. Вполне понятно — друзей у предателей не бывает, они опасны, могут узнать лишнее. Не случайно поместил в книге давних лет фотографию близкого ему человека — жены Людмилы, сидящей в поле с закрытыми глазами: мол, согласна ничего не видеть…

Опасаясь невольных повторов, не привожу его многочисленные высказывания о "мечтах по Америке", "красоте и свободе" тамошней жизни, о беспредельном мраке в России, ее убогости и ничтожности. Удивляться этому после всего узнанного о Калугине не приходится, другого ожидать просто-таки невозможно. Складывается незамысловатый сюжет, что ростки тяготения к богатой и красивой жизни за границей зародились у него в школьные годы, когда изучая язык по глушившимся передачам лондонской Би-би-си и с необъяснимым для этого

возраста упорством читая английские книжки, мечтал он стать дипломатом или разведчиком. Говорит, как учил английский именно для этого и овладел иностранным языком после окончания средней школы настолько, что мог уже тогда “стать дипломатом”. Но слишком скучной представлялась ему дипломатическая работа, и он избрал путь разведчика. Со слов Калугина, его отец, узнав о желании сына посвятить себя органам госбезопасности, категорически возражал и настойчиво пытался убедить отпрыска не совершать “глупость”. Но Олег Калугин, вполне обоснованно, не хотел быть похожим на своего отца, мрачного сотрудника органов госбезопасности, потому что тот был тюремным охранником, имел “низшее” образование и средний достаток, жил с семьей долгое время в коммунальной квартире. Затем в 1952 году отец все-таки обратился с просьбой к своему начальству о зачислении Калугина-младшего слушателем в ленинградский Институт иностранных языков МГБ СССР.

Наконец-то осуществилась мечта юношеских лет, и он с первых же дней и с прежним упорством продолжил штудировать английский и другие дисциплины. Институт закончил с дипломом отличника. Впереди разведывательная школа, а затем год в Нью-Йорке. Вот здесь и сработала создавшаяся ранее в подсознание смысловая установка идеала жизни — много денег, комфорт, заграница. Реалии богатой Америки превзошли мечту и подавили остатки имевшейся гражданской позиции. Появилась возможность мечту воплотить в жизнь, предложив свои услуги за деньги богатому противнику. Все казалось быстро достижимым, тем более с его помощью, и он без принуждения пошел на измену. Но близкое превратилось в далекое, потребовались тридцать пять лет страха и огромный риск, балансирование на грани дефолта, между жизнью и смертью, чтобы мечта стала былью. В 1994 году, хотя и со слишком большим опозданием, он ее наконец-то поймал.

Если постараться взглянуть на Калугина, абстрагируясь от его шпионских деяний, то в глазах несведущего человека он может смотреться вполне достойно: весьма эрудированный, интересный, трезвомыслящий собеседник, умеющий строить отношения с людьми разных социальных слоев. Его личная многотомная библиотека книг на иностранных языках невольно вызывала уважение. Но все-таки, при общении с ним оставались неясными причины возникновения чувства недоверия, отсутствия в нем добропорядочности и надежности. Кстати, в мемуарах его коллег, даже тех, кто вспоминает о нем нейтрально и, не обладая достаточной информацией, отвергает возможность его предательства, отсутствуют слова, характеризующие Калугина

как открытого, отзывчивого или справедливого человека.

Все эти качества просматриваются и в его книге. Слишком часто, чтобы поверить, говорит он о том, что никогда не был и не будет предателем своей страны. Выдвигает ненадежные аргументы в подтверждение своей мысли: предатели — люди второго сорта, большинством презираемые, выдали своих коллег, принесли им неприятности, не может стать таким, потому что многие его родственники погибли в войне с фашистами. Ни слова о Родине и ущербе от них государству. В то же время, в других своих публикациях он высоко отзывается о личности другого предателя — Олега Гордиевского, ставит в пример перебежавшего в Америку изменника Швеца, написавшего там книгу о работе вашингтонской резидентуры КГБ и получившего за это "хорошие" деньги. Как бы советует: приезжайте, пишите, выдавайте секреты и вам заплатят. Слова осуждения чужого предательства противоречивые и неискренние и поэтому им не веришь. Складывается отчетливое, близкое к истине, впечатление, что он не хочет, чтобы люди думали о нем как о человеке, предавшем Родину. Исключаю, что им движет какое-то чувство стыда: жить и выглядеть человеком, осуждающим коммунизм, систему КГБ и даже боровшимся со всем этим значительно удобнее, чем быть известным и презираемым, как продавший свое государство за деньги. Ну, конечно, и ЦРУ не желает пока объявлять всему миру о своем "суперкроте" в бывшем КГБ.

Не вызывают даже малого доверия объяснения о перемене взглядов на советскую систему, начавшейся якобы в конце 60-х годов и оформившейся к 70-м в ненависть ко всему советскому и русскому и любви к Америке, и переросшей в 90-х в открытую борьбу. У многих советских граждан тогда появилась критическая точка зрения на ряд политических событий прошлых лет, но это не превратило их из противников коммунизма в борцов против своей страны. Он же таковым постепенно становился с 1959 года. Характерны в этом отношении слова известного английского писателя-разведчика Джона Ле Карре, зазванного Калугиным в свой дом в Москве в 1991 году: "…Он (Калугин — ***А.С.***) один из тех старых врагов западной демократии, кто совершил гладкий переход с их стороны на нашу. Слушая его, невольно ловишь себя на мысли, что он и прежде был на нашей стороне". Не смог проницательный разведчик вынести откровений Калугина и, собравшись с духом, принеся свои извинения, ушел из его дома: "…московский воздух мне кажется чище". Читателю может быть интересно узнать, что Ле Карре первым из современных авторов шпионских романов в своих литературных трудах стал применять термин "крот" для обозначения агента, внедрившегося в

спецслужбу противника.

Можно было бы вовсе не писать эту главу и не говорить ничего о личности Калугина, отметив только одно — он уголовный преступник, лично исполнивший заказное убийство Ларка и, к тому же, сдавший на смерть еще и других. Любое общество такие деяния рассматривает как уголовно наказуемые и обязательно привлекает виновного к ответственности. Устремления киллеров всегда одинаковы — все они стремятся заработать деньги. Таков и Калугин — “суперкрот” ЦРУ, морально прокаженная личность!

Вместо послесловия

Трудно восстанавливать в памяти события прошедших десятилетий и вновь ими жить, и еще труднее видеть пережитое с поправками неизвестного в те годы предательства кого-то из бывших коллег. Исходил же я только из одного: каждый должен отвечать за содеянное, разоблачение изменника неминуемо принесет ему позор и бесчестие.

Не смог бы написать эту книгу без моральной и фактологической поддержки ряда бывших работников органов государственной безопасности разного служебного положения, в том числе и самого высокого. От души, спасибо им, огромное!

Особо хочу сказать читателю, что без поддержки своей семьи и в первую очередь жены Александры и двух сыновей-студентов, не преодолел бы сомнений в своей правоте, не пришел бы ко многим выводам и не смог бы написать эти страницы в относительно короткий срок. Нет слов, которые могли бы сполна выразить им мою признательность.

Завершаю эти последние строки книги святыми словами:

> *“Итак, не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано. Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях”.*
>
> *Евангелие от Матфея, Гл. 10. 26, 27.*

Молодость Калугина

Совершенно случайно в руки попал номер журнала *Америка* номер 45. Года издания нет, но похоже на 60–61 год. Для тех кто не помнит — это официальное “Издание Правительства США”,

распространяемого в СССР по межправительственному соглашению. Среди ненавязчивого потока пропаганды наткнулся на следующую статью.

Статья на стр. 48 “Ленинградец знакомится с жизнью в Соединенных Штатах”

* * *

Симпатичному Олегу Даниловичу Калугину 26 лет; он один из первых четырех советских студентов, зачисленных в Колумбийский университет на основе советско-американского соглашения об обмене в области образования. Всего в пяти университетах США 17 советских студентов, высшие учебные заведения в СССР посещает 21 американский студент. Во время своего пребывания в Колумбийском университете, где у него осталось много друзей, Олег Данилович был избран членом студенческого совета факультета журналистики и выступал перед учащимися. По окончанию учебного года Калугину, как и другим советским студентам, была предоставлена возможность поездить по стране и обогатить свои знания об Америке И ее народе.

* * *

На фото все тот же Калугин. И даже рожа так же дегенеративно перекошена когда улыбается: я думал — это у него старческое, а оказывается от рождения.